

УДК 8:372.8
ISSN 2500-2953

Rhema. Рема

4.2018

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский
педагогический
государственный
университет

ПИ № ФС 77–67769
от 17.11.2016 г.

Адрес редакции:

109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18, комн. 223

Издается с 2002 г.

Выходит 4 раза в год

Журнал входит в Перечень
ведущих рецензируемых журналов
и изданий Высшей аттестационной
комиссии (ВАК)

Подписной индекс журнала

по Объединенному каталогу
«Пресса России» – 85006

Сайт: rhema-journal.com

E-mail: rhema.pema@gmail.com

ISSN 2500-2953

Rhema. Рема

4.2018

THE FOUNDER:
Moscow Pedagogical
State University

The journal has been published
since 2002

Mass media
registration
certificate
ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

The journal is published 4 times a year

Editorial office:
Moscow, Russia,
Verhnyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

E-mail: rhema.pema@gmail.com
Information on journal can be
accessed via: rhema-journal.com

Редакционная коллегия

Главный редактор

Антон Владимирович Циммерлинг – доктор филологических наук; научный руководитель Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета; профессор кафедры общего языкознания и русского языка Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина; профессор кафедры компьютерной лингвистики и формальных моделей языка Московского педагогического государственного университета; ведущий научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН.

Заместитель главного редактора

Екатерина Анатольевна Лютикова – доктор филологических наук, доцент; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; заведующая лабораторией общей лингвистики и теории грамматики Института современных лингвистических исследований, профессор кафедры компьютерной лингвистики и формальных моделей языка Московского педагогического государственного университета.

Ответственный секретарь

Павел Валерьевич Граценков – доктор филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН; старший научный сотрудник лаборатории общей лингвистики и теории грамматики Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета.

Татьяна Михайловна Воителева – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета.

Наталья Дмитриевна Гальскова – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры лингводидактики Московского государственного областного университета.

Елена Валентиновна Гетманская – доктор педагогических наук; профессор кафедры методики преподавания литературы Института филологии Московского педагогического государственного университета.

Атле Грённ – профессор кафедры литературы, страноведения и европейских языков Университета Осло, Норвегия.

Сурен Тигранович Золян – доктор филологических наук, профессор; ведущий научный сотрудник отдела теоретической философии Института философии, социологии и права Национальной Академии наук Армении, г. Ереван, Армения; профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, г. Калининград, Россия.

Илона Кишш – PhD (филология); главный редактор журнала «Русский квартал» Будапештского университета имени Лоранда Этвёша, Венгрия; профессор кафедры всемирной литературы Института филологии Московского педагогического государственного университета; старший научный сотрудник Института перспективных исследований Московского педагогического государственного университета.

Алексей Александрович Корнев – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова.

Павел Лавринец – доктор гуманитарных наук, доцент; заведующий кафедрой русской филологии Вильнюсского университета, Литва.

Анатолий Симонович Либерман – доктор филологических наук; профессор кафедры немецкого, нидерландского и скандинавских языков Университета Миннесоты, г. Миннеаполис, США.

Сильвия Лураги – профессор факультета гуманитарных наук, Университет Павии, Италия.

Михаил Николаевич Михайлов – PhD (филология); профессор переводоведения (русский и финский языки) Института языков, перевода и литературы Университета Тампере, Финляндия.

Игорь Алексеевич Пильщик – доктор филологических наук; ведущий научный сотрудник Института мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова; главный редактор Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор», г. Москва, Россия.

Нерея Мадарьяга Писано – PhD (филология); доцент кафедры классических языков (секция славянской филологии) Университета Страны Басков, г. Витория, Испания.

Владимир Александрович Плунгян – доктор филологических наук, профессор, академик РАН; заместитель директора Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН; заведующий сектором типологии Института языкознания РАН; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики МГУ имени М.В.Ломоносова.

Велка Александрова Попова – кандидат филологических наук; доцент кафедры болгарского языка, сотрудник лаборатории прикладной лингвистики факультета гуманитарных наук Шуменского университета имени Епископа Константина Преславского, Болгария.

Наталья Вадимовна Сердобольская – кандидат филологических наук; доцент Учебно-научного центра лингвистической типологии Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; заведующая лабораторией лингвистической типологии Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета.

Андрей Стоянович – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой иностранных языков Белградского университета, Сербия.

Младен Ухлик – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русского языка Отделения славянских языков философского факультета Университета Любляны, Словения.

Александр Иосифович Федута – доктор филологических наук; редактор биографического альманаха «Асоба і час» («Личность и время»), г. Минск, Республика Беларусь.

Любовь Георгиевна Чапаева – доктор филологических наук; профессор кафедры общего и прикладного языкознания Московского педагогического государственного университета.

Editorial Board

Editor-in-Chief

Anton V. Zimmerling – Dr. Phil. Hab.; head of the Institute for Modern Linguistic Research, Moscow Pedagogical State University; principal research fellow at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; professor at the Department of General Linguistics and Russian Language, Pushkin State Russian Language; professor at the Department of Computational Linguistics and Formal Models of Language, Moscow Pedagogical State University.

Deputy chief editor

Ekaterina A. Lyutikova – Dr. Phil. Hab.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University; head of the Laboratory of General Linguistics and Grammatical Theory, Institute for Modern Linguistic Research, professor at the Department of Computational Linguistics and Formal Models of Language, Moscow Pedagogical State University.

Executive secretary

Pavel V. Grashchenkov – Dr. Phil. Hab.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; research fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; senior research fellow of the Laboratory of General Linguistics and Grammatical Theory, Institute for Modern Linguistic Research, Moscow Pedagogical State University.

Lyubov G. Chapaeva – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of General and Applied Linguistics, Institute of Philology and Foreign languages, Moscow Pedagogical State University.

Aleksandr Feduta – Dr. Phil. Hab.; editor-in-chief of the biographical almanac «Personality and Time», Minsk, Belarus.

Natalia D. Galskova – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of Linguodidactics, Moscow Region State University.

Elena V. Getmanskaya – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of Methods of Teaching Literature, Moscow Pedagogical State University.

Atle Grønn – Dr. Phil. Hab.; professor at ILOS – Department of Literature, Area Studies and European Languages, University of Oslo, Norway.

Iлона Kiss – PhD in Philology; chief editor of the Russian Quarter journal of Budapest Eötvös Loránd University; professor at the Department of the Worlds' Literatures, Moscow Pedagogical State University, senior fellow at the Russian Institute for Advanced Studies, Moscow Pedagogical State University.

Alexey A. Korenev – PhD in Pedagogy; senior lecturer at the Department of Foreign Language Teaching Theory, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University.

Pavel Lavrinec – PhD in Philology; associate professor, head of the Department of Russian Philology, Vilnius University, Lithuania.

Anatoly Liberman – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of German, Dutch and Scandinavian, University of Minnesota, USA.

Silvia Luraghi – PhD in Philology; associate professor at the Department of Humanities, Section of General and Applied Linguistics, University of Pavia, Italy.

Mikhail Mikhailov – PhD in Philology; professor at the School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere, Finland.

Igor A. Pilshikov – Dr. Phil. Hab.; senior research fellow at the Institute of the World Culture, Lomonosov Moscow State University; editor-in-chief of the Fundamental digital library «Russian literature and folklore».

Nerea Madariaga Pisano – PhD in Philology; associate professor at the Department of Classical Studies (Section of Slavic Philology), University of the Basque Country, Vitoria, Spain.

Vladimir A. Plungian – Dr. Phil. Hab., full member of the Russian Academy of Sciences; deputy director of the Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences; head of the Sector of Typology, Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University.

Velka A. Popova – PhD in Philology; associate professor at the Department of Bulgarian, research fellow at the Laboratory of Applied Linguistics, Faculty of Humanities, the Constantin of Preslav Bishop Shumen University, Bulgaria.

Natalia V. Serdobolskaya – PhD in Philology; associate professor at the Training and Research Center for Linguistic Typology, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities; head of the Laboratory of Linguistic Typology, Institute for Modern Linguistic Research, Moscow Pedagogical State University.

Andrej Stojanović – Dr. Phil. Hab., full professor; head of the Department of Foreign Languages, University of Belgrade, Serbia.

Mladen Uhlík – Dr. Phil. Hab., professor; head of the Department of Russian, Institute of Slavic Languages, Faculty of Philosophy, University of Ljubljana, Slovenia.

Tatiana M. Voiteleva – Dr. Ped. Hab., professor at the Department of the Methods of Teaching Russian Language and Literature, Moscow Region State University.

Suren T. Zolyan – Dr. Phil. Hab., professor; leading research fellow at the Department of Theoretical Philosophy, Institute of Philosophy, Sociology and Law Studies, National Academy of Sciences, Yerevan, Armenia; professor at the Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

ЛИНГВИСТИКА

П.В. Гращенков, Е.А. Лютикова

Прилагательные в типологии и теории языка:
семантика, дистрибуция, деривация 9

В.Ф. Выдрин

Там, где корпусные методы теряют эффективность:
пример разделяемых прилагательных в бамана 34

А.А. Герасимова, Е.А. Лютикова

Согласуемые и субстантивированные прилагательные
в русских конструкциях с малыми числительными:
экспериментальное исследование 50

П.В. Гращенков, О.В. Курьянова

Порядок атрибутивных прилагательных в истории
русского языка и статус прилагательного
в структуре именной группы 72

М.О. Черемисинова, Ю.А. Ландер

‘Другой’: типологические наблюдения 109

А.М. Перельцвайг, О.А. Каган

Прилагательные в иерархической структуре
именной группы 125

М.Э. Чумакина

Атрибутив в арчинском языке 166

ФИЛОЛОГИЯ. ТЕКСТОЛОГИЯ

Д.В. Абашева, В.К. Сигов, Р.Х. Шарьяфетдинов

Становление и развитие чувашской фольклористики
и литературоведения XIX в. 190

LINGUISTICS

P. Grashchenkov, E. Lyutikova
Adjectives in typology and linguistic theory:
Semantics, distribution, derivation 9

V. Vydrin
Where corpus methods hit their limits:
The case of separable adjectives in Bambara. 34

A. Gerasimova, E. Lyutikova
Agreeing and substantivized adjectives
in Russian paucal constructions:
An experimental study 50

P. Grashchenkov, O. Kurianova
The order of attributive adjectives in the history of Russian
and the position of adjectives in the noun phrase 72

M. Cheremisinova, Yu. Lander
'Other': typological observations. 109

A. Pereltsvaig, O. Kagan
Adjectives in layers 125

M. Chumakina
Attributive in Archi 166

PHILOLOGY AND TEXTOLOGY

D. Abasheva, V. Sigov, R. Sharyafetdinov
Formation and development of the Chuvash folklore studies
and literary criticism of the 19th century 190

DOI: 10.31862/2500-2953-2018-4-9-33

П.В. Гращенко^{*, **, *}, Е.А. Лютикова^{*, ***, ****}**

^{*} Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, г. Москва, Российская Федерация

^{**} Институт востоковедения РАН,
107031 г. Москва, Российская Федерация

^{***} Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
117485 г. Москва, Российская Федерация

^{****} Московский педагогический государственный университет,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Прилагательные в типологии и теории языка: семантика, дистрибуция, деривация¹

В статье рассматриваются основные проблемы, связанные с категориальным статусом прилагательных во внутриязыковом и типологическом аспекте. Обсуждаются основные семантические противопоставления в системе признаковой лексики, выявляются грамматические категории, характерные для прилагательных, делаются обобщения о дистрибуции этой синтаксической категории. Отдельному рассмотрению подвергается структурная позиция одиночных и ветвящихся прилагательных в именной группе.

Ключевые слова: прилагательные, часть речи, семантическая классификация, атрибутивная позиция, предикативная позиция, атрибутивизация, компаратив.

¹ Работа над статьей велась в рамках проекта РНФ № 18-18-00462 «Коммуникативно-синтаксический интерфейс: типология и грамматика» в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина.

DOI: 10.31862/2500-2953-2018-4-9-33

P. Grashchenkov^{*, **, ***}, **E. Lyutikova**^{*, ***, ****}

* Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

** Institute of Oriental Studies, RAS,
Moscow, 107031, Russian Federation

*** Pushkin State Russian Language Institute,
Moscow, 117485, Russian Federation

**** Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Adjectives in typology and linguistic theory: Semantics, distribution, derivation²

The paper discusses major theoretical issues concerning the adjectival category in both intralinguistic and crosslinguistic aspects. The basic semantic oppositions in the system of property-denoting lexical items are revealed; grammatical categories characteristic for adjectives are identified, generalizations on the syntactic distribution of adjectives are drawn. Special attention is paid to the issue of the structural position of adjectives and adjectival phrases within nominals.

Key words: adjectives, syntactic category, semantic taxonomy, attributive position, predicative position, attributivization, comparative.

Прилагательные зачастую оказываются на периферии типологических и теоретических исследований, существенно уступая таким лексическим категориям, как существительное и глагол, пальму первенства в борьбе за интерес лингвистов. Отчасти это вызвано тем, что прилагательные недостаточно четко противопоставлены ядерным категориям – существительным и глаголам – как во внутриязыковом, так и в межъязыковом аспекте. Спецификой прилагательных в системе частей речи конкретного языка можно считать отсутствие характерной структуры расширенной проекции. В то время как над группой существительного доминирует система функциональных вершин, кодирующих ее количественные и референциальные свойства, а над глагольной группой

² This study is a part of the RSF project # 18-18-00462 “Communicative-syntactic interface: typology and grammar” at the Pushkin State Russian Language Institute.

надстраивается совокупность клаузалных функциональных оболочек, группа прилагательного представляется как своего рода «тупиковая ветвь» деривации, поскольку сама по себе не дает начала никакой рекурсивной категории и не предназначена для обозначения основных внеязыковых объектов – событий и вовлеченных в них индивидов.

В межязыковом отношении прилагательные часто считаются не-универсальной категорией; действительно, универсальная соотнесенность понятийной категории и морфосинтаксического класса для прилагательных может быть поставлена под сомнение. Во-первых, имеются языки, в которых выделение прилагательных как отдельной части речи не может быть обосновано эмпирически: прилагательные образуют один грамматический разряд с существительными или глаголами (стативами, предикативами). Во-вторых, даже при наличии в языке категории прилагательного она может представлять собой закрытый класс. Наконец, в-третьих, категориальный статус прилагательного может отсутствовать у лексем в словаре и возникать лишь в ходе синтаксической деривации, так что прилагательные оказываются поверхностной синтаксической категорией.

В дальнейшем изложении мы укажем основные теоретические проблемы, которые обсуждаются в синтаксической, семантической и типологической литературе в связи с прилагательными. Этот обзор призван прояснить место публикуемых в тематическом номере [Рема, 2018] статей в совокупности исследований, посвященных различным аспектам изучения этой категории.

1. Прилагательное как синтаксическая категория

Категориальный статус прилагательных может существенно различаться в зависимости от того, какой подход к частичечной классификации принимается исследователем. В современных описательных грамматиках принято комплексное определение, учитывающее морфологические, синтаксические и семантические критерии выделения частей речи. Так, например, «Русская грамматика» использует указание на категориальное значение и совокупность морфологических характеристик: «Имя прилагательное – это часть речи, обозначающая непроецессуальный признак предмета и выражающая это значение в словоизменяемых морфологических категориях рода, числа и падежа. Прилагательное обладает морфологической категорией степени сравнения и имеет полные и краткие формы» [Русская грамматика, 1980, § 1294]. Цель такого комплексного определения двойка: с одной стороны, указать на прототип данной категории, а с другой – обеспечить включение в категорию всех релевантных единиц. Признаковое

определение синтаксической категории, подразумевающее технику прототипа (не все признаки прототипа обязательны для принадлежности категории, но центром категории являются единицы, удовлетворяющие максимальному количеству признаков), связано с тем, что даже в пределах одного языка имеются существенные расхождения в свойствах единиц одной и той же части речи. Это особенно справедливо для такой синтаксической категории, как прилагательное.

Переход к межъязыковому определению прилагательного сопряжен с учетом дополнительных параметров, характеризующих морфосинтаксический компонент языка. Он находит свое отражение в принятом в современной типологии подходом к выделению частей речи, основанном на понятии маркированности [Hopper, Thompson, 1984; Thompson, 1988; Тестелец, 1990; Croft, 1991; Bhat, 1994; Beck, 2002; Dixon, 2004]. Типологи выделяют немаркированные (= не получающие специального оформления) и маркированные (= получающие такое оформление) употребления лексических единиц. Первое последовательное применение теории маркированности к частеречной таксономии представлено в [Croft, 1991]. У. Крофт предлагает ввести в рассмотрение три семантических типа лексем: объекты, свойства и действия. Объекты представлены в языке именами, свойства – прилагательными, а действия – глаголами (ср. с выделением соответствующих категориальных значений предметности, признака, действия у А.М. Пешковского [Пешковский, 1914/1956]). Этим трем типам лексических единиц соответствуют три базовые функции: референция, модификация и предикация. Для каждого типа лексем существует немаркированное и маркированное употребление. Немаркированному употреблению имен соответствуют референция, немаркированному употреблению прилагательных – модификация, глаголов – предикация.

Употребление лексемы в некоторой функции может сопровождаться или не сопровождаться маркированием. В частности, употребление лексем в несобственной функции может (но не обязательно) быть дополнительно маркировано. Так, употребление имен может дополнительно маркироваться или не маркироваться в функции модификации и предикации, употребление прилагательных может маркироваться или не маркироваться в функции референции и предикации, а употребление глаголов может маркироваться или не маркироваться в функции референции и модификации. В примере (1) из английского языка показано маркированное употребление прилагательного *soft* ‘мягкий’ в функции предикации; в примере (2) из татарского языка демонстрируется немаркированное употребление существительных *таш* ‘камень’ и *агач* ‘дерево’ в функции модификации.

- (1) a. Love softens hearts.
 ‘Любовь смягчает сердца.’
 b. His manners were soft.
 ‘Его манеры были мягкими.’
- (2) a. таш йорт
 ‘каменный дом’
 b. агач күпер
 ‘деревянный мост’

Важное обобщение, позволяющее определять категориальную принадлежность лексемы, согласно Крофту, состоит в следующем: употребление некоторой части речи в ее базовой функции не может быть более маркированным, чем ее употребление в несобственной функции. Например, татарское существительное *таш* ‘камень’ не должно употребляться немаркированно в аппозитивной именной группе *таш йорт* ‘каменный дом’ и при этом быть маркировано в контекстах типа *Таш төшердем* ‘Я бросил камень’.

Функционально-типологическая идея маркированности имплементируется в формальную грамматику в монографии [Baker, 2003]. Формально-синтаксическая парадигма, представителем которой является М. Бейкер, изначально лишь постулировала разделение лексем на основные лексические классы [Chomsky, 1957]. В [Chomsky, 1970] вводится система бинарных признаков [+/-N], [+/-V], определяющая имена как [+N,-V], глаголы как [-N,+V], прилагательные как [+N,+V], а предлоги как [-N,-V]. Такой подход помогал «нащупать» общие свойства, например, глаголов и предлогов (способность к управлению, [-N]) или объяснить то, что глаголы и прилагательные в некоторых языках могут формировать одну часть речи (и те, и другие имеют признак [+V]). Тем не менее, вопрос об онтологическом статусе разных частей речи и причинах разделения лексем по частеречному признаку долгое время был для генеративной лингвистики в известной степени второстепенным.

М. Бейкер предпринял попытку представить функционально-ориентированный подход Крофта в терминах формальной лингвистики. Бейкер предлагает формальные аналогии зачастую трудноуловимых и размытых семантических критериев, основывающихся на категориальном значении. Имена отличаются от глаголов и прилагательных тем, что обладают способностью к обозначению референта, или, в терминологии Бейкера, содержат референциальный индекс. Глаголы, в отличие от существительных и прилагательных, могут быть предикатами. Бейкер понимает предикат синтаксически, как такую категорию, которая

может проецировать позицию спецификатора (подлежащего). Существительным и прилагательным для того, чтобы стать предикатом, необходимо прежде соединиться с синтаксической единицей, имеющей свой спецификатор, как правило – функциональной проекцией Pred (связкой) или (легким) глаголом. Прилагательные определяются отрицательно: они не могут содержать референциального индекса и не проецируют собственный спецификатор. Отсюда следует особый статус прилагательного: для него доступны лишь такие синтаксические позиции, где не требуется ни референциальный индекс (например, для заполнения аргументной позиции и списывания тематической роли), ни предикативная структура.

Формализация представления о маркированном употреблении лексемы в несобственной функции как ее соединении с функциональными вершинами, несущими необходимые для таких употреблений признаки, позволяет поставить вопрос о демаркации категориального значения лексической единицы и ее формальных признаков, определяющих возможность употребления в определенном синтаксическом контексте. В следующем разделе мы обсудим основные содержательные противопоставления в семантике прилагательных, после чего перейдем к их морфосинтаксическим характеристикам.

2. Семантические классы прилагательных

Выделение лексической зоны прилагательных и проведение границ внутри нее представляется важным для исследования синтаксических и типологических оснований адъективности. Еще с момента опубликования знаменитой статьи Р. Диксона [Dixon, 1977] стало понятно, что морфосинтаксис отдельных лексем в сильной степени определяется их семантикой.

Семантически прилагательные примечательны в первую очередь тем, что многим из них (хотя и не всем, ср.: *равный*, *мертвый*...) соответствуют градуальные значения. В отличие от именных предикатов типа 'быть домом', признак, задаваемый адъективными предикатами, устроен иначе. В случае 'быть домом' мы можем разделить все объекты на дома и не-дома. Значение 'быть высоким' устроено более сложно. Для прилагательного характерна ситуация оценки, включающая субъект, параметр и обстоятельства оценки. Один и тот же дом будет высоким для одного говорящего и не будет таковым для другого; высокий дом в деревне будет отличаться от высокого дома в городе и т.д. Принято считать, что значение прилагательных содержит не только название признака, но и переменную, характеризующую степень проявления этого признака (degree variable). Положительная степень прилагательного (*высокий*) при этом оказывается семантически сложнее сравнительной степени (*выше*), т.к. содержит указание на то, что степень проявления

задаваемого прилагательным свойства достигла в данной ситуации (и по мнению говорящего) определенного уровня или «стандарта». Когнитивная структура ситуации сравнения и ее отражение в семантике и синтаксисе прилагательных детально исследованы во многих работах, см. [Kennedy, 1997; Kennedy, McNally, 2005; Ionin, Matushansky, 2013; Bylinina, 2014; Morzycki, 2015].

Важным семантическим свойством прилагательных является способность задаваемого ими признака изменяться во времени. Т.В. Булыгина пишет: «Существенной характеристикой адъективных и субстантивных предикатов ... является относительная независимость от времени, отсутствие четких временных границ существования связи между субъектом и приписываемым ему признаком» [Булыгина, 1982, с. 14]. Тем менее, признаки, задаваемые прилагательными, могут обладать отнесенностью к определенному моменту времени и проявляться в разные моменты времени в разной степени, ср. *веселый, пьяный, сердитый, холодный*, с одной стороны, и *интересный, умный, любознательный, круглый* – с другой. Прилагательные первого типа соответствуют состояниям по [Булыгина, 1982] или предикатам стадийного уровня по [Carlson, 1980]; прилагательные второго типа соответствуют качествам по [Булыгина, 1982] или предикатам индивидуального уровня по [Carlson, 1980]. Прилагательные, задающие состояния (*веселый, пьяный, сердитый, холодный* и т.д.), часто имеют однокоренной предельный глагол, описывающий переход в данное состояние (инхотатив): *повеселеть, опьянеть, рассердиться, охладиться* и т.д. Прилагательные, задающие качества, обычно не имеют подобных аналогов.

Одна из наиболее важных семантических характеристик прилагательных вводится в рассмотрение в работах Б. Парти. В отношении способа семантической композиции прилагательного с существительным могут быть выделены два класса прилагательных: интересективные и неинтерсективные. Интересективные прилагательные соединяются с существительными посредством конъюнкции предикатов; в (3) показана семантическая композиция существительного с интересективным прилагательным *carnivorous* ‘плотоядный’.

$$(3) \parallel \text{carnivorous mammals} \parallel = \parallel \text{carnivorous} \parallel \cap \parallel \text{mammals} \parallel \\ = \{x \mid x \text{ is carnivorous and } x \text{ is a mammal}\} \\ \text{‘плотоядные млекопитающие’ [Partee, 1984, p. 11]}$$

Неинтерсективное прилагательное показано в примере (4).

$$(4) \parallel \text{skillful violinist} \parallel \neq \parallel \text{skillful} \parallel \cap \parallel \text{violinist} \parallel \\ \neq \{x \mid x \text{ is skillful and } x \text{ is a violinist}\} \\ \text{‘искусный скрипач’ [Там же, p. 12]}$$

Релевантное значение именной группы *искусный скрипач* ('искусный в качестве скрипача') невозможно представить себе как пересечение значений 'быть искусным' и 'быть скрипачом'. Существуют разнообразные типы неинтерсективных интерпретаций и, соответственно, классы неинтерсективных прилагательных: ср. *бывший президент, фальшивый доллар, интеллектуальный карлик*. Во многих случаях прилагательное допускает оба типа интерпретаций: так, *прекрасная танцовщица* может обозначать и девушку, которая прекрасно танцует, и красивую танцовщицу.

Важным свойством прилагательных является также возможность рестриктивного и нерестриктивного прочтения. Их различие Б. Парти демонстрирует на примере английской именной группы *the curious student* 'любопытный студент': при аппозитивной интерпретации определенной дескрипции *the student* дополнительно предиктируется признак любопытности; при рестриктивной интерпретации этот признак участвует в создании дескрипции [Partee, 1984, p. 6].

Обратимся теперь к онтологической таксономии адекативных значений. Различные подходы к семантической классификации прилагательных неоднократно предлагались как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике [Bolinger, 1967; Givón, 1970; Dixon, 1977, 2004; Шрамм, 1979; Харитончик, 1990; Богуславская, 2005; Кустова, 2009; Кюсева и др., 2013]. Одной из наиболее влиятельных работ, затрагивающих вопросы семантической классификации прилагательных, стала статья Р. Диксона [Dixon, 1977]. Выделение семантических классов прилагательных проводилось как на основе анализа свойств прилагательных в английском языке, так и с учетом типологического материала. Диксоном было установлено 7 классов прилагательных с близкими (внутри класса) семантическими и грамматическими свойствами:

(5) Семантические классы прилагательных в [Dixon, 1977]

РАЗМЕР (*большой, маленький, длинный, короткий, широкий, узкий, ...*)

ФИЗИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА (*жесткий, мягкий, тяжелый, легкий, ...*)

ЦВЕТ (*черный, белый, красный, ...*)

СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА (*ревнивый, счастливый, добрый, умный, веселый, жестокий, ...*)

ВРЕМЯ (*новый, молодой, старый, ...*)

ОЦЕНКА (*хороший, плохой, правильный, совершенный, ...*)

СКОРОСТЬ (*быстрый, медленный, ...*)

В работе Диксона было рассмотрено 17 неродственных языков с небольшим количеством адекативных лексем. На основании того, какие значения в этих языках выражаются прилагательными, Диксоном

были выделены наиболее «типологически востребованные» семантические классы. Иерархия подобной типологической актуальности адъективной семантики выглядит следующим образом (от более редких к более частотным значениям):

- (6) Семантические типы, регулярно реализуемые как прилагательные по [Dixon, 1977]

СКОРОСТЬ

СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА

ФИЗИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА

РАЗМЕР

ОЦЕНКА / ЦВЕТ

ВРЕМЯ

Под чертой находятся значения, которые обладают наиболее сильной предрасположенностью к тому, чтобы быть в некотором языке выраженными при помощи прилагательных. Можно сказать, что сколь бы ни были малочисленны прилагательные в некотором языке, данные классы (хотя бы частично) будут выражаться прилагательными.

Помимо классификации значений на основании их тяготения к адъективной категории, выявляемого при помощи межъязыкового сравнения, возможно также построение таксономий на чисто логических основаниях [Шрамм, 1979] или на основе некоторой совокупности лексико-грамматических параметров в конкретном языке. К последнему типу относится классификация русских прилагательных [Гращенков, Кобозева, 2017]: в этой работе прилагательные объединяются в классы на основании того, каких семантических участников они присоединяют и какое оформление получают эти участники. В (7)–(8) показаны классы русских прилагательных, проецирующих либо не проецирующих собственные аргументы.

- (7) Семантические классы русских прилагательных, принимающих зависимые

a. ОЦЕНОЧНЫЕ: *важный, второстепенный, жуткий, забавный, удачный, ...*

b. ВРЕМЕННЫЕ

СРОК: *новый, старый, ...*

СКОРОСТЬ: *долгий, краткий, ...*

c. ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ: *ближний, близкий, далекий, дальний, ...*

d. ТОЖДЕСТВА: *идентичный, одинаковый, параллельный, похожий, равный, различный, разный, схожий, ...*

- (7) е. ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ: *безразличный, благожелательный, вежливый, внимательный, враждебный, гостеприимный, милосердный, ...*
- ф. БЕНЕФАКТИВНЫЕ: *вредный, выгодный, опасный, полезный, ценный, чреватый, ...*
- г. ИЗВЕСТНОСТИ: *знакомый, знаменитый, известный, популярный, прославленный, ...*
- h. ТИПИЧНОСТИ: *обыкновенный, обычный, привычный, свойственный, специфический, типичный, характерный, ...*
- і. СОДЕРЖАНИЯ: *богатый, бедный, полный, пустой, ...*
- (8) Семантические классы русских прилагательных, не имеющих зависимых
- ј. РАЗМЕР: *длинный, короткий, высокий, низкий, широкий, узкий, глубокий, ...*
- к. ФИЗИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА
- ЦВЕТ: *черный, красный, зеленый, ...*
- ОСЯЗАНИЕ: *жидкий, горячий, сухой, мягкий, ...*
- СЛУХ: *тихий, громкий, беззвучный, ...*
- ОБОНЯНИЕ: *медвяный, чадный, затхлый, ...*
- ВКУС: *сырой, сладкий, соленый, горький, ...*
- ВЕС: *твердый, легкий, крепкий, мягкий, ...*
- l. ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА И СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА: *ревнивый, счастливый, добродушный, умный, веселый, угрюмый, ...*
- m. МЕСТО: *новгородский, речной, ...*
- n. НАЦИОНАЛЬНОСТЬ: *немецкий, японский, ...*
- о. МАТЕРИАЛ: *каменный, золотой, ...*

Элементы внутри одного класса зачастую демонстрируют сходство в грамматических свойствах, а прилагательные разных классов, напротив, могут быть противопоставлены друг другу по своим дистрибутивным характеристикам. Так, например, прилагательные места, национальности и материала часто отсутствуют в языке или имеют дефектную парадигму, а соответствующие значения передаются при помощи именных конструкций.

3. Грамматические категории прилагательных

Грамматические категории прилагательных можно разделить на собственные (интерпретируемые) и согласовательные (неинтерпретируемые). Согласовательные категории повторяют некоторое подмножество

именных категорий в их неинтерпретируемом варианте. Так, например, в русском языке полные формы прилагательного выражают согласовательные род, одушевленность, число и падеж, а краткие формы – род и число. В бежтинском языке, как и во многих других дагестанских языках, прилагательные согласуются по категориям именного класса, числа и косвенности. В тюркских языках прилагательные не выражают никаких согласовательных характеристик³.

Собственные грамматические категории прилагательного немногочисленны; к ним традиционно причисляют степени сравнения (компаратив и суперлатив). Типологически компаратив (и отчасти суперлатив) являются наиболее характеристическими для прилагательных категориями [Bhat, 1994; Dixon, Aikhenvald, 2004]. Способность образовывать компаративную конструкцию может служить критерием отнесения лексической единицы к классу прилагательных. Так, например, в дравидийском языке каннада только прилагательные могут образовывать предикативную сравнительную конструкцию с эталоном сравнения в дативе.

- (9) idu adakk-inta dodda mane
этот тот-DAT.COMP большой дом
‘Этот дом больше, чем тот.’ [Bhat, 1994, p. 26]

Попытка образовать аналогичную конструкцию на основе имен или глаголов приводит в каннада к неграмматичности (10a–b), при том что типологически засвидетельствованы случаи образования компаративов от имен и глаголов, ср. (11) из санскрита и (12) из языка волоф.

- (10) a. *allig-inta jana illi se:ridda:re
там-DAT.COMP люди здесь соберутся
Ожид.: ‘Больше народу здесь, чем там.’ [Там же]

- b. *avanu nanag-inta o:d-idda:ne
он я-DAT.COMP прочел
Ожид.: ‘Он прочел больше, чем я.’ [Там же]

- (11) a. govinda:d ra:mo vidvat-tarah
Говинда.AVL Рама.NOM знаток-COMP
‘Рама более мудр, чем Говинда.’ [Bhat, 1994, p. 182]

- b. ra:mah sarvesu suhrt-tamah
Рама.NOM все.LOC друг-SUPER.NOM
‘Рама – лучший друг всех.’ [Там же]

³ Разумеется, здесь мы имеем в виду несубстантивированные употребления прилагательных. При субстантивации набор грамматических категорий прилагательного совпадает с именным.

- (12) a. Ibu moo gëna nau Aamadu
 Ибу 3.SG COMP несчастный Амаду
 ‘Ибу несчастнее Амаду’ [McLaughlin, 2004, p. 258]
- b. Maa la gëna ligéey
 я вы COMP работать
 ‘Я работаю больше, чем ты.’ [Там же]

Отдельного упоминания заслуживает существование во многих языках непроизводных (супплетивных) форм компаратива и суперлатива. Наличие таких форм засвидетельствовано для прилагательных, но не для имен и глаголов. Так, в языке волоф, использующем один и тот же показатель сравнения для прилагательных и глаголов, существуют непроизводные основы сравнительной степени, имеющие только адъективную дистрибуцию.

- (13) Aamadu moo sut Ibu
 Амаду 3.SG выше Ибу
 ‘Амаду выше Ибу.’ [Hajek, 2004, p. 258]

Даже в тех языках, где прилагательное совпадает в своих основных дистрибутивных свойствах с именем или глаголом, компаратив может давать основания для различия глаголов, имен и прилагательных. Так, в тагальском языке «наблюдается полное формальное тождество глаголов и прилагательных, прилагательных и существительных, при котором размываются семантические границы между частями речи, например, *madali* ‘быстрый’ – *madali* ‘быть быстрым’, ‘торопиться» [Шкарбан, 1995, p. 166]. Компаратив в тагальском образуется как от прилагательных, так и от других категорий. Однако правила употребления показателя компаратива с прилагательными и глаголами отличаются. Так, сравнительное наречие обязательно для конструкций с глаголами и факультативно с прилагательными:

- (14) a. (Mas) mabigat ang aso kaysa-sa pusa.
 более тяжелый PRT собака чем кошка
 ‘Собака тяжелее кошки.’ [Schachter, Otones, 1972, p. 240]
- b. *(Mas) pinaniniwalaan ko si Juan kaysa-sa-kay Pedro.
 более верить я PRT Хуан чем Педро
 ‘Я верю Хуану больше, чем Педро.’ [Там же, p. 241]

Еще одно отличие, связанное с семантической зоной компаратива, мы находим в интерпретации редуцированных форм [Hajek, 2004]. Повторение основы регулярно соответствует значению большей интенсивности, ср. рус. *длинный-(пре)длинный*; багвалинское: *L'ani* –

‘толстый’ vs. *L’ani-L’anu* – ‘очень толстый’. В некоторых случаях, как, например, во вьетнамском, редупликация связана, напротив, с деинтенсификацией [Ван Ко, 2015, с. 92–93]. Тагальские прилагательные, при всем видимом отсутствии формальных отличий от имен и глаголов, также наследуют эту типологически устойчивую для прилагательных склонность к редупликации. Как замечает Л.И. Шкарбан, «[п]ревосходная (сравнительная) степень выражается у прилагательных также моделью *ka-R-an* (R – двусложное удвоение), например, ... *katamurahan*... Структурный признак (удвоение) отличает эту адъективную модель от глагольной и субстантивной моделей на *ka – an* (у глаголов процесса – пассивный залог, у существительных – средство образования абстрактных существительных)» [Шкарбан, 1995, с. 168].

Наконец, еще одна морфологическая характеристика, регулярно отличающая прилагательные от других частей речи, – выбор деривационных показателей. Многие деривационные морфемы обладают избирательностью в отношении синтаксической категории своих комплементов; так, например, в русском языке словообразовательный суффикс *-ость* (*нужность, востребованность, смелость, молодость*) образует абстрактные существительные только от адъективных основ. В языках с бедным словоизменением деривационный потенциал основы может выступать единственным морфологическим частеречным критерием. Например, в тайском языке лексемы с семантикой, характерной для прилагательных, обладают синтаксическими и морфологическими свойствами глаголов. Есть, однако, следующие отличия. В случае выбора номинализатора глагольные и адъективно-стативные лексемы прибегают к разным стратегиям: глаголы оформляются показателем *khwaam*, в то время как прилагательные – показателем *kaan* (15); похожая ситуация с показателем *jaaŋ*, производящим наречия – он сочетается с прилагательными, но не с глаголами (16).

(15) a. *khwaam* *dii* / **kaan* *dii*
 NMN1 добрый NMN2 добрый
 ‘доброта’ [Post, 2008, p. 349]

b. **khwaam* *dəən* / *kaan* *dəən*
 NMN1 ходить NMN2 ходить
 ‘хождение’ [Там же]

(16) a. *phùut* *kàp* *phùujàj* *jaaŋ-suphâap*
 говорить сом старший ADV-вежливый
 ‘Со старшими разговаривай вежливо.’ [Post, 2008, p. 355]

b. **phùut* *kàp* *phùujàj* *jaaŋ-rúu*
 говорить сом старший ADV-знать
 Ожид.: ‘Со старшими разговаривай со знанием.’ [Там же]

4. Дистрибуция прилагательных: атрибутивные и предикативные употребления. Атрибутивизация

Попытка применения дистрибутивного критерия для межъязыковой идентификации прилагательных дает достаточно противоречивые результаты. С одной стороны, в таких языках, как русский или английский, явным образом выделяется два синтаксических контекста, в которых появляются прилагательные: это атрибутивный контекст (позиция модификатора в именной группе) и предикативный контекст (позиция сказуемого, а также второстепенного сказуемого – результата или депиктива). При этом атрибутивная позиция с точки зрения критерия маркированности оказывается базовой позицией для прилагательного, а появление в этой позиции других синтаксических категорий – глаголов или существительных – требует дополнительного маркирования (17).

- (17) a. *the fast boat* ‘быстрая лодка’
 b. *the floating boat* ‘плывущая лодка’
 c. *the wooden boat* ‘деревянная лодка’

С другой стороны, существуют языки, в которых немаркированная позиция признаковой лексики – предикативная. Например, в языках со стативами привычные нам как адъективные значения фактически передаются непереходными глаголами. Во вьетнамском языке прилагательное может, подобно глаголу, возглавлять независимое предложение (18).

- (18) Giáo sư Smith thông minh vô cùng.
 профессор Смит умный без границ
 ‘Профессор Смит очень умен.’ [Phap, 2006, p. 187]

В тех языках, которые располагают средствами для кодирования вида и времени, такие лексические единицы получают релевантные видо-временные показатели. В следующих примерах из сино-тибетского цяньского языка стативы могут оформляться континуативом и проспективом, а также итеративом и инхоативом.

- (19) a. mə tea-χqa:
 небо CONTIN-чистый:PROSP
 ‘Небо все еще будет чистым.’ [LaPolla, Huang, 2004, p. 310]
 b. mutuple: zə-məra-j-ji.
 погода PREF-холодно-IT-INCH
 ‘Снова становится холодно.’ [Там же]

Чрезвычайно интересный материал для типологии адъективности дает цахурский язык. В цахурском языке любые приименные зависимые получают одинаковое маркирование; в [Кибрик, 1999] система этих маркеров образует морфосинтаксическую категорию атрибутива. Атрибутив фактически представляет собой средство оформления любого зависимого в именной группе: референтного и нереферентного посессора, основы предикатива (= прилагательного), падежной или послеложной группы, относительного предложения (20).

- (20) a. adamī-na dost
 мужчина-АА друг.1
 ‘друг мужа’ [Там же, с. 378]
- b. wiRile-na guḷ
 мужчина-АА сила.3
 ‘мужская сила’ [Там же]
- c. ma-na jug-na balkan
 этот-АА хороший-АА лошадь.3
 ‘эта хорошая лошадь’
- d. akel-i-k_oa-na gade
 ум-ОBL-СОМП-АА мальчик.1
 ‘умный мальчик’
- e. č'ij-e-l_j uRa-n samaljot
 земля-ОBL-SUP над-А самолет.4
 ‘самолет над землей’ [Лютикова, 2017, с. 674]
- f. zak'le Gaḷžena [gade horRul]-na jed_j
 я.АФФ 2.увидел [мальчик мыть.PF]-АА мать.2
 ‘Я увидел мать, которая помыла сына.’ [Кибрик, 1999, с. 87]

Отдельный интерес представляет категориальная характеристика компонента атрибутива в (20с). В [Кибрик, 1999] такие единицы относятся к разряду предикативов. Они получили такой ярлык, поскольку в наименее маркированной форме выступают в цахурском языке в функции предикативного компонента сложного предиката: «Семантически они являются предикатами (имеют по крайней мере одну валентность со значением носителя данного признака или пребывающего в данном состоянии партиципанта). Этим свойством они сближаются с глаголами. С другой стороны, для этих слов типической (статистически преобладающей, то есть функционально немаркированной) синтаксической позицией является не позиция сказуемого (базовая для глаголов), а позиция модификатора имени» [Там же, с. 92]. В (21) показано употребление предикатива в функции сказуемого.

- (21) a. Xiw mis-mik'a qi=w=xa.
 село.3 голодный-холодный 3=стал
 'В селе стало холодно, голодно. [= Село голодным-холодным стало]' [Кибрик, 1999, с. 854]
- b. gade nařwalin č'ara qixa.
 мальчик.1 от.стыда красный 1.стал
 'Мальчик от стыда покраснел.' [Там же, с. 96]

Фактически русским прилагательным соответствуют в цахурском языке предикативы с атрибутивным маркером. Легко видеть, что семантико-грамматические признаки адъективной категории при этом оказываются распределены между разными единицами: с точки зрения категориального значения прилагательным соответствуют предикативы (но их немаркированная дистрибуция не соответствует таковой у русских прилагательных), а с точки зрения внешней дистрибуции прилагательными можно считать все атрибутивные формы (которые могут соответствовать не только значению признака).

Похожая ситуация имеет место в китайском языке. Китайский располагает маркером приименной зависимости *de*, также глоссируемым ниже как атрибутив. Этот показатель имеет широкую сочетаемость и может использоваться для оформления посессора, прилагательного, относительного предложения или послеложной группы (22).

- (22) a. xiao-hai de mama
 ребенок А мама
 'мама ребенка'
- b. piao-liang de nü-ren
 красивый А женщина
 'красивая женщина'
- c. [hua zai qiang shang] de hua
 рисовать IPF стена на А рисунок
 'нарисованный на стене рисунок'
- d. [shan shang] de wu-zi
 гора на А дом
 'дом на горе'

Таким образом, мы приходим к выводу, что помимо ядерной адъективной категории, соотносимой с определенным типом значений и немаркированно употребляющейся в атрибутивном контексте, в языках представлена также атрибутивная категория, превращающая составляющие с различными категориальными признаками в приименные

модификаторы. Атрибутив представляет собой классическую реализацию функциональной вершины Mod(ifier) [Rubin, 2002, 2003], посредством которой произвольная ХР адъективируется и становится модификатором именной группы. Атрибутивизаторы, как и любые деривационные морфемы, могут обладать большей или меньшей избирательностью в отношении своего зависимого: так, цахурский атрибутив оформляет группы любых лексических категорий, а, например, татарские атрибутивизаторы *-лы* и *-гы* присоединяются соответственно к именным и адвербиальным составляющим.

5. Прилагательные в структуре именной группы

Известным аргументом в пользу принципиально единого устройства именных групп в языках разной структуры является тот факт, что порядок следования адъективных зависимых в именной группе обнаруживает, с одной стороны, достаточную степень жесткости в пределах конкретных языков, а с другой – удивительное сходство при межъязыковом сравнении. Различные иерархии семантических классов прилагательных, имеющие как описательный, так и прескриптивный характер, сходятся в том, что ближе к именной вершине располагаются относительные прилагательные, обозначающие ингерентные и постоянные свойства референта и определяющие его тип (kind); затем следуют качественные прилагательные, связанные с временными свойствами, количественной и качественной оценкой; и, наконец, дальше всего от именной вершины помещаются прилагательные, имеющие анафорическую функцию (*другой, иной, такой*) или отсылающие к посессору. В (23) приводятся некоторые иерархии прилагательных, полученные на основе внутри- и межъязыковых данных о порядке слов в именной группе.

- (23) a. Adj_{QUANTIFICATION} > Adj_{QUALITY} > Adj_{SIZE} > Adj_{SHAPE} > Adj_{COLOR} > Adj_{NATIONALITY} [Cinque, 1994]
- b. Ordinal > Cardinal > Subject Comment > Evidential > Size > Length > Height > Speed > Depth > Width > Temperature > Wetness > Age > Shape > Color > Nationality/Origin > Material [Scott, 2002]
- c. [QUANTIF Ordinal > Cardinal] > [SPEAK-ORIENT Subject Comment > Evidential] > [SCALAR PHYS. PROP. Size > Length > Height > Speed > Depth > Width] > [MEASURE Weight > Temperature > Wetness > Age] > [NON-SCALAR PHYS. PROP. Shape > Color > Nationality/Origin > Material] [Laenzlinger, 2005]

Учитывая выявляемую независимо иерархию следования функциональных проекций в именных составляющих, мы можем задаться вопросом, в какой степени эти две иерархии связаны друг с другом.

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нужно прежде всего установить статус прилагательных в именной группе. Здесь перед нами несколько параметров, каждый из которых может принимать определенные значения для некоторого класса употреблений прилагательных в конкретном языке. Во-первых, это оппозиция вершин и групп: является ли одиночное атрибутивное прилагательное вершиной, принимающей в качестве комплемента именную составляющую, или группой, возникающей в составе некоторой другой проекции. Во-вторых, является ли группа прилагательного адьюнктом или заполняет позицию спецификатора некоторой лексической или функциональной проекции. Наконец, в-третьих, соответствует ли иерархии семантических классов прилагательных иерархия функциональных проекций.

Классический генеративный ответ на эти вопросы состоит в том, что прилагательное всегда проецирует группу и выступает в качестве адьюнкта – необязательного зависимого – в группе лексического существительного (NP). Иной ответ предлагает гипотеза Г. Чинкве [Cinque, 1994, 1995, 1999, 2005], согласно которой семантическая классификация прилагательных имеет синтаксическую репрезентацию. Каждому классу соответствует функциональная проекция в расширенной структуре именной группы, и прилагательные занимают позиции вершин (а группы прилагательных – позиции спецификаторов) этих проекций (24).

$$(24) [_{DP} \dots [_{\alpha 1P} A_1 [_{\alpha 2P} A_2 [_{\alpha 3P} A_3 \dots [_{\alpha nP} A_n \dots [_{NP} N]]]]]]]$$

Жесткий порядок следования прилагательных, равно как и его реализация в разноструктурных языках, связаны с тем, что порядок следования функциональных проекций в именной группе универсален. Исследуя, с одной стороны, взаимный порядок следования фразовых модификаторов в именной группе, а с другой – порядок следования аффиксов в именной словоформе, мы можем восстановить универсальную структуру проекций, окружающих лексическую вершину. Программа исследований, опирающаяся на эту гипотезу, получила название картографии / картографического подхода (cartography) к синтаксису различных фразовых категорий, в т.ч. и именной группы. Таким образом, картографический подход является доведенным до логического предела развитием гипотезы об универсальности семантической и грамматической структуры и ее синтаксической репрезентации, начало которому на материале именной группы положила DP-гипотеза.

Следует отметить, что предсказания картографического подхода относительно возможного порядка следования модификаторов именной группы излишне жесткие, а предсказания NP-гипотезы, в которой все модификаторы являются адьюнктами одного уровня, – излишне мягкие. Если первый предсказывает для некоторого набора модификаторов и вершин единственный возможный порядок следования (дополнительными возмущающими факторами может выступать синтаксическое передвижение, например, N-to-D, или реструктуризация последовательности аффиксов (rearrangement) в морфологии), то второй предполагает существенную свободу в линеаризации модификаторов, ограниченную правилами семантической композиции в грамматике и общими когнитивными принципами вне ее.

На наш взгляд, наиболее адекватной является промежуточная между этими двумя экстремумами точка зрения, развиваемая в [Svenonius, 2008]. Согласно П. Свенониусу, прилагательные не имеют вершинного статуса, но являются группами, и не возглавляют специальных проекций в расширенной функциональной структуре имени. Тем не менее они могут адьюнгироваться как к лексической, так и к различным функциональным проекциям именной группы, структура которых представлена в (25), и тем самым занимать разные структурные позиции в именной составляющей. Собственно семантическая классификация прилагательных во многом ортогональна возможным позициям прилагательного в структуре именной группы: так, например, прилагательное *French* ‘французский’ относится к семантическому классу ПРОИСХОЖДЕНИЕ (НАЦИОНАЛЬНОСТЬ), но может занимать разные позиции в системе лексических и функциональных проекций и, соответственно, иметь значение ‘происходящий из Франции’ (26a) и ‘типичный для французов’ (26b).

(25) Dem > Art > Num > UNIT > Pl/SORT > n > N

(26) a. a [_{nP} *French toast*]
‘французский тост, гренок’

b. a [_{NumP} *French attitude*]
‘французское поведение’

В концепции Свенониуса лексическое значение прилагательного в совокупности со структурной позицией прилагательного в именной группе создает актуальный тип модификации. В пределах *nP* реализуются аргументные и идиоматические значения, на уровне SORTP – субъективные, на уровне NumP – количественные (прилагательные становятся градуальными), и, наконец, на уровне DemP (DP) реализуются фокусные значения.

- (27) Dem > Art > Num > UNIT > Pl/sort > n > N
 фокусные количественные субъективные идиоматические

Таким образом, гипотеза Свенониуса допускает определенную гибкость в упорядочивании адъективных модификаторов, однако увязывает их структурную позицию с определенными типами значения. Развитию этой гипотезы применительно к русскому материалу посвящена статья [Pereltsvaig, Kagan, 2018].

Следует упомянуть еще об одной аналитической опции, востребованной при анализе ветвящихся прилагательных, – считать группу прилагательного восходящей к (свернутому) относительному предложению. Подобный анализ является естественным следствием гипотезы антисимметричности [Кауне, 1994], запрещающей левосторонние зависимости. Стремясь создать универсальную структуру, из которой можно было бы получить любой поверхностный порядок атрибутов, Р. Кейн предлагает структуру со свернутым придаточным и последующим подъемом имени. Кейн предполагает, что именная группа ‘желтая книга’ во французском и английском языке (*le livre jaune* и *the yellow book* соответственно) начинают деривироваться одинаково, занимая позицию предиката [Там же, p. 100–101]:

- (28) a. *le* [_{CP} [_{C₀} [_{TP} [*livre*] [_{I₀} [*jaune*]]]]]]
 b. *the* [_{CP} [_{C₀} [_{TP} [*book*] [_{I₀} [*yellow*]]]]]]]]

В обоих языках затем происходит подъем прилагательного в позицию спецификатора придаточной клаузы, Spec, CP:

- (29) a. *le* [_{CP} [_{XP} *jaune*]_j [_{C₀} [_{TP} [*livre*] [_{I₀} [_e]_j]]]]]]
 b. *the* [_{CP} [_{XP} *yellow*]_j [_{C₀} [_{TP} [*book*] [_{I₀} [_e]_j]]]]]]

Наконец, во французском вершинное имя передвигается в вершину некоторой функциональной проекции F₀, доминирующей над относительным предложением, а в английском остается *in situ*:

- (30) a. *le* [_{FP} [*livre*]_k [_{CP} [_{XP} *jaune*]_j [_{C₀} [_{TP} [_e]_k [_{I₀} [_e]_j]]]]]]]]
 b. *the* [_{CP} [_{XP} *yellow*]_j [_{C₀} [_{TP} [*book*] [_{I₀} [_e]_j]]]]]]

Г. Чинкве придерживается аналогичного подхода для ряда прилагательных в именной группе, а также распространенных групп атрибутивных прилагательных. Так, в [Cinque, 2010] предполагается, что атрибутивные прилагательные имеют два источника: одни проецирует собственные группы, а другие образуются из свернутого относительно предложения.

* * *

В этой статье мы перечислили важнейшие вопросы, которые семантика и дистрибуция прилагательных ставят перед типологами и теоретическими лингвистами. Надеемся, что статьи этого номера [Рема, 2018] будут способствовать расширению эмпирической базы, апробации новых подходов и уточнению аналитических техник в исследованиях адеквативной категории.

Библиографический список / References

Богуславская, 2005 – Богуславская О.Ю. Цель в семантике нецелевых прилагательных // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конференции «Диалог 2005». М., 2005. С. 54–58. [Boguslavskaya O.Yu. The goal in the semantics of the goalless adjectives. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy Mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog 2005»*. Moscow, 2005. Pp. 54–58.]

Булыгина, 1982 – Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов / Под ред. О.Н. Селиверстова. М., 1982. С. 7–85. [Bulygina T.V. Semantics types of predicates. *Semanticheskie tipy predikatov*. O.N. Seliverstov (ed.). Moscow, 1982. Pp. 7–85.]

Ван Ко, 2015 – Ван Ко Ч. Вьетнамский язык. Справочник по грамматике. М., 2015. С. 224. [Chan Van Ko. V'etnamskiy yazyk. Spravochnik po grammatike [Vietnamese. Self-teacher for Russians]. Moscow, 2015.]

Гращенков, Кобозева, 2017 – Гращенков П.В., Кобозева И.М. Семантические классы и управление прилагательных // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 31 мая – 3 июня 2017 г.). Вып. 16 (23): В 2 т. Т. 2. М., 2017. С. 134–149. [Grashchenkov P.V., Kobozeva I.M. Semantic classes and government of adjectives. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog» (Moskva, 31 maya – 3 iyunya 2017 g.)*. Vol. 16 (23): in 2 part. Moscow, 2017. Pp. 134–149.]

Кибрик, 1999 – Элементы цахурского языка в типологическом освещении / Под ред. А.Е. Кибрик, Я.Г. Тестелец. М., 1999. [Elementy tsahurskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii [Elements of Tsakhur from the typological perspective]. A.E. Kibrik, Ya.G. Testeletz (eds.). Moscow, 1999.]

Кустова, 2009 – Кустова Г.И. Электронный семантический словарь глагольных прилагательных: структура и типы информации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конф. «Диалог-2009». М., 2009. С. 271–277. [Kustova G.I. The semantic database of verbal adjective: Structure and types of information. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoy konf. «Dialog-2009»*. Moscow, 2009. Pp. 271–277.]

Кюсева и др., 2013 – Кюсева М.В., Резникова Т.И., Рыжова Д.А. Типологическая база данных адеквативной лексики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конф. «Диалог» (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19). Т. 1. / Гл. ред.

В.П. Селегей. М., 2013. С. 367–376. [Kyuseva M.V., Reznikova T.I., Ryzhova D.A. A typologically oriented database of qualitative features. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam ezhegodnoy Mezhdunarodnoy konf. «Dialog»* (Bekasovo, 29 maya – 2 iyunya 2013 g.). Vol. 12 (19). Part 1. V.P. Selegey (ed.). Moscow, 2013.]

Лютикова, 2017 – Лютикова Е.А. Падежная морфология, синтаксические категории и проблема классификации падежей // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. 2017. Т. 13. Ч. 1. С. 652–679. [Lyuitikova E.A. Case morphology, syntactic categories and taxonomy of case forms. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2017. Vol. 13. Part 1. Pp. 652–679.]

Пешковский, 1914/1956 – Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956. [Peshkovskii A.M. Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii [Russian syntax from the scientific point of view]. 7th ed. Moscow, 1956.]

Рема, 2018 – Рема. *Rhema*. 2018. № 4.

Русская грамматика, 1980 – Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М., 1980. [Russkaya grammatika [The grammar of Russian]. N.Yu. Shvedova (ed.). Vol. 1: Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Lexical derivation. Morphology. Moscow, 1980.]

Тестелец, 1990 – Тестелец Я.Г. Наблюдение над семантикой оппозиций «имя/глагол» и «существительное/прилагательное» (к постановке проблемы) // *Части речи: теория и типология* / Под ред. В.М. Алпатова. М., 1990. С. 77–95. [Testelelets Ya.G. An observation over the semantics of opposition “nominal/verbal” and “noun/adjectives” (towards the problem statement). *Chasti rechi: teoriya i tipologiya*. V.M. Alpatov (ed.). Moscow, 1990. Pp. 77–95.]

Харитончик, 1990 – Харитончик З.А. Имя прилагательное: проблемы классификации // *Теория грамматики: лексико-грамматические классы и разряды слов* / Под ред. Ф.М. Березина, Е.С. Кубряковой. М., 1990. С. 94–98. [Haritonchik Z.A. An adjective: Problems of classification. *Teoriya grammatiki: leksiko-grammaticheskie klassy i razryady slov*. F.M. Berezina, E.S. Kubryakova (eds.). Moscow, 1990. Pp. 94–98.]

Шкарбан, 1995 – Шкарбан Л.И. Грамматический строй тагальского языка. М., 1995. [Shkarban L.I. Grammaticheskiy stroy tagal'skogo yazyka [The grammar of Tagalog]. Moscow, 1995.]

Шрамм, 1979 – Шрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных: на материале современного русского языка. Л., 1979. [Shramm A.N. Ocherki po semantike kachestvennykh prilagatel'nykh: na materiale sovremennogo russkogo yazyka [Essays on the semantics of qualitative adjectives: On the data of modern Russian]. Leningrad, 1979.]

Baker, 2003 – Baker M.C. Lexical categories: Verbs, nouns, and adjectives. Cambridge, 2003. P. 368.

Beck, 2002 – Beck D. The typology of parts of speech systems: The markedness of adjectives. New York; London, 2002.

Bhat, 1994 – Bhat D.N.S. The adjectival category: Criteria for differentiation and identification. Amsterdam; Philadelphia, 1994.

Bolinger, 1967 – Bolinger D. Adjectives in English: Attribution and predication. *Lingua*. 1967. № 18. Pp. 1–34.

Bylinina, 2014 – Bylinina L. The Grammar of standards: Judge-dependence, purpose-relativity and comparison classes in degree constructions. PhD. diss. Utrecht University, 2014.

Carlson, 1980 – Carlson G.N. Reference to kinds in English. *Language Arts & Disciplines*. Garland Pub., 1980. P. 311.

Chomsky, 1957 – Chomsky N. Syntactic Structures. The Hague, 1957.

Chomsky, 1970 – Chomsky N. Remarks on nominalization. *Readings in Transformational Grammar*. R. Jacobs, P. Rosenbaum (eds.). Waltham, MA, 1970. Pp. 184–221.

Cinque, 1994 – Cinque G. On the evidence for partial N-movement in the Romance DP. *Paths towards universal grammar*. G. Cinque, J. Koster, J.-Y. Pollock, L. Rizzi, R. Zanuttini (eds.). Georgetown, 1994. Pp. 85–110.

Cinque, 1995 – Cinque G. Italian syntax and universal grammar. Cambridge, 1995.

Cinque, 1999 – Cinque G. Adverbs and functional heads. A cross-linguistic perspective. Oxford, 1999.

Cinque, 2005 – Cinque G. Deriving Greenberg's Universal 20 and its exceptions. *Linguistic Inquiry*. 2005. Vol. 36. Pp. 315–332.

Cinque, 2010 – Cinque G. The syntax of adjectives. A comparative study. Cambridge, MA, 2010.

Croft, 1991 – Croft W. Syntactic categories and grammatical relations. Chicago, 1991.

Dixon, 1977 – Dixon R.M.W. Where have all the adjectives gone? *Studies in Language*. 1977. Vol. 1. Pp. 19–80.

Dixon, 2004 – Dixon R.M.W. Adjective classes in typological perspective. *Adjective classes. A cross-linguistic typology*. R.M.W. Dixon, A.Y. Aikhenvald (eds.). Oxford, New York, 2004. Pp. 1–49.

Dixon, Aikhenvald, 2004 – Adjective classes. A cross-linguistic typology. R.M.W. Dixon, A.Y. Aikhenvald (eds.). Oxford, New York, 2004.

Givón, 1970 – Givón T. Notes on the semantic structure of English adjectives. *Language*. 1970. Vol. 46. No. 4. Pp. 816–837.

Hajek, 2004 – Hajek J. Adjective Classes: What can we conclude? *Adjective Classes. A cross-linguistic typology*. R.M.W. Dixon, A.Y. Aikhenvald (eds.). Oxford; New York, 2004. Pp. 348–362.

Hopper, Thompson, 1984 – Hopper P.J., Thompson S. The discourse basis for lexical categories in Universal grammar. *Language*. 1984. Vol. 60 (4). Pp. 703–752.

Ionin, Matushansky, 2013 – Ionin T., Matushansky O. More than one comparative in more than one Slavic language: An experimental investigation. *Proceedings of FASL 21*. Ann Arbor, 2013. Pp. 34–41.

Kayne, 1994 – Kayne R. The antisymmetry of syntax. *Linguistic Inquiry Monograph*. No. 25. Cambridge, MA, 1994.

Kennedy, 1997 – Kennedy Ch. Projecting the adjective: The syntax and semantics of gradability and comparison. PhD diss., 1997.

Kennedy, McNally, 2005 – Kennedy C., McNally L. Scale structure and the semantic typology of gradable predicates. *Language*. 2005. Vol. 81 (2). Pp. 1–37.

Laenzlinger, 2005 – Laenzlinger C. Some Notes on DP-internal movement. *Generative Grammar in Geneva*. 2005. Vol. 4. Pp. 227–260.

LaPolla, Huang, 2004 – LaPolla R.J., Huang Ch. Adjectives in Qiang. *Adjective Classes. A cross-linguistic typology*. R.M.W. Dixon, A.Y. Aikhenvald (eds.). Oxford; New York, 2004. Pp. 306–322.

McLaughlin, 2004 – McLaughlin F. Is there an adjective class in Wolof? *Adjective Classes. A cross-linguistic typology*. R.M.W. Dixon, A.Y. Aikhenvald (eds.). Oxford; New York Pp. 242–262.

Morzycki, 2015 – Morzycki M. Modification. Cambridge, 2015.

Pereltsvaig, Kagan, 2018 – Pereltsvaig A., Kagan O. Adjectives in layers. *Rhema*. 2018. Vol. 4. Pp. 125–165.

Phap, 2006 – Phap D. Analyzing some persistent errors in English made by Vietnamese speakers. *Cultural And Linguistic Issues*. 2006. Pp. 186–196.

Post, 2008 – Post M. Adjectives in Thai. *Linguistic Typology 12*. Walter de Gruyter, 2008. Pp. 339–381.

Rubin, 2002 – Rubin E. The structure of modifiers. Draft version of a book to appear at Oxford University Press, 2002.

Rubin, 2003 – Rubin E. Determining pair-merge. *Linguistic Inquiry*. 2003. Vol. 34. No. 4. P. 660–668.

Schachter, Otnes, 1972 – Schachter P., Otnes F.T. A tagalog reference grammar. Berkeley, 1972.

Scott, 2002 – Scott G.-J. Stacked adjectival modification and the structure of nominal phrases. *Functional Structure in DP and IP. The Cartography of Syntactic Structures*. Vol. 1. G. Cinque (ed.). Oxford, 2002. Pp. 91–120.

Svenonius, 2008 – Svenonius P. The position of adjectives and other phrasal modifiers in the decomposition of DP. *Adjectives and adverbs. Syntax, semantics, and discourse*. L. McNally, Ch. Kennedy (eds.). Oxford Studies in Theoretical Linguistics 20. Oxford, 2008. P. 16–42.

Thompson, 1988 – Thompson S.A. A discourse approach to the category “adjective”. Explaining language universals. J.A. Hawkins (ed.). Oxford, 1988. Pp. 167–185.

Статья поступила в редакцию 14.10.2018

The article was received on 14.10.2018

Гращенко Павел Валерьевич – доктор филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник отдела языков Азии и Африки, Институт востоковедения РАН

Grashchenkov Pavel V. – Dr. Phil. Hab.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; senior researcher at the Department of Asian and African Languages, Institute of Oriental Studies of RAS

E-mail: pavel.gra@gmail.com

Лютикова Екатерина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; профессор кафедры компьютерной лингвистики и формальных моделей языка, заведующая лабораторией общей лингвистики и теории грамматики Института современных лингвистических исследований, Московский педагогический государственный университет

Lyutikova Ekaterina A. – Dr. Phil. Hab.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; professor at the Department of Computer Linguistics and Formal Language, head of the Laboratory at the General Linguistics and Grammar Theory of the Institute of Modern Linguistic Research, Moscow Pedagogical State University

E-mail: lyutikova2008@gmail.com

DOI: 10.31862/2500-2953-2018-4-34-49

В.Ф. Выдрин

Национальный институт восточных языков и цивилизаций,
75214 г. Париж, Франция;

Национальный центр научных исследований Франции,
94800, г. Вильжюиф, Франция;

Санкт-Петербургский государственный университет,
19034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Там, где корпусные методы теряют эффективность: пример разделяемых прилагательных в бамана

Разделяемые прилагательные в языке бамана (< группа манден < семья манде < макросемья нигер-конго, Мали) представляют собой морфологический подкласс в составе части речи прилагательное. Разделяемое прилагательное – это сложное слово, состоящее из именного корня, чаще всего со значением части тела, качественного глагола и соединительного элемента *-la- ~ -lan-* или *-ma- ~ -man-*. В предикативном употреблении финальный компонент (т.е. качественный глагол) отделяется от левой части вспомогательным словом (предикативным показателем) *ka* или *man*. Разделяемые прилагательные обозначают в основном человеческие качества (моральные или физические), их семантика нередко идиоматична. Продуктивность этого морфологического подкласса ограничена.

Для выявления инвентаря разделяемых прилагательных были применены два подхода: элицитация и поиск в Справочном корпусе бамана (который на момент исследования включал около 4 110 000 слов). Теоретически возможное количество разделяемых прилагательных – 570 (15 зафиксированных именных корней × 19 качественных глаголов × 2 коннектора). Элицитация позволила обнаружить 75 разделяемых прилагательных, а корпусное исследование – 25, три из которых отсутствовали в списке, полученном путем элицитации.

Этот эксперимент доказывает, что при изучении деривационной морфологии, когда лингвист должен заполнять матрицу, корпусное исследование не может заменить элицитацию. С другой стороны, корпусной подход дает ценные дополнительные данные, которые невозможно получить путем элицитации.

Ключевые слова: элицитация, корпусные исследования, прилагательные, качественные глаголы, язык бамана, языки манде.

DOI: 10.31862/2500-2953-2018-4-34-49

V. Vydrin

National Institute for Oriental Languages and Civilizations,
Paris, 75214, France;

French National Centre for Scientific Research,
Villejuif, 94800, France;

St. Petersburg University,
St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Where corpus methods hit their limits: The case of separable adjectives in Bambara

Separable adjectives represent a morphosyntactic subcategory of the part of speech of adjectives in Bambara (< Manding < Mande < Niger-Congo, Mali, West Africa). A separable adjective is a compound lexeme consisting of a noun root designating most often a body part, a qualitative verb root and a connector *-la-* ~ *-lan-* or *-ma-* ~ *-man-*. When used predicatively, the final component of a separable adjective (the qualitative verb root) is split from the rest of the form by the auxiliary word *ka* or *man*. Separable adjectives express mainly human qualities (moral or physical), and their semantics are very often idiomatic. The productivity of this subclass is limited.

In order to establish an inventory of the separable adjectives, two approaches have been followed: elicitation and a search in the Bambara Reference Corpus (which included roughly 4,110,000 words at the time of this study). The potentially imaginable number of lexemes of this type equals 570 (15 noun roots × 19 qualitative verb roots × 2 connectors). Elicitation provided 75 separable adjectives, and the corpus study, 25, 3 of which are absent from the elicited list.

This experiment proves that in studies of derivative morphology, when a linguist needs to fill out a matrix, elicitation cannot simply be replaced by a corpus study. On the other hand, the corpus data provides invaluable supplementary data that cannot be obtained through elicitation

Key words: elicitation, corpus study, adjective, qualitative verbs, Bambara, Mande languages.

1. Introduction

In works on field linguistics methodology and in the current linguistic practice, elicitation is sometimes regarded as a rather inappropriate way of acquiring language data, and elicited data is viewed as second-rate. Some colleagues tend to reject the elicitation altogether, in a more or less explicit way, and the following quotation is representative of this trend:¹

Interview fieldwork is justified if there is nothing else to be done.

It is a very poor option if a speech community is available – but some researchers opt to concentrate on interview fieldwork with a few speakers conveniently placed in a city or in a township. A grammar of a language spoken by a few million people which is based on the work with one consultant in an urban environment could be interesting, but is unlikely to be comprehensive and fully reliable [Aikhenvald, 2007, p. 5].

According to this approach, only natural texts, only spontaneous data can be regarded as reliable, and any use of elicitation is just a desecration of linguistic fieldwork.

This negativity is a natural reaction to an inappropriate and maladroit application of elicitation methods. The position of other authors may be less categorical. Most often, they recognize the usefulness of elicitation for obtaining certain types of language data; cf. a detailed analysis of various elicitation methods in [Chelliah, De Reuse, 2011].

The value of the data from natural texts cannot be contested (although here too, one should beware of ungrammatical forms spontaneously used by speakers). There are however some aspects of language structure where one can hardly attain satisfactory results without elicitation. Among such spheres are word formation and derivation, verbal lability, fine-grained syntactic studies; in fact, any research topic where an exhaustive checking of numerous options in a matrix is necessary.

In this sense, I recollect Vladimir Nedjalkov's (p.c.) position on the utility of elicitation in the verbal derivation studies: "If you check a matrix with your language consultant, and if even in 20% of cases he produces wrong answers or fails to answer, you obtain 80% of correct data. And if you work exclusively with natural texts, you are lucky if you obtain data for 30 or 40% of positions in the matrix".

I heard this argument from Vladimir Nedjalkov some 25 years ago, when big electronic text corpora were rare. Since that time, the progress in language documentation has been impressive. After the world-biggest languages, many mid-size languages were provided with multimillion text corpora accessible

¹ In informal discussions, much more categorical judgements are often expressed.

on line, and now, more and more new corpora for minor languages and those without official status in their countries, are becoming available.

Could it be that the easy access to great amounts of searchable natural texts has made Vladimir Nedjalkov's stance obsolete?

In this study, I attempt to answer this question drawing on Bambara data for the averagely-productive word-compounding model for adjectives.

2. The Bambara language

Bambara (< Manding < Western Mande < Mande < Niger-Congo) is the biggest language of Mali (West Africa). It is spoken, mainly in Mali (but also in its diaspora), by some 4 million L1 speakers and at least 10 million L2 speakers. Bambara has some written literature and periodicals; it is widely used in the literacy programs and, to some extent, in the primary and secondary education. Bambara is a relatively well-described language: there is a reference grammar [Dumestre, 2003], a number of university courses and textbooks [Bird, Kante, 1976; Bird, Hutchison, Kante, 1977; Kastenholz, 1989; Bailleul, 2000; Vydrin, 2008], big dictionaries [Vydrine, 1999a; Bailleul, 2007; Bailleul et al., 2011; Dumestre, 2011]; many dozens (or even hundreds) of research articles have been published.

Since 2011, there exists an electronic annotated corpus of Bambara texts freely accessible on line [Vydrin, Maslinsky, Méric, 2011]. In 2011, it contained about 1,100,000 tokens (of these, about 28,000 tokens in the disambiguated sub-corpus); in November 2018, it reached the size of 9,146,875 tokens (of these, 1,122,416 tokens in the disambiguated sub-corpus), and it continues to grow. A language corpus of some 9 million tokens may seem unimpressive when compared with corpora of big and even mid-sized European or Asian languages which comprise hundreds of millions words; however, for an African language almost unrepresented on the Internet, this amount of data represents a revolutionary breakthrough and opens bright perspectives for language studies. Since its publication in 2011, the Bambara Reference Corpus is broadly used in Bambara grammar studies, lexicographic research and language teaching.

Bambara is a tonal language with two tones at the underlying level, low and high.² The basic word order is S AUX (O) V X, where S is a subject,

² The Bambara tonal system has been subject of numerous studies; for its compact presentation, see [Vydrin, 2016]. In the present paper, the tonal notation is phonological, it follows the principles formulated for the Bambara Reference Corpus [Vydrin, Maslinsky, Méric, 2011b], in short: tone markers appear only on the initial syllables of the tonal domain; absence of tonal mark on a vowel means that the syllables belongs to the same tonal domain as the preceding one.

Otherwise, all Bambara examples are transcribed according to the official Bambara orthography of Mali.

V is a verb, AUX is an auxiliary word expressing grammatical semantics of tense, aspect, mode and polarity (in the Mandeist tradition, AUX are named “predicative markers”), O is direct a object (whose absence makes the verb intransitive), X is an oblique (indirect object or adjunct), most often represented by a postpositional phrase. The word order in NP is $N_2 - N_1$ (N_1 is head noun, N_2 is dependent noun), N – Adj (the adjectival modifier follows the head noun).

3. The case study: Separable adjectives in Bambara

3.1. Adjectives and qualitative verbs

Adjectives in Bambara represent a part of speech of its own [Vydrine, 1999b; Tröbs, 2008].³ An adjective follows the modified noun (1a); the tonal article (designated by a suspended acute diacritic) and the plural marker /-u/ (in the standard orthography represented by -w) follows the adjective (1b).⁴

- (1) a. *só* *jé*
 house white\ART⁵
 ‘white house’
- b. *só* *jé-w*
 house white\ART-PL
 ‘white houses’

There are several morphological subclasses of adjectives; some of these are tonally compact with the modified nouns (i.e., they are prosodically non-autonomous), other subclasses are non-compact.

There is another class of lexemes in Bambara specialized in the expression of property values: qualitative verbs.⁶ They can be regarded as a separate part of speech or as a subclass of verbs. Their syntactic behavior is similar to that of “dynamic verbs” (i.e. all the other verbs of the language), but

³ The part-of-speech status of adjectives in Bambara has been amply discussed in the special literature, and it is hardly appropriate to resume this discussion here.

⁴ The inverse word order, adjective-noun, appears in the inersive construction [Dumestre, 1987, p. 249–259; Vydrin, in press, leçon 30]. The article and the plural marker follow the noun immediately when the adjective is used as secondary predicate [Vydrin, in press, leçon 31]. Both these constructions are relatively rare in texts and represent no special interest for the topic of the current study.

⁵ Abbreviations and glosses: ADR – addressative postposition; ART – tonal article; INF – infinitive marker; IPFV – imperfective; NMLZ – nominalization suffix; NP – noun phrase; PL – plural marker; QUAL.NEG – negative predicative marker of qualitative verbs; RECP – reciprocal pronoun; REL – relative marker (pronoun or determinative).

⁶ Also referred to as “stative verbs” [Creissels, 1985] or “predicative adjectives” [Vydrine, 1990; Baillieu, 2007]. In the terminology of Gérard Dumestre (1987; 2003), these lexemes are just “adjectives”.

- they can be only intransitive (while dynamic verbs are very often labile, and intransitiva tantum are relatively rare among the dynamic verbs),
- they can be accompanied by only two predicative markers, *ka* affirmative and *man* negative, which express no tense, aspect or modal semantics. To the contrary, the dynamic verbs can appear with a whole set of predicative markers expressing various TAM meanings, but not with *ka* and *man*.

The qualitative verbs represent an unproductive closed class of about 60 lexemes (of these some 40 are frequently used, the others are more or less rare). Many qualitative verbs produce adjectives by the means of conversion.

3.2. Morphosyntax of separable adjectives

Separable adjectives represent one of the tonally non-compact classes of the adjectives. They are formed according to the following formula: N + Conn + QV, where:

- N is a nominal stem, most often the name of a body part (or a term belonging to a semantically adjacent lexicon);
- Conn is a connector *la* (variants: *lan*, *na*, *nan*) or *ma* (a variant: *man*), both connectors stem from locative postpositions;
- QV is a stem of a qualitative verb.

The forms of connectors *-ma-* and *-man-*, *-la-* and *-lan-* are, in fact, phonetic variants (*-na-* and *-nan-* are in complementary distribution with *-la-* and *-lan-*: they appear when the preceding component ends on a nasal vowel); there are sometimes duplicates, as for example *bólomandəgə* and *bólomadəgə* ‘poor, weak’. There seems to be no evident semantic difference either between the connector *-la-* and *-ma-*, their distribution is lexical.

These adjectives express mainly human properties (physical or moral), their meanings are often (but not always) idiomatic (2a). They are very easily convertible into nouns (2b) designating persons imparted with the quality in question.

- (2) a. *məgə* *dá-la-fəgən*
 human mouth-in-light
 ‘indiscreet person’
- b. *dálafəgən*
 ‘indiscreet person’

A peculiar morphosyntactic feature of the separable adjectives (not attested for other word classes) is that, when used predicatively, their final component is separated from the rest by the predicative marker of qualitative verbs *ka* or *man*, so that the initial bicomponent constituent appears as a part

The number of theoretically imaginable combinations of these components is 285. This number should be multiplied by 2 (the number of connectors), which brings us to the figure of 570. However, in reality, most of theoretically imaginable separable adjectives do not exist. The task is to establish the inventory of really existing items.

Elicitation [Dumestre, 1987, p. 239; Vydrin, in press, leçon 29] has produced 75 separable adjectives. This study was carried out with several native speakers during different periods of time; different informants produced similar results, therefore, they can be regarded as reliable. Here is the full list of the lexemes.

- bólolandi* <hand-in-pleasant> ‘careful, skilful’,
bólomadɔgɔ <hand-on-small> ‘poor; weak’,
bólolanjugu <hand-in-evil> ‘disorderly, unkempt; bad worker’,
bólomanjugu <hand-on-evil> ‘disorderly, unkempt; bad worker’,
bólolafegen, *bólolanfegen* <hand-in-light> ‘thievish; one who touches everything’,
bólomagelen <hand-on-difficult> ‘stingy’,
bólolango <hand-in-unpleasant> ‘miserly’,
bólolankolon <hand-in-empty> ‘poor’,
bólolamisen <hand-in-small> ‘thievish, light-fingered; who touches everything; meticulous’,
bólolasuma <hand-in-slow> ‘slow, who works slowly’,
bólolateli <hand-in-quick> ‘very quick, prompt; skilful; who touches everything; who comes to hit people easily’,
dálacaman <mouth-in-numerous> ‘talkative’,
dálandi <mouth-in-pleasant> ‘talkative; indiscreet’,
dámandi <mouth-on-pleasant> ‘talkative; indiscreet’,
dálafegen, *dálafjɛn* <mouth-in-light> ‘indiscreet’,
dálagelen <mouth-in-difficult> ‘obstinate and cheeky (who fails to recognise one's fault)’,
dámagelen <mouth-on-difficult> ‘obstinate and cheeky (who fails to recognise one's fault)’,
dálagirin <mouth-in-heavy> ‘discreet’,
dálajugu <mouth-in-evil> ‘uncouth (in speech)’,
dálango <mouth-in-unpleasant> ‘venomous (in speech); who answers in an unpleasant way or does not answer’,
dámango <mouth-in-unpleasant> ‘venomous (in speech); who answers in an unpleasant way or does not answer’,
dálankolon <mouth-in-empty> ‘who has nothing to say’; ‘toothless’ (the literal meaning),
dálakunan <mouth-in-bitter> ‘malicious, venomous, evil-tongued’,

dálamisen <mouth-in-small> ‘talkative (who cannot hold one's tongue), indiscreet; quick-tempered; glutton’,
dálasuma <mouth-in-slow> ‘discreet (that is, one who keeps secrets); reserved (one who is not talkative)’,
dálateli <mouth-in-quick> ‘who speaks hastily; who insults easily’,
dúsumandi <heart-on-pleasant> ‘affable, kind; in a good mood’,
dúsumango <heart-on-unpleasant> ‘unpleasant; irritable, short-tempered’,
jàlafarin <shadow-in-courageous> ‘reckless, courageous’,
jàlagelen <shadow-in-difficult> ‘brave’,
jàlamisen <shadow-in-small> ‘fearful’,
jòlimandi <blood-on-pleasant> ‘nice, likeable; preferred, preferable’,
jòlimango <blood-on-unpleasant> ‘unpleasant’,
jùlajugu <buttocks-in-evil> ‘shameless; nymphomaniac’,
jùlankolon <buttock-in-empty> ‘naked’,
kòlomadɔgɔ <bone-on-small> ‘puny, undeveloped’,
kòlomagelen <bone-on-difficult> ‘resistant, tough, vigorous’,
kòlomamisen <bone-on-small> ‘small, thin; puny, feeble; frail’,
kɔ̀nɔ̀nandi <stomach-in-pleasant> ‘well-intentioned, helpful; kind’,
kɔ̀nɔ̀naje <stomach-in-white> ‘sincere, nice’,
kɔ̀nɔ̀nafin <stomach-in-black> ‘dishonest, bad, wicked’,
kɔ̀nɔ̀nango <stomach-in-unpleasant> ‘insincere; ill-intentioned; nervous’,
kɔ̀nɔ̀najugu ~ *kɔ̀nɔ̀nanjugu* <stomach-in-bad> ‘ill-intentioned, wicked’,
kùnmadɔgɔ <head-on-small> ‘puny, feeble; shameless’,
kùnnagelen <head-in-difficult> ‘recalcitrant’,
kùnnandi <head-in-pleasant> ‘lucky’,
kùnnango <head-in-unpleasant> ‘unlucky’,
nìlango <soul-in-unpleasant> ‘ill-tempered, sad, sullen’,
nùnnango <nose-in-unpleasant> ‘quick-tempered, aggressive; teasing’,
jénandi <eye-in-pleasant> ‘happy, cheerful’,
jénagelen <eye-in-difficult> ‘rash, foolhardy’,
jénajugu <eye-in-evil> ‘sponger, parasitic, beggar’,
jénango <eye-in-unpleasant> ‘clumsy, tactless’,
jénakegun <eye-in-sly> ‘dexterous’,
jénakunan <eye-in-bitter> ‘cheeky; jealous’,
jénamisen <eye-in-small> ‘meticulous, delicate’,
sènnandi <foot-in-pleasant> ‘quick, light-footed’,
sènnagoni <foot-in-hot> ‘rapid’,
sènnakalan <foot-in-hot> ‘rapid’,
sènnasuma <foot-in-slow> ‘slow’,
sènnateli <foot-in-quick> ‘rapid, light-footed’,

tégelandi <palm.of.hand-in-pleasant> ‘nimble, skillful’,
tégelango <palm.of.hand-in-unpleasant> ‘clumsy’,
tégelankolon <palm.of.hand-in-empty> ‘poor’,
tégelamisen <palm.of.hand-in-small> ‘thievish; who touches everything’,
tégenasuma <palm.of.hand-in-slow> ‘slow (of hands)’,
tégelatelin, *tégelantelin* <palm.of.hand-in-quick> ‘nimble (of hands)’,
tégemagelen <palm.of.hand-on-hard> ‘stingy, miserly’,
túlomagelen <ear-on-hard> ‘obstinate, stubborn’.

In October 2017, I carried out an alternative study in which all imaginable combinations (every noun stem with every qualitative verb stem, with the 4 allomorphs of the 2 connectors) were searched for in the Bamana Reference Corpus which then comprised 4,113,006 tokens.

The investigation has produced 27 separable adjectives. Among these, two appear only as components of further derivatives, and such occurrences can hardly be seen as sufficient to include the forms in the list of separable adjectives: *dá-la-fégen* <mouth-in-light> ‘indiscreet’ was found as a component of *dálafégen-ya* ~ *dálaŋfiyen-ya* ‘indiscreetness’, and *jòli-man-di* <blood-on-pleasant> ‘nice, sympathetic’ in *jòlimandi-ya* ‘likability, fascination’, e.g. (4).

(4) *Ñka* *sára* , *jòlimandiya* ` *àni* *cèŋe* ` *mîn*
 but charm\ART fascination\ART and beauty\ART REL
bé *ntòlatan* ` *ná* , *ò* *bé* *jîni* *kà* *túnun*.
 be football\ART at that IPFV search INF disappear
 ‘But the charm, the fascination and the beauty of football
 is on the verge of disappearance’ [Kibaru 390].

8 separable adjectives have single occurrences:

bólolandi <hand-in-pleasant> ‘careful, skillful’,
kónɔmandi <stomach-on-pleasant> ‘well-wishing, kind’,
kónɔnaje <stomach-in-white> ‘sincere, nice’,
kùnnagelen <head-in-difficult> ‘recalcitrant’,
jénandi <eye-in-pleasant> ‘happy, cheerful’,
jénagelen <eye-in-difficult> ‘rash, foolhardy’,
jénakegun <eye-in-sly> ‘dexterous’,
jénakunan <eye-in-bitter> ‘cheeky; jealous’.

According to the statistical standards, such potential lexemes should be regarded as unreliable. This leaves us with 19 lexemes; of these only 14 occur more than 5 times which can be regarded as a reliable sample size for our Corpus:

Table 1

Separable adjectives

	<i>cáman</i>	<i>dí</i>	<i>dǒgɔ</i>	<i>jé</i>	<i>júgu</i>	<i>fárin</i>	<i>fěgen</i>	<i>fin</i>	<i>gèlen</i>
<i>bólo</i>		<i>lan</i> <i>lan 1</i>	<i>lan,</i> <i>man</i> <i>ma 18</i>		<i>la,</i> <i>man</i>		<i>la,</i> <i>lan</i>		<i>ma</i>
<i>dá</i>	<i>la</i>	<i>lan,</i> <i>man</i>			<i>la</i>		<i>la</i> <i>(la 1)</i>		<i>la,</i> <i>ma,</i> <i>rɔ</i> <i>la 2</i>
<i>dùsu</i>		<i>man</i>							
<i>jà</i>						<i>la</i>	<i>la 2</i>		<i>la</i>
<i>jòli</i>		<i>man</i> <i>(man 2)</i>							
<i>jù</i>					<i>la</i>				
<i>kólo</i>			<i>ma</i>						<i>ma</i>
<i>kɔnɔ</i>		<i>nan</i> <i>man 1</i>		<i>na,</i> <i>nan</i> <i>na 1</i>	<i>la,</i> <i>na,</i> <i>lan,</i> <i>nan</i> <i>na 1,</i> <i>nan 9</i>			<i>na</i>	
<i>kùn</i>		<i>nan</i> <i>na 3,</i> <i>nan 48</i>	<i>ma</i>						<i>na</i> <i>na 1</i>
<i>ní</i>		<i>(sɔŋ)</i>							
<i>nún</i>									
<i>ɲé</i>		<i>nan</i> <i>nan 1</i>			<i>na</i>				<i>na</i> <i>na 1</i>
<i>sèn</i>		<i>na</i>			<i>na 1</i>				
<i>tége</i>		<i>lan</i>							<i>ma</i> <i>ma 6</i>
<i>túlo</i>									<i>ma</i> <i>ma 6</i>

in Bamana through elicitation

<i>gírin</i>	<i>gó</i>	<i>gòni</i>	<i>kálan</i>	<i>kègun</i>	<i>kólon</i>	<i>kúnan</i>	<i>misen</i>	<i>súma</i>	<i>téli(n)</i>
	<i>lan</i>				<i>lan</i> <i>lan 74</i>		<i>la</i>	<i>la</i>	<i>la</i>
<i>la</i>	<i>lan,</i> <i>man</i>				<i>lan</i> <i>la 1,</i> <i>lan 6</i>	<i>la</i>	<i>la</i>	<i>la</i>	<i>la</i>
	<i>man</i> <i>man 12</i>								
	<i>man</i> <i>man 6</i>								
					<i>lan</i> <i>la 3,</i> <i>lan 8</i>				
							<i>ma</i>		
	<i>nan</i> <i>nan 12</i>								
	<i>nan</i> <i>nan 6</i>				<i>na 1,</i> <i>nan 11</i>				
	<i>lan,</i> <i>sɔŋ</i>								
	<i>nan</i>								
	<i>nan</i>			<i>na</i> <i>na 1</i>		<i>na</i> <i>na 1</i>	<i>na</i>		
		<i>na</i>	<i>na</i>		<i>na,</i> <i>nan 64</i>			<i>na</i>	<i>na</i> <i>na 2</i>
	<i>(lan)</i>			<i>lan</i>	<i>lan</i> <i>lan 9</i>			<i>na</i>	<i>la,</i> <i>lan</i>

bólomadɔɔ <hand-on-small> ‘poor; weak’,
bólolankolon <hand-in-empty> ‘poor’,
dálakolon <mouth-in-empty> ‘who has nothing to say’; ‘toothless’ (the literal meaning),
dúsumango <heart-on-unpleasant> ‘unpleasant; irritable, short-tempered’,
jòlimango <blood-on-unpleasant> ‘unpleasant’,
jùlankolon <buttock-in-empty> ‘naked’,
kɔ̀nɔ̀najugu <stomach-in-bad> ‘ill-intentioned, wicked’,
kɔ̀nɔ̀nango <stomach-in-unpleasant> ‘insincere; ill-intentioned; nervous’,
kùnnandi <head-in-pleasant> ‘lucky’,
kùnnango <head-in-unpleasant> ‘unlucky’,
kùnnankolon <head-in-empty> ‘uncovered’,
sènnankolon <foot-in-empty> ‘barefooted’,
tégemagelen <palm.of.hand-on-hard> ‘stingy, miserly’,
tégelankolon <palm.of.hand-in-empty> ‘poor’,
tùlomagelen <ear-on-hard> ‘obstinate, stubborn’.

Among the separable adjectives found in the Corpus, four are missing from the list obtained through elicitation. Two are reliable: *sènnakolon* ~ *sènnankolon* ‘barefooted’ (64 occurrences) and *kùnnankolon* ~ *kùnnakolon* ‘bareheaded’ (12 occurrences). One more lexeme has single occurrence: *kɔ̀nɔ̀mandi* ‘well-wishing, kind’.

3.4. Elicitation and corpus study: Comparison of the results

Let us compare the results of both approaches, cf. Table 1. The noun roots are in vertical columns, the qualitative verbs stems are in horizontal lines; the connectors are in the cases where the combinations of N and QV are attested. The connector is black if the form has been obtained through elicitation, and it is red if the form has been found in the Corpus; in the latter case, the number of occurrences is indicated.

In this study, elicitation has proved to be three times more effective (with respect to the inventorizing the lexemes in question) than the corpus study: 75 elicited lexemes vs. 25 ones found in the Corpus; and if we take into account only reliable lexemes (5 occurrences or more), the elicitation turns to be five times more effective.

Another advantage is the fact that during an elicitation session, semantic information about the lexeme is normally produced at the same time as the form. In the case of a corpus study, the semantics of a form (especially if we have just a single occurrence) may be obscure. This may be especially true for the separable adjectives whose sense is often idiomatic and not directly derivable from the meanings of the components.

Nonetheless, it would be wrong to think that a corpus study were useless. Although it yields to the elicitation in terms of productivity, it allows us to discover lexemes which, for some reason or another, may have been skipped during an elicitation session, despite their frequency.

Another strong point of the corpus study, even more important than the previous one, is the availability of statistical data for each lexeme. In our particular case, even superficial analysis of frequencies shows that among the stems of qualitative verbs, the most productive ones are *kólon* ‘empty’, followed by *dí* ‘pleasant’, *gó* ‘unpleasant’ and *gèlen* ‘difficult’. Based on the frequencies, it is easy to single out the nucleus of this category from the periphery. The nucleus consists of the most frequent lexemes *bólolankolon* (74 occurrences) ‘poor’, *sènnakolon ~ sènnankolon* (64) ‘barefooted’, *kùnnandi ~ kùnnadi* (51) ‘fortunate’, *bólomadɔɔ* (18) ‘poor; weak’.⁸

4. Conclusions

There is hardly any serious linguist who would contest the importance of data obtained from natural texts in a language description. However, the Bambara separable adjectives case study has clearly shown that the use of only natural texts would fail to provide a near complete inventory of lexemes of the subclass. Evidently, the same situation can be expected in other studies of derivative or word-compounding models. It should be underlined that Bambara is in a privileged position: out of some 2000 of languages spoken in Africa, less than a dozen possess text corpora of more than 1,000,000 words, and among these, few are in open access. If a language has only a limited amount of natural texts available (in the range of 20,000 to 100,000 words, which is most typically of languages studied by a single linguist), rejection of elicitation may lead to very thin description of derivation (or any other study where a matrix-like examination is necessary).

In fact, a study based on the data from natural texts (in particular, a corpus-based study) and a study through elicitation are complementary. Each of these approaches fits some particular tasks, and it is less appropriate for some others. It would be counterproductive to absolutize one of them and to reject the other one.

References

- Aikhenvald, 2007 – Aikhenvald A.Yu. Linguistic fieldwork: setting the scene. *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2007. № 60 (1). Pp. 3–11.
 Bailleul, 2000 – Bailleul C. Cours pratique de bambara. Bamako, 2000.
 Bailleul, 2007 – Bailleul C. Dictionnaire Bambara-Français. 3rd ed. Bamako, 2007.

⁸ A more sophisticated analysis is possible if metadata are taken into account.

Bailleul et al., 2011 – Bailleul C., Davydov A., Erman A., Maslinsky K., Méric J.-J., Vydrin V. Bamadaba: Dictionnaire électronique bambara-français, avec un index français-bambara. 2011. URL: <http://cormand.huma-num.fr/bamadaba.html>.

Bird et al., 1977 – Bird C., Hutchison J., Kante M. Beginning Bambara / An Ka Bamanankan Kalan: With Bambara-English Glossary. Bloomington, 1977.

Bird, Kante, 1976 – Bird C., Kante M. Intermediate Bambara / An Ka Bamanankan Kalan. Bloomington, 1976.

Chelliah, De Reuse, 2011 – Chelliah S.L., De Reuse W.J. 2011. Handbook of descriptive linguistic fieldwork. Springer, 2011.

Creissels, 1985 – Creissels D. Les verbes statifs dans les parlers manding. *Mandenkan*. 1985. № 10. Pp. 1–32.

Dumestre, 1987 – Dumestre G. Le bambara du Mali: Essai de description linguistique. Paris, 1987.

Dumestre, 2003 – Dumestre G. Grammaire fondamentale du bambara. Paris, 2003.

Dumestre, 2011 – Dumestre G. Dictionnaire bambara-français suivi d'un index abrégé français-bambara. Paris, 2011.

Kastenholz, 1989 – Kastenholz R. Grundkurs Bambara (Manding), mit Texten. Köln, 1989.

Tröbs, 2008 – Tröbs H. Bambara. *La qualification dans les langues africaines. Qualification in African Languages*. H. Tröbs, E. Rothmaler, K. Winkelmann (eds.). Köln, 2008. Pp. 13–28.

Vydrin, 1990 – Vydrine V. Les adjectifs prédicatifs en bamana. *Mandenkan*. 1990. № 20. Pp. 47–90.

Vydrin, 1999a – Vydrine V. Manding-English Dictionary (Maninka, Bamana). Vol. 1. St. Petersburg, 1999.

Vydrin, 1999b – Vydrine V. Les parties du discours en bambara : un essai de bilan. *Mandenkan*. 1999. № 35. Pp. 73–93.

Vydrin, 2008 – Выдрин В. Язык бамана: Учебное пособие. СПб., 2008. [Vydrin V. Jazyk bamana [Bamana language]. Textbook. St. Petersburg, 2008.]

Vydrin, 2016 – Vydrin V. Tonal inflection in Mande languages: The cases of Bamana and Dan-Gweetaa. *Tone and Inflection: New facts and new perspectives*. E.L. Palancar, J.L. Léonard (eds.). (Trends in Linguistics Studies and Monographs 296). De Gruyter – Mouton, 2016. Pp. 83–105.

Vydrin, in press – Vydrin V. Cours de grammaire bambara. Presses de l'INALCO. To appear in 2019.

Vydrin, Maslinsky, Méric et al., 2011 – Vydrin V., Maslinsky K., Méric J.-J. Corpus Bambara de Référence. 2011. URL: <http://cormand.huma-num.fr/index.html>.

Статья поступила в редакцию 21.10.2018

The article was received on 21.10.2018

Выдрин Валентин Феодосьевич – доктор филологических наук; профессор кафедры африканистики, Национальный институт восточных языков и цивилизаций, Париж, Франция; исследователь лаборатории языка, речи и культуры Чёрной Африки, Национальный центр научных исследований Франции; профессор кафедры африканистики восточного факультета, Санкт-Петербургский государственный университет

Vydrin Valentin F. – Dr. Phil. Hab.; professor of Manding at the African Department, National Institute for Oriental Languages and Civilizations, Paris, France; researcher at the laboratory “Languages and cultures of Sub-Saharan Africa”, French National Centre for Scientific Research; professor at the Department of African Studies of Faculty of Asian and African Studies, St. Petersburg University, Russian Federation

E-mail: vydrine@gmail.com

DOI: 10.31862/2500-2953-2018-4-50-71

А.А. Герасимова^{*,}, Е.А. Лютикова^{*,**,***}**

^{*} Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 119991 г. Москва, Российская Федерация

^{**} Московский педагогический государственный университет, 119991 г. Москва, Российская Федерация

^{***} Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 117485 г. Москва, Российская Федерация

Согласуемые и субстантивированные прилагательные в русских конструкциях с малыми числительными: экспериментальное исследование¹

В статье рассматривается варьирование падежного оформления прилагательного в конструкциях с малыми числительными в русском языке. Предыдущие исследования позволяют предположить, что выбор падежной формы прилагательного определяется структурным статусом именной группы. С помощью двух лингвистических экспериментов показывается, что дистрибуция падежных форм прилагательного в контекстах, в которых количественная конструкция занимает беспадужную позицию, отличается от дистрибуции падежных форм в случае, когда количественная конструкция занимает аргументную позицию и контролирует согласование сказуемого. Хотя результаты экспериментального исследования подтверждают гипотезу о различном структурном статусе именных групп в русском языке, они также показывают, что однозначной корреляции между падежом прилагательного и структурным контекстом нет: в частности, в беспадужной позиции оказываются допустимы обе падежные формы.

Ключевые слова: падеж, согласование, прилагательные, субстантивированные прилагательные, паукальные конструкции, варьирование, лингвистический эксперимент, русский язык.

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 16-18-02003 «Структура значения и ее отображение в системе лексических и функциональных категорий русского языка», реализуемого в Московском педагогическом государственном университете.

A. Gerasimova^{*, **, ***}, E. Lyutikova^{*, **, ***}

* Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

** Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

*** Pushkin State Russian Language Institute,
Moscow, 117485, Russian Federation

Agreeing and substantivized adjectives in Russian paucal constructions: An experimental study²

This paper addresses the issue of case variation in Russian paucal constructions. Previous studies claim that the choice of the case marking on the adjectival constituent depends on the syntactic category of the paucal construction. Using experimental data we show that the distribution of case marking strategies differs for paucal constructions in the quantificational position, where it does not receive structural case, and in the argumental position, where it receives case and agrees with the predicate. Although the experimental data support the hypothesis about the variable status of Russian noun phrase, it also shows the absence of the one-to-one correspondence between case marking and structural context: in particular, in quantificational positions both cases are acceptable.

Key words: case marking, agreement, adjectives, substantivized adjectives, paucal constructions, variation, linguistic experiment, Russian.

1. Падежные и числовые парадоксы в конструкциях с малыми числительными

Русские конструкции с малыми числительными, или паукальные конструкции, часто приводят в качестве примера непоследовательности и непредсказуемости морфосинтаксических правил. Наряду с общим для больших и малых числительных противопоставлением форм

² The study has been supported by Russian Scientific Foundation (RSF), project #16-18-02003 “Structure of meaning and its mapping into lexical and functional categories of Russian” at Moscow Pedagogical State University.

прямых (номинатива и аккумулятива) и косвенных (всех прочих) падежей как управляющих генитивом существительного vs. согласующихся с ним по падежу (*увидел пять домов vs. владеет пятью домами*), паукальные конструкции демонстрируют целый ряд дополнительных идиосинкразий. А.М. Пешковский пишет: «Существительные³ *два, три и четыре* в свою очередь резко отличаются от всех других счетных существительных тем, что управляют род. пад. единственного числа (*два стола, три стола, четыре стола*), тогда как при всех остальных счетных словах употребляется согласно смыслу множественное число (*пять столов, сто столов, тысяча столов* и т.д.). Единственное число при таких словах, как *два, три и четыре*, где ясно указана множественность, представляется на первый взгляд очень странным и является характерным примером того, насколько грамматическое мышление может расходиться с логическим» [Пешковский, 1914/1956, с. 438].

Несмотря на известное диахроническое объяснение – форма, в которой стоит существительное, представляет собой именительный падеж двойственного числа – это правило в синхронной системе языка создает значительные описательные сложности: «Странным представляется оно даже и в грамматическом отношении, так как управление ведь никогда не простирается на число управляемого существительного, а только на падеж его. Число у существительного, как мы уже знаем, – категория несинтаксическая. В данном же случае (и это единственный случай этого рода) она оказывается синтаксической, так как не имеет никакого самостоятельного значения, а употребляется исключительно по требованию слов *два, три и четыре*» [Там же]. Неудивительно, что относительно формальных характеристик существительного в конструкции с малыми числительными нет единого мнения: академическая «Русская грамматика» считает данную форму генитивом единственного числа [Русская грамматика, 1980], однако имеются и альтернативные предложения: генитив «паукального» числа [Pereltsvaig, 2010], «счетная форма» [Зализняк, 1967], «паукальный падеж» [Rappaport, 2002], бесчисловой генитив, т.е. генитив «неопределенного» числа [Pesetsky, 2013].

Требование специальной (числовой) формы существительного в конструкциях с малыми числительными нейтрализуется в контексте косвенных падежей: в (1b) формальные характеристики компонентов количественной конструкции идентичны при больших и малых числительных.

³ Пешковский относит все числительные, кроме *один*, к категории существительных; паукальные числительные при этом представляют собой «идеальную помесь между прилагательным и существительным» [Пешковский, 1914/1956, с. 437].

- (1) а. три стола / пять столов
 б. с тремя столами / с пятью столами

Дополнительные описательные сложности создает выбор формы адъективных компонентов паукальной конструкции. Во-первых, в контексте прямых падежей прилагательное, в отличие от существительного, всегда выступает в форме множественного числа (*увидел три новых дома / целых три гриба / последние три кадра*). Во-вторых, прилагательное демонстрирует падежную вариативность. Выбор падежной формы прилагательного, предшествующего числительному, определяется семантико-синтаксическими связями прилагательного: если прилагательное семантически модифицирует числительное и относится к классу преквантификаторов [Babby, 1987] – *целых, добрых, каких-то три гриба*, то оно имеет форму генитива; если же в сфере действия прилагательного находится вся количественная группа, то прилагательное демонстрирует прямой падеж: *последние, другие, определенные три кадра*. Значительно сложнее определить дистрибуцию двух падежных форм прилагательного, расположенного после числительного. Русская грамматика указывает, что согласуемое прилагательное может принимать форму или родительного, или именительного падежа. «Если в сочетании с числительным входит существительное мужского или среднего рода, то согласуемое прилагательное чаще ставится в форме родительного падежа множественного числа: *два знакомых человека, три больших дерева, оба строящихся здания* <...> Форма именительного падежа здесь возможна, но она отмечается реже и проявляет тенденцию к ограничению в употреблении: *два спасительные маяка* (Лермонтов); *два дряхлые старичка* (Тургенев); *два помещичьи дома* (Лермонтов); *оба проголодавшиеся приятеля* (Л. Толстой). Если в сочетании с числительным входит существительное женского рода, то нормальны обе формы прилагательного – и именительный, и родительный падеж: *две молодые женщины – две молодых женщины* [Русская грамматика, 1980, § 1817].

Субстантивированные прилагательные демонстрируют такие же формальные характеристики, как атрибутивные [Там же, § 1371]. В паукальных конструкциях они имеют форму множественного числа (*три насекомых, два мороженых*), субстантивированные прилагательные женского рода демонстрируют падежную вариативность (*две прачечных/прачечные, две вожатых/вожатые*).

На выбор между номинативом и генитивом в современном языке, согласно рекомендациям пособий по стилистике, влияют такие внутренние параметры паукальной конструкции, как морфологический разряд

прилагательного, акцентный тип существительного и некоторые другие [Граудина и др., 1976; Голуб, 1997; Розенталь, 1998; Былинский, Розенталь, 2011]. Так, например, указывается, что если формы именительного падежа множественного числа существительных женского рода отличаются по ударению от формы родительного падежа единственного числа (*гóры* – *горы́*, *ска́лы* – *скалы́*), то прилагательное ставится в родительном падеже множественного числа: *две высоких горы́*, *две огромных волны́*, *две крупных слезы́*, *две сильных мужских руки́*. Притяжательные прилагательные на *-ин* и *-ов* ставятся в генитиве, а притяжательные прилагательные на *-ий*, *-ья*, *-ье* демонстрируют номинатив: *две медвежьи шкуры*, *две третьи премии*.

Впрочем, в [Шкапа, 2011] на материале НКРЯ показано, что эти тенденции не подтверждаются количественными подсчетами. Единственная закономерность, которая отмечается в грамматических справочниках и явно прослеживается как в качественных, так и в количественных исследованиях [Граудина и др., 1976; Franks, Pereltsvaig, 2004; Шкапа, 2011], состоит в том, что при выборе формы номинатива в конструкции с малым числительным невозможно дефолтное предикативное согласование, ср. пример (2) из [Franks, Pereltsvaig, 2004]:

(2) В этом предложении ...

- a. пропущены три запятые.
- b. [?]пропущены три запятых.
- c. *пропущено три запятые.
- d. пропущено три запятых.

М.В. Шкапа отмечает близкий к стопроцентному характер этой закономерности: «Синтаксически словосочетания с именительным падежом определения как минимум по одному параметру отличаются от словосочетаний с родительным падежом: первые в 97% примеров требуют от глагола формы множественного числа, тогда как вторые в 25% случаев допускают единственное число глагола». Примеров типа (2с) в НКРЯ встретилось всего 5 (один из них приводится в (3)).

(3) Как видно из рисунка, в оптимальном варианте топологии к первоначальному каркасу присоединено три дополнительные линии («Информационные технологии», № 10, 2003).

Утверждение о связи наличия/отсутствия предикативного согласования с выбором номинатива/генитива прилагательного в паукальной конструкции мы находим уже в грамматике А.Х. Востокова, где варьирование затрагивает и конструкции с существительными мужского

и среднего рода: «Числительная *два, три, четыре*, в падежѣ имени- тельномъ или винительномъ, когда сочинены съ глаголомъ безлич- нымъ и предшествуютъ существительному, при коемъ находится еще прилагательное, управляють родительным падежомъ прилагательнаго только имени, на вопросъ *сколько, какихъ?* а существительное остается в одномъ падежѣ съ числительнымъ; напр. *гѣхало два Донскихъ казака. Поставлено два большихъ стола. Накрыто двѣ большихъ скатерти. У него есть четыре дома каменныхъ. Въ томъ домѣ было три круглыхъ окошка. Вылито полныхъ два ведра. Пройдетъ цѣлыхъ три недѣли.* Но съ глаголомъ личнымъ, на вопросъ *кто? что? какіе?* прилагательное согласно въ падежѣ съ существительнымъ и съ числительнымъ; напр. *Бѣхали два Донскіе казака. Поставлены два большіе стола. Накрыты двѣ большія скатерти. Онъ купилъ четыре дома каменные. Велѣлъ сдѣлать три круглыя окошка. Пройдутъ цѣлыя три недѣли*» [Восто- ков, 1831, § 127]. Корреляцию генитива с выражением количества отме- чает и А.М. Пешковский: «в *три красивые коня* преобладает качествен- ный оттенок, а в *три красивых коня* – количественный» [Пешковский, 1914/1956, с. 440]. В [Розенталь, 1998, § 193] указывается, что «на выбор формы определения может оказать влияние форма сказуемого; ср.: *Разыграны три золотые медали.* – *Разыграно три золотых медали*»; то же верно и для выбора формы субстантивированного прилагательно- го: *Были зафиксированы две ничьи.* – *Было зафиксировано две ничьих.*

Еще одно наблюдение, связанное с влиянием внешнего синтаксиче- ского контекста на выбор формы прилагательного, касается предпочте- ния формы генитива в предложной конструкции. В [Розенталь, 1998; Былинский, Розенталь, 2011] отмечается, что в контексте некоторых предлогов (например, дистрибутивного предлога *по*) предпочтительна форма генитива: *по две чайных ложки*. Поиск в НКРЯ, на первый взгляд, не подтверждает этой закономерности: из 150 конструкций, имеющих форму «*по + два/три/четыре* в форме именительного или винительного падежа + прилагательное в форме множественного числа + существи- тельное женского рода»⁴, 85 содержат прилагательное в номинативе и 65 – в генитиве (табл. 1). Тем не менее, сравнение распределения форм прилагательных в контексте дистрибутивного предлога *по* и направи- тельного предлога *на* позволяет говорить о том, что предлог *по* благо- приятствует появлению генитива (критерий хи-квадрат, $p < 0,001$): из первых 152 полученных при поиске контекстов для направительно- го *на* 127 содержат прилагательное в номинативе и 25 – в генитиве.

⁴ Поисковый запрос: *по* на расстоянии 1 от *два|три|четыре (nom | acc)* на расстоянии 1 от *A, pl* на расстоянии 1 от *S, f*.

Таблица 1

**Распределение падежных форм прилагательного
в предложных паукальных конструкциях
с существительными женского рода (НКРЯ)**

	Номинатив (большие)	Генитив (больших)	Всего
<i>по</i> дистрибутивное: <i>по две/три/четыре ... ложки</i>	85	65	150 (вся релевантная выдача)
<i>на</i> направительное: <i>на две/три/четыре ... группы</i>	127	25	152 (релевантная выдача с первых 16 страниц)

Определить влияние предложных контекстов на дистрибуцию падежных форм субстантивированных прилагательных женского рода по корпусу проблематично: соответствующие конструкции (*по две вожатых/вожатые*) в НКРЯ практически не встречаются.

2. Падежная форма прилагательного и падеж количественной группы

В работах А.М. Перельцвайг и Е.А. Лютиковой развивается гипотеза о вариативном структурном статусе русских именных групп [Pereltsvaig, 2006, 2007; Franks, Pereltsvaig, 2004; Лютикова, 2010, 2015, 2018; Лютикова, Перельцвайг, 2015]. В частности, предполагается, что, наряду с именными группами полной структуры, представляющими собой группу определителя (DP), в русском языке представлены и именные конструкции малой структуры (Small Nominals), среди которых, в частности, группы лексического существительного (NP) и группы числа (QP).

В [Pereltsvaig, 2006] исследуется противопоставление DP и QP в одинаковых синтаксических позициях. Вопреки тезису Лонгбарди о заполнении аргументных позиций исключительно именными составляющими категории DP [Longobardi, 1994], в русском языке именные группы, меньшие, чем DP, возможны как минимум в двух аргументных позициях – подлежащего и прямого дополнения. Особенно показательно сопоставление в позиции подлежащего контролируемых и не контролируемых предикативное согласование количественных групп, которые Перельцвайг ассоциирует, соответственно, с DP и QP (4a–b). Основанием для такой ассоциации может послужить тот факт, что в присутствии элементов левой периферии (например, указательных местоимений) слева от числительно-го предикативное согласование становится обязательным (4c).

- (4) а. [_{DP}[_{QP} Пять хирургов]] оперировали Джеймса Бонда.
 б. [_{QP} Пять хирургов] оперировало Джеймса Бонда.
 с. [_{DP} Эти [_{QP} пять хирургов]] оперировали / *оперировало Джеймса Бонда.

DP и QP в позиции подлежащего отличает целый набор семантических и синтаксических параметров. Так, QP, в отличие от DP, не могут иметь сферы действия более широкой, чем поверхностная (т.е. соответствующая их линейной позиции), специфической или паритивной интерпретации. С грамматической точки зрения QP ведут себя не вполне «как аргументы» – в частности, они не могут контролировать анафору и PRO в актантных и целевых инфинитивных оборотах, а также в деепричастных оборотах и малых клаузах, ср., например, (5):

- (5) а. Пять бандитов лежали на земле [PRO убитые].
 б. *Пять бандитов лежало на земле [PRO убитые].

Те же семантические и синтаксические особенности обнаруживают и QP-дополнения при глаголах с кумулятивным префиксом *на-*. Это значит, что семантико-синтаксическое своеобразие не вызывающих предикативного согласования подлежащих связано не с их позицией (как, например, у предглагольных vs. заглагольных подлежащих в испанском языке или у дополнений внутри и вне глагольной группы во французском языке), а с их собственной природой. Следовательно, составляющая *пять бандитов* в (5а) отличается от составляющей *пять бандитов* в (5б).

Сравнение примеров (4б–с) указывает направление, в котором можно продолжать поиски объяснения корреляции падежа согласуемого или субстантивированного прилагательного с предикативным согласованием (2а–д). Естественно предположить, что в (4б) сказуемое не согласуется с подлежащим, а происходит означивание признаков лица, числа и рода по умолчанию⁵. Учитывая существующую во многих языках, в том числе и русском, связь между предикативным согласованием и получением падежа подлежащим, можно задаться вопросом, какой падеж имеет подлежащее в (4б). Традиционная грамматика считает, что этот падеж именительный, однако, как мы видим в (4с), появление в именной группе любых преквантификаторов, сигнализирующих

⁵ Альтернативный вариант анализа, в соответствии с которым QP *пять бандитов* имеет признаки 3 лица единственного числа и среднего рода, должен быть отвергнут, поскольку при сочинении двух QP образующая конструкция по-прежнему способна сочетаться со сказуемым с признаком единственного числа (*Пять бандитов и шесть полицейских лежало на земле*), что невозможно при сочинении именных групп, обладающих признаком числа (*Маша и Даша лежали / *лежала на земле*).

об именительном падеже, исключает возможность дефолтного предикативного согласования. Остается заключить, что QR в (4с) является беспадежной.

Если предикативное согласование означает наличие DP, то парадигма в (2a–d) показывает, что номинатив прилагательного возможен только в DP. Следовательно, он сигнализирует о наличии структурного падежа и отличает падежную форму номинатива от беспадежной⁶:

(6) В этом предложении ...

- a. пропущены [_{DP} [_{QR} три запятыя]].
- b. ?пропущены [_{DP} [_{QR} три запятых]].
- c. *пропущено [_{DP} [_{QR} три запятыя]].
- d. пропущено [_{QR} три запятых].

Таким образом, в русской паукальной конструкции падеж согласуемого прилагательного с существительным женского рода или падеж субстантивированного прилагательного женского рода может служить внутренней диагностикой структурного статуса именной группы (DP/QR) и наличия у нее структурного падежа.

Гипотеза об отсутствии синтаксического падежа у QR имеет интересные следствия для анализа конструкций с «исчезающей одушевленностью», таких как в (7):

- (7) a. принял на два пациента / *двух пациентов больше
- b. стоял через три человека / *трех человек от меня
- c. заплатил за жену два барана / *двух баранов
- d. численность составляет четыре ребенка / *четырёх детей
- e. в каждый отряд назначили по два вожатых / *двух вожатых

Примеры в (7a–d) с синтаксической точки зрения объединяет то, что предлоги и глаголы в них обычно приписывают своим дополнениям аккузатив (*принял на одного пациента больше*), однако, если их дополнением оказывается конструкция с малым числительным, различающая «одушевленный» и «неодушевленный» аккузатив в других употреблениях (*увидел три картины, но увидел трех девочек*), в контексте данных лексем одушевленность не реализуется, и мы наблюдаем форму

⁶ Заметим, что Д. Песецкий также увязывает номинатив прилагательного с наличием D и приписыванием признака Dном именной группе [Pesetsky, 2013]. У Песецкого за альтернативу отвечает факультативный характер Quant-to-D передвижения в случае, если паукальное числительное (вернее, морфема паукального числа) перед этим передвинулось в Quant.

не генитива, а номинатива, как у неодушевленных именных групп [Rapraort, 2003]. К этим предлогам и глаголам примыкает дистрибутивный предлог *no*, который также присоединяет количественную конструкцию с малым числительным в форме, которая может интерпретироваться как номинатив или неодушевленный аккузатив [Harves, 2002, 2003].

С семантической точки зрения выражения, заполняющие аргументную позицию этих предлогов и глаголов, нереферентны и выражают идею количества. И.А. Мельчук [Мельчук, 1980, 1985] объединяет такие предлоги, послелого и глаголы при помощи особого синтаксического признака «колич(ественный)» и постулирует в таких конструкциях «обязательное рассогласование S и N по одушевленности» (полные списки этих единиц см. в работах [Мельчук, 1980, 1985; Микаэлян, 2012; Mikaelian, 2013]). Связь такого рассогласования и количественного (измерительно-го) значения конструкции, однако, при таком подходе необъяснима.

Если же гипотеза о допустимости беспадежных аргументных составляющих в русском языке верна, то мы получаем возможность объяснить связь между значением и формой конструкций в (7). Опираясь на ярлыками фразовой структуры, можно сказать, что перечисленные вершины избирательны в отношении категориального статуса своего аргумента и имеют тенденцию соединяться с QR. Поскольку QR не обладает синтаксическим признаком падежа, она остается беспадежной. С морфологической точки зрения она выглядит как номинативная, однако это такая же беспадежная составляющая, как QR в (4b). Таким образом, конструкции с «исчезающей одушевленностью» на самом деле следует анализировать как конструкции с «исчезающим падежом».

Возвращаясь к обсуждавшимся в разд. 1 внешним контекстам, благоприятствующим выбору генитива прилагательного в паукальных конструкциях, заметим, что приводимые в справочных пособиях примеры с предложными группами включают как раз те предлоги, которые имеют количественное значение. Можно предположить, что дистрибуция падежных форм прилагательного в количественной конструкции, занимающей позицию подлежащего в предложении с дефолтными признаками сказуемого, и дистрибуция падежных форм прилагательного в количественной конструкции, занимающей позицию дополнения «количественного» предлога, будут одинаковы и при этом отличны от дистрибуции падежных форм прилагательного в количественной конструкции, занимающей позицию подлежащего в предложении с согласуемым сказуемым.

Для проверки этого предположения и для уточнения данных о морфосинтаксических характеристиках субстантивированных прилагательных в паукальной конструкции была проведена серия лингвистических экспериментов, описание которых предлагается в следующем разделе.

3. Экспериментальное исследование

Чтобы установить, какие параметры определяют выбор падежа прилагательного в паукальных конструкциях, было проведено два лингвистических эксперимента. Мы использовали две методики: дополнение предложения путем раскрытия скобок и методику извлечения суждений о приемлемости предложений.

В первом эксперименте мы исходили из предположения о том, что, когда респондент ставит конструкцию в падеж при выполнении экспериментального задания, он руководствуется теми же принципами, что и при самостоятельном порождении конструкции в устной речи. Основная критика методик дополнения предложения связана с тем, что при выполнении задания респондент оценивает вероятность того или иного варианта из ограниченного множества альтернатив. Другими словами, он оценивает приемлемость варианта в конкретных условиях [Stowe, Kaan, 2006]. Странники этой позиции утверждают, что такая оценка приемлемости не сопоставима с тем выбором, который респондент делает в ситуации общения. Однако в нашем случае задание было сформулировано таким образом, что возможный ответ респондента не ограничивался изучаемой конструкцией. В результате мы получили данные о частотном распределении номинатива и генитива для прилагательных в различных контекстах. Во втором эксперименте мы собирали оценки приемлемости для двух стратегий падежного маркирования. Таким образом, использование двух методик позволило нам получить данные как о порождении, так и о понимании конструкции.

В экспериментах мы исследовали падежное маркирование субстантивированных прилагательных женского рода, а также прилагательных, согласуемых с существительными женского рода. Список субстантивированных существительных был составлен на основании обратного словаря А.А. Зализняка [Зализняк, 1977] и был сбалансирован по частотности. Поскольку одушевленных субстантивированных существительных, которые употребляются только в женском роде, ограниченное количество (*горничная, новобрачная*), мы также использовали субстантивированные прилагательные, которые могут выступать в мужском роде (*знакомая, дежурная, служащая, ведущая*). При этом мы исключили из рассмотрения субстантивированные прилагательные – наименования животных (*гончая, борзая* и т.п.), поскольку они отличаются от наименований людей в типологическом плане. И существительные, и субстантивированные прилагательные были сбалансированы по одушевленности. В экспериментах мы использовали следующие неодушевленные

субстантивированные прилагательные: *закусочная, прачечная, ванная, запятая, кондитерская, гостиная.*

Нас интересовало падежное маркирование прилагательных в конструкциях с малыми числительными в трех контекстах: аргументная позиция, в которой конструкция с малым числительным контролирует предикативное согласование (контекст DP); беспадежные позиции, а именно контекст с дефолтным предикативным согласованием (контекст QR) и контексты конструкций с «исчезающей одушевленностью»: дистрибутивного предлога *по* и сравнительного предлога *на* (контекст PR). Кроме того, мы контролировали параметр одушевленности существительного или субстантивированного прилагательного. Таким образом, в эксперименте было три фактора (тип прилагательного, контекст, одушевленность), 12 экспериментальных условий. Всего было составлено 24 стимульных предложения, по два предложения на условие. Все предложения были сбалансированы по длине.

В первом эксперименте респондентам были представлены предложения, в которых на месте конструкций с малыми числительными в скобках было число (от 2 до 4) и прилагательное с существительным или субстантивированное прилагательное в единственном числе. Единственное число прилагательного было выбрано, чтобы избежать эффекта прайминга номинатива, который мог бы возникнуть в ситуации множественного числа. Поскольку в эксперименте на порождение мы не ограничивали интерпретацию числа, респонденты могли использовать в своих ответах собирательные числительные (напр., *четверо дежурных, двое новобранных*). Отметим, что экспериментальное задание было составлено таким образом, чтобы в тех случаях, когда допускается использование субстантивированного прилагательного в мужском роде, респонденту было понятно, что требуется использовать женский род. Примеры стимульных предложений для двух типов прилагательных и различных контекстов представлены в (8)–(10):

(8) Контекст DP

- a. (**3, ведущая**) приняли участие в благотворительном марафоне.
- b. (**4, веселая подружка**) на задней парте обсуждали планы на выходные.

(9) Контекст PR

- a. В этом году в общежитии работает на (**3, дежурная**) больше, чем в прошлом.
- b. На сцене было на (**2, греческая богиня**) больше, чем в пьесе.

(10) Контекст QP

- а. На интервью для новостного сюжета было приглашено сразу **(4, служащая)**.
- б. На афише нового спектакля было нарисовано **(2, прекрасная женщина)**.

Во втором эксперименте респондентам предлагалось оценить предложения с конструкциями с малыми числительными, в которых прилагательные стояли в номинативе или в генитиве, по шкале Ликерта от 1 до 5. Относительно предыдущего эксперимента набор условий увеличился в два раза за счет добавления фактора падежа. В эксперименте использовались все предложения из первого эксперимента, а также 24 предложения, составленные дополнительно.

В эксперименте на порождение приняло участие 106 респондентов (средний возраст: 21 год, минимальный – 15 лет, максимальный – 49 лет; 82 женщины и 24 мужчины). В эксперименте на оценку приемлемости участвовало 57 респондентов – участников первого эксперимента (средний возраст: 21 год, минимальный – 17 лет, максимальный – 37 лет; 43 женщины и 14 мужчин).

Результаты эксперимента на порождение показывают, что в аргументной позиции (контекст DP) прилагательные значимо чаще кодируются номинативом; в беспадежной позиции (контексты QP и PP) субстантивированные прилагательные допускают оба варианта, а согласуемые прилагательные кодируются преимущественно генитивом (для оценки различий использовался критерий хи-квадрат, $p < 0,01$) (рис. 1, 2). Другими словами, получается, что при дефолтном предикативном согласовании (QP) выбор формы номинатива с малым числительным оказывается допустимым (*пропущено три запятые*). Интересно, что такие результаты расходятся с результатами предыдущих исследований [Franks, Pereltsvaig, 2004; Шкапа, 2011]. Одушевленность влияет на выбор падежа только в контексте PP: неодушевленное субстантивированное прилагательное увеличивает вероятность маркирования номинативом (точный критерий Фишера, $p < 0,01$) (рис. 2).

При анализе результатов второго эксперимента были использованы нормализованные оценки приемлемости (рис. 3, 4). Ответы респондентов по-разному распределяются на шкале оценок приемлемости: например, некоторые респонденты могут последовательно избегать крайних оценок, другие могут никогда не выбирать среднее значение. Чтобы избежать влияния шкалы каждого конкретного респондента, все ответы

были приведены к нормальной форме (*z-score transformed*). Нормализованная оценка вычисляется как разница текущей оценки и средней оценки по всем ответам респондента, деленная на стандартное отклонение для всех оценок респондента.

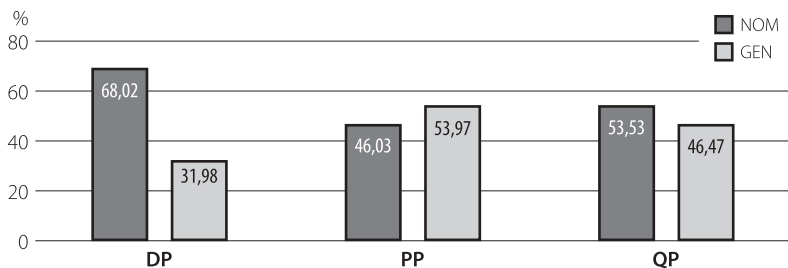

Рис. 1. Частотное распределение номинатива и генитива для субстантивированных прилагательных в паукальных конструкциях

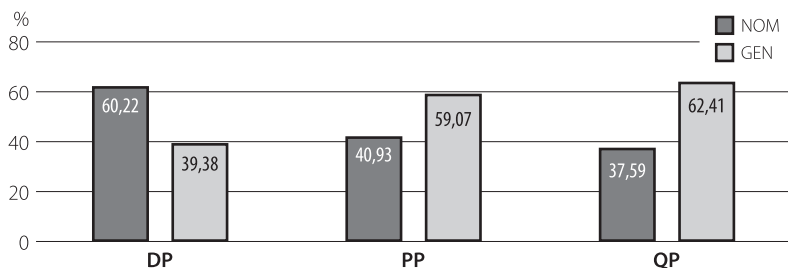

Рис. 2. Частотное распределение номинатива и генитива для прилагательных, модифицирующих существительные женского рода, в паукальных конструкциях

Согласно результатам эксперимента на извлечение суждений, в аргументной позиции (DP) номинатив оценивается как значительно более приемлемый вариант, нежели генитив (*t*-критерий Стьюдента, $p < 0,01$). В беспадежных позициях (QP и PP) оценки номинатива и генитива значительно не отличаются. Таким образом, в контекстах QP и PP для несубстантивированных прилагательных результаты двух экспериментов не совпадают. При порождении использовался преимущественно генитив; в то же время при оценке оба варианта оказались допустимыми, хотя для оценок номинатива в контексте PP отмечается большое значение дисперсии.

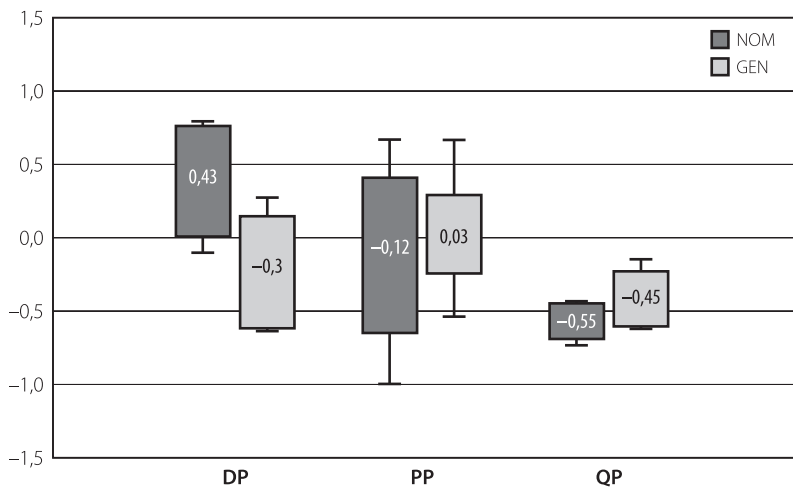

Рис. 3. Средние нормализованные оценки приемлемости номинатива и генитива для субстантивированных прилагательных в паукальных конструкциях

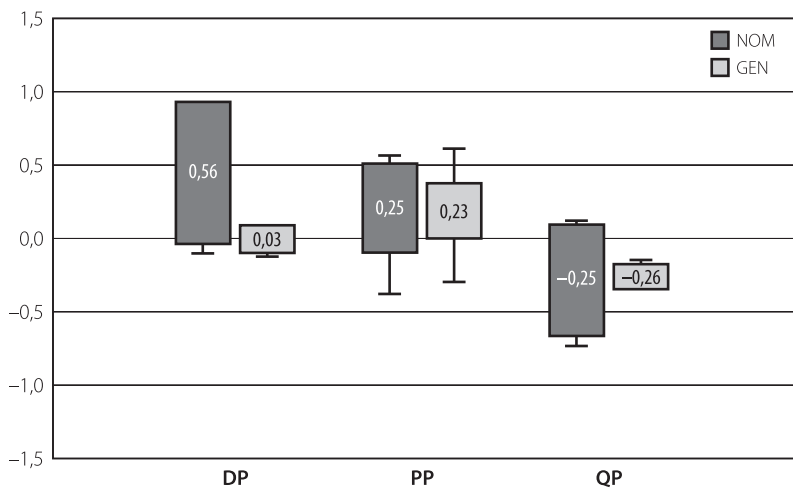

Рис. 4. Средние нормализованные оценки приемлемости номинатива и генитива для прилагательных, модифицирующих существительные женского рода, в паукальных конструкциях

Отметим, что номинатив прилагательного оказывается наиболее приемлемым в аргументной позиции (контекст DP). Генитив оказывается наиболее приемлемым в контекстах с исчезающей одушевленностью (контекст PP). Заметим также, что в целом предложения с контекстом QR оцениваются как менее приемлемые по сравнению с предложениями с контекстом PP. Можно предположить, что это связано с лицензированием дефолтного предикативного согласования в этом контексте. Если рассматривать дефолтное согласование как не увенчавшуюся успехом попытку согласования (*failed agreement*, [Preminger, 2014]), то снижение оценок может быть следствием дополнительной нагрузки на когнитивную систему, связанной с необходимостью реанализа формы сказуемого как дефолтной, а не согласуемой.

Интересно, что в контекстах с «исчезающей одушевленностью» (контексты PP) одушевленность реализуется в 20% ответов в предложениях с дистрибутивом *по* и в 3,6% ответов в предложениях со сравнительным *на*: *встретили на двух новобрачных больше, работает на четырех дежурных меньше, на четырех/четыре старательных учениц, на двух/две греческих богинь, посадил по три деревенских девчушек, встречал по две избалованных принцесс*.

Поскольку обнаружилось несовпадение результатов двух экспериментов, мы решили оценить последовательность респондентов в двух экспериментах относительно экспериментальных условий. Чтобы оценить последовательность респондентов, мы учитывали следующие данные:

- а) какой вариант респондент использовал в первом эксперименте (номинатив, генитив или нечто другое);
- б) какой из двух вариантов респондент в среднем оценил как более приемлемый.

Оказалось, что респонденты непоследовательны в выборе падежного маркирования в эксперименте на порождение и выставлении оценок соответствующим вариантам (табл. 2). В частности, лишь в 39% случаев один и тот же вариант был использован при порождении и оценен как наиболее приемлемый.

Примечательно, что эксперимент на порождение допускал большую вариативность, чем эксперимент на оценку приемлемости. Тем не менее, расхождение в результатах, которое мы наблюдаем для прилагательных, модифицирующих существительные женского рода в контекстах PP и QR, имеет обратную направленность: в эксперименте на порождение предпочтение отдается одному варианту, а в эксперименте с извлечением суждений оценки для двух вариантов оказываются статистически неразличимы.

Таблица 2

Последовательность респондентов в двух экспериментах

Стратегия А. Вариант, используемый при порождении, оценивается как наиболее приемлемый	39%
Стратегия Б. В одном эксперименте используются/оцениваются как приемлемые обе альтернативы, в другом эксперименте предпочтение отдается какому-то одному варианту	37%
<i>Оба варианта использованы при порождении</i>	23%
<i>Оба варианта равно приемлемы</i>	14%
Стратегия В. В двух экспериментах предпочитают различные варианты.	24%

4. Выводы

Итак, с помощью двух лингвистических экспериментов мы исследовали зависимость падежной вариативности прилагательного в паукальной конструкции от синтаксического контекста. Поскольку в русском языке именные группы обладают вариативным структурным статусом, мы рассмотрели три контекста, в которых реализуется противопоставление именных групп полной и малой структуры. Мы предположили, что дистрибуция падежных форм прилагательного будет сходной в количественных конструкциях при дефолтном предикативном согласовании (QP) и в предложных конструкциях с «исчезающей одушевленностью» (PP), т.е. контекстах, в которых паукальная конструкция занимает беспадечную позицию. Кроме того, мы предположили, что дистрибуция падежных форм прилагательного в двух названных случаях будет отлична от дистрибуции падежных форм в аргументной позиции с согласуемым сказуемым (DP).

Экспериментальное исследование подтвердило наши предположения. Эксперимент на порождение показал, что частотное распределение вариантов значимо отличается для контекста DP и контекстов QP и PP: если в первом случае преобладает употребление номинатива, то в двух других контекстах для согласуемых прилагательных чаще используется генитив, а для субстантивированных прилагательных альтернативы оказываются равновероятными. Результаты эксперимента по извлечению суждений также демонстрируют противопоставление контекстов: в контексте DP предпочтение отдается номинативу, в то время как в контекстах QP и PP падежные формы получают равные оценки приемлемости.

Полученные результаты не совпадают с данными корпусных исследований. В частности, наши данные показывают, что форма номинатива прилагательного оказывается допустима при дефолтном предикативном согласовании. Таким образом, мы можем критически оценить тезис о том, что падежная форма прилагательного могла бы служить диагностикой наличия у именной группы структурного падежа. Связь между падежной формой и контекстом оказывается не столь тривиальной: контексты с дефолтным предикативным согласованием, в которых именная группа находится в беспадежной позиции и имеет малую структуру, допускают как генитив, так и номинатив прилагательного.

В части предыдущих исследований также предполагалось, что на выбор между двумя падежными формами согласуемого прилагательного влияет акцентный тип существительного. В экспериментальном исследовании мы использовали только существительные с неподвижным ударением на одном и том же слоге основы (напр. *ученица, девушка, ошибка, дорога*). Заметим, что постоянство акцентного типа существительных не исключило вариативность падежных форм прилагательных.

Кроме того, подтвердилось предположение об особом статусе именной группы в контексте «количественных» предлогов – дистрибутивного *по* и сравнительного *на*. Результаты эксперимента показали, что распределение падежных форм и оценки их приемлемости при дистрибутивном предлоге *по* и сравнительном предлоге *на* значительно не отличаются.

Важно отметить, что хотя грамматики предсказывают, что грамматическое поведение субстантивированных прилагательных не отличается от поведения атрибутивных прилагательных в паукальных конструкциях, результаты эксперимента показывают, что это не так. В частности, отличия наблюдаются в беспадежных позициях (PP и QP) в эксперименте на порождение: в случае прилагательных, согласуемых с существительными женского рода, носители чаще использовали генитивную форму, в то время как в случае субстантивированных прилагательных два падежа встречаются с равной частотой. Это наблюдение, несомненно, будет востребовано как одна из возможных диагностик лексикализации субстантивированных прилагательных.

Наконец, в рамках экспериментального исследования мы столкнулись с интересной методологической проблемой, которая касается сопоставления результатов двух экспериментальных методик. Оказалось, что результаты двух экспериментов не совпадают для согласуемых прилагательных в паукальных конструкциях в беспадежных позициях (QP и PP). Поскольку мы предполагаем, что и при порождении

языкового выражения, и при вынесении суждения носитель оперирует одним и тем же множеством грамматических ограничений, подобное несовпадение результатов двух методик может свидетельствовать о происходящих в языке изменениях.

При вынесении суждения о приемлемости у респондента, помимо языковых когнитивных механизмов, задействуются когнитивные механизмы, отвечающие за осознание собственной реакции на предложение и проекцию этой реакции на некоторую шкалу. В связи с этим процесс вынесения суждения может быть более контролируемым, чем порождение языковых выражений. Хотя мы не обладаем достаточными диахроническими данными, можем предположить, что генитив постепенно становится более употребительным для согласуемых прилагательных, но этот факт пока не осознается носителями языка. Такое направление изменений не является обязательным, но оно соответствует общему поведенческому принципу экономии: наличие в языковой системе нескольких конкурирующих вариантов требует больше ресурсов, чем существование единственного способа выражения значения.

Библиографический список / References

Былинский, Розенталь, 2011 – Былинский К.И., Розенталь Д.Э. Литературное редактирование: Учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М., 2011. [Bylinskii K.I., Rozental' D.E. Literaturnoe redaktirovanie [Standard correction]. Study guide. 3rd ed. Moscow, 2011.]

Востоков, 1831 – Востоков А.Х. Русская грамматика Александра Востокова: по начертанию его же сокращенной Грамматики полнее изложенная. СПб., 1831. [Vostokov A. Kh. Russkaya grammatika Aleksandra Vostokova: po nachertaniyu ego zhe sokrashchennoi Grammatiki polnee izlozhennaya [Russian grammar by Aleksander Vostokov: based on his concise grammar, its more complete presentation]. Saint-Petersburg, 1831.]

Голуб, 1997 – Голуб И.Б. Стилистика русского языка: Учеб. пособие. М., 1997. [Golub I.B. Stilistika russkogo yazyka [Stylistics of Russian language]. Study guide. Moscow, 1997.]

Зализняк, 1967 – Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967. [Zaliznyak A.A. Russkoe imennoe slovoizmenenie [Russian nominal inflection]. Moscow, 1967.]

Зализняк, 1977 – Зализняк А.А. Обратный (инверсионный) словарь русского языка. М., 1977. [Zaliznyak A.A. Obratnyi (inversionnyi) slovar' russkogo yazyka [Reversed dictionary of Russian language]. Moscow, 1977.]

Лютикова, 2010 – Лютикова Е.А. К вопросу о категориальном статусе именных групп в русском языке // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2010. № 6. С. 36–77. [Lyutikova E.A. Towards the question of categorial status of noun groups in Russian. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. 2010. No 6. Pp. 36–76.]

Лютикова, 2015 – Лютикова Е.А. Согласование, признаки и структура именной группы в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2015. № 30. С. 44–74. [Lyutikova E.A. Features, agreement, and structure of the Russian noun phrase. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2015. No. 30. Pp. 44–74.]

Лютикова, 2018 – Лютикова Е.А. Структура именной группы в безартиклевом языке. М., 2018. [Lyutikova E.A. *Struktura imennoy gruppy v bezartiklevom yazyke* [Noun phrase structure in articleless languages]. Moscow, 2018.]

Лютикова, Перельцвайг, 2015 – Лютикова Е.А., Перельцвайг А.М. Структура именной группы в безартиклевых языках: универсальность и вариативность // Вопросы языкознания. 2015. № 3. С. 52–69. [Lyutikova E.A., Pereltsvaig A.M. Noun phrase structure in articleless languages: Universality and variation. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2015. No. 3. Pp. 52–69.]

Мельчук, 1980 – Мельчук И.А. О падеже числового выражения в русских словосочетаниях типа (больше) на два мальчика или по трое больных // Russian Linguistics. 1980. Vol. 5. No. 1. С. 55–74. [Mel'chuk I.A. About the case of numeral phrase in Russian collocations (*bol'she*) na dva mal'chika or po troe bol'nykh. *Russian Linguistics*. 1980. Vol. 5. No. 1. Pp. 55–74.]

Мельчук, 1985 – Мельчук И.А. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 16. Vienna, 1985. [Mel'chuk I.A. Surface syntax of Russian numeral expressions. *Wiener Slawistischer Almanach*. Sonderband 16. Vienna, 1985.]

Микаэлян, 2012 – Микаэлян И.Л. О категории одушевленности в конструкциях с числительными в русском языке // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: Сб. статей в честь 80-летия И.А. Мельчука. М., 2012. С. 429–447. [Mikaelyan I.L. About the category of animacy in numeral constructions in Russian. *Smysly, teksty i drugie zakhvatyvayushchie syuzhety: sb. statei v chest' 80-letiya I.A. Mel'chuka*. Moscow, 2012. Pp. 429–447.]

Пешковский, 1914/1956 – Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956. [Peshkovskii A.M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax from the scientific point of view]. 7th ed. Moscow, 1956.]

Русская грамматика, 1980 – Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1, 2. М., 1980. [Russkaya grammatika [Russian grammar]. Shvedova N.Yu. (ed.). Vol. 1, 2. Moscow, 1980.]

Розенталь, 1998 – Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке. 5-е изд., испр. и доп. М., 1998. [Rozenal' D.E. *Spravochnik po pravopisaniyu i literaturnoi pravke* [Guide on orthography and standard correction]. 5th ed. Moscow, 1998.]

Шкапа, 2011 – Шкапа М.В. Согласование определения с существительным при числительных *два, три, четыре* // Проблемы русской стилистики по данным НКРЯ. 2011. URL: <https://www.ruscorpora.ru/stylistics/numagr.html> [Shkapa M.V. The agreement of adjective with numerals *dva, tri, chetyre*. *Problemy russkoi stilistiki po dannym NKRYa*. 2011. URL: <https://www.ruscorpora.ru/stylistics/numagr.html>]

Babby, 1987 – Babby L. Case, prequantifiers, and discontinuous agreement in Russian. *Natural Language and Linguistic Theory*. 1987. No. 5. Pp. 91–138.

Franks, Pereltsvaig, 2004 – Franks S., Pereltsvaig A. Functional categories in the nominal domain. *Proceedings of Formal Approaches to Slavic Linguistics 12. The Ottawa Meeting 2003*. Arnaudova O., Browne W., Rivero M.-L., Stojanovic D. (eds.). Ann Arbor, MI, 2004. Pp. 109–128.

Harves, 2002 – Harves S.A. Unaccusative syntax in Russian, general and Slavic linguistics. Ph.D. diss. Princeton University, 2002.

Harves, 2003 – Harves S. Getting impersonal: Case, agreement, and distributive po-phrases in Russian. Brown W., Kim Ji-Yung, Partee B., Rothstein R. (eds.). *Formal Approaches to Slavic Linguistics 11: The Amherst meeting*. Ann Arbor, MI, 2003. Pp. 235–254.

Longobardi, 1994 – Longobardi G. Reference and proper names: A theory of N-movement in syntax and logical form. *Linguistic Inquiry*. 1994. Vol. 25. No. 4. Pp. 609–665.

Mikaelian, 2013 – Mikaelian I. Cardinal numeral constructions and the category of animacy in Russian. *Russian Linguistics*. 2013. Vol. 37. No. 1. Pp. 71–90.

Pereltsvaig, 2006 – Pereltsvaig A. Small Nominals. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2006. Vol. 24. No. 2. Pp. 433–500.

Pereltsvaig, 2007 – Pereltsvaig A. On the universality of DP: A view from Russian. *Studia Linguistica*. 2007. Vol. 61. No. 1. Pp. 59–94.

Pereltsvaig, 2010 – Pereltsvaig A. As easy as two, three, four? *Formal approaches to Slavic linguistics 18: The Cornell Meeting*. Wayles B., Cooper A., Fisher A., Kesici E., Predolac N., Zec D. (eds). Ann Arbor, MI, 2010. Pp. 417–434.

Pesetsky, 2013 – Pesetsky D. Russian case morphology and the syntactic categories. Cambridge, MA, 2013.

Preminger, 2014 – Preminger O. Agreement and its failures. Cambridge, MA, 2014.

Rappaport, 2002 – Rappaport G. Numeral phrases in Russian: A Minimalist approach. *Journal of Slavic Linguistics*. 2002. Vol. 10. No. 1–2. Pp. 327–340.

Rappaport, 2003 – Rappaport G. The grammatical role of animacy in a formal model of Slavic morphology. *American contributions to the thirteenth International Congress of Slavists*. Vol. 1: Linguistics. Timberlake A., Schenker A. (eds.). Bloomington, IN, 2003. Pp. 149–166.

Stowe, Kaan, 2006 – Stowe L.A., Kaan E. Developing an experiment: Techniques and design. Unpublished.

Статья поступила в редакцию 27.08.2018

The article was received on 27.08.2018

Герасимова Анастасия Алексеевна – магистрант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; лаборант-исследователь лаборатории общей семантики Института современных лингвистических исследований, Московский педагогический государственный университет

Gerasimova Anastasia A. – MA student at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; research assistant at the Laboratory of General Linguistics and Grammar Theory of the Institute for Modern Linguistic Studies, Moscow Pedagogical State University

E-mail: anastasiagerasimova432@gmail.com

Лютикова Екатерина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; профессор кафедры компьютерной лингвистики и формальных моделей языка, заведующая лабораторией общей лингвистики и теории грамматики Института современных лингвистических исследований, Московский педагогический государственный университет

Lyutikova Ekaterina A. – Dr. Phil. Hab.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; professor at the Department of Computer Linguistics and Formal Language Models, head at the Laboratory of General Linguistics and Grammar Theory of the Institute of Modern Linguistic Research, Moscow Pedagogical State University

E-mail: lyutikova2008@gmail.com

DOI: 10.31862/2500-2953-2018-4-72-108

П.В. Гращенко^{*, **, *}, О.В. Курьянова^{*}**

^{*} Московский государственный университет им. Ломоносова,
119234 г. Москва, Российская Федерация

^{**} Институт востоковедения РАН,
107031 г. Москва, Российская Федерация

^{***} Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
117485 г. Москва, Российская Федерация

Порядок атрибутивных прилагательных в истории русского языка и статус прилагательного в структуре именной группы¹

Статья посвящена обсуждению линейного порядка прилагательных разных семантических классов и возможности построения синтаксической иерархии на основании (отсутствия) упорядоченности. Описаны два корпусных исследования: одно на материале современного русского языка, другое – на историческом корпусе, включающем тексты на старославянском, древнерусском и старорусском языке. Результаты показывают, что, хотя определенные черты иерархии и в первом, и во втором случае наблюдать можно, упорядоченность не носит регулярного характера. Это не позволяет признать наличие строгой функциональной иерархии и отвергнуть гипотезу об относительно свободном (адьюнктивном) расположении прилагательных.

Ключевые слова: структура именной группы, атрибутивные прилагательные, семантические классы, русский язык, диахрония, синтаксическая типология.

¹ Участие П.В. Гращенко поддержано грантом РФФ 18-18-00462, реализуемым в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина.

P. Grashchenkov^{*, **, *}, O. Kurianova^{*}**

^{*} Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

^{**} Institute of Oriental Studies, RAS,
Moscow, 107031, Russian Federation

^{***} Pushkin State Russian Language Institute,
Moscow, 117485, Russian Federation

The order of attributive adjectives in the history of Russian and the position of adjectives in the noun phrase²

The paper discusses ordering of different semantic classes of attributive adjectives and possible implications for the syntactic hierarchy based of the (non-)observed linearization. Two corpus-driven studies are presented: the first one considers Russian, the second one deals with the complex corpus, consisting of Old Church Slavonic and Old Russian texts from XI to XVII centuries. Although quantitative analysis shows the tendency towards ordering of attributive adjective, this tendency is not strong and regular enough. The paper concludes that attributive adjectives can be hardly viewed as representing syntactically ordered functional structure and soon argue in favor of attributive adjunction.

Key words: noun phrase structure, attributive adjectives, semantic classes, Russian, diachrony, syntactic typology.

1. Иерархия атрибутивных прилагательных

Вопрос о порядке расположения прилагательных в именной группе волновал многих исследователей, см. [Dixon, 1977; Cinque, 1993; Scott, 2002; Laenzlinger, 2005; Pereltsvaig, 2007; Cinque, 2010; Valois, 2011] и др. В классической работе [Dixon, 1977] проблема прилагательных в именной группе поставлена в явной форме впервые. Исследование

² The research of P. Grashchenkov (Pushkin State Russian Language Institute) is supported by the RSF grant 18-18-00462.

порядка расположения прилагательных проводится Диксоном для того, чтобы подтвердить влияние семантики на грамматические свойства и типологическую реализацию единиц адъективной категории.

В формальной лингвистике исследование порядка расположения прилагательных друг относительно друга и относительно вершинного имени также имело принципиальное значение. Одним из важных вопросов, которые требовалось прояснить, было различие в порядке расположения прилагательных в романских и германских языках. В романских языках часть прилагательных располагается в постпозиции к имени, что в [Cinque, 1993] было объяснено как результат передвижения именной вершины вверх по структуре именной группы. Дополнительные подтверждения возможности передвижения именных вершин были выдвинуты в статье [Longobardi, 1994] при анализе поведения собственных имен в итальянском языке. Можно сказать, что работа [Cinque, 1993], касающаяся достаточно частного, на первый взгляд, вопроса – порядка расположения прилагательных в именных группах – начала целый ряд интересных дискуссий. Среди наиболее важных теоретических проблем можно упомянуть как минимум две: гипотезу об универсальности DP, см. здесь прежде всего [Лютикова, 2017], и валидность картографической идеи в целом, см. [Cinque, 2004] и др. работы.

2.1. Порядок атрибутивных прилагательных в русском языке

Ниже мы опишем небольшое исследование порядка расположения русских прилагательных в именной группе, а затем сравним его результаты с данными других авторов как для русского, так и для других языков.

Приведем результаты исследования по корпусу прозы и публицистики конца XX в., всего около 12 млн словоупотреблений.

Исследование проводилось на следующих семантических классах прилагательных: РАЗМЕР (*большой, узкий, ...*); ОЦЕНКА (*прекрасный, плохой, ...*); СРОК (*новый, старый*); ЦВЕТ (*черный, красный, ...*); МАТЕРИАЛ (*деревянный, кирпичный, ...*); НАЦИОНАЛЬНОСТЬ (*немецкий, китайский, ...*); МЕСТО (*российский, новгородский, ...*). Данные классы были выбраны по трем причинам: во-первых, именно они чаще всего становятся объектом описания в работах по порядку расположения прилагательных [Cinque, 2010]; во-вторых, семантика данных классов достаточно прозрачна; в-третьих, данные лексемы частотны и позволяют составить выборку приемлемого объема.

Всего было извлечено около 80 тыс. примеров с разного типа именными зависимыми, из которых около 2,5 тысяч – лексемы исследуемых

классов. Программно отбирались лишь те пары прилагательных, которые имеют одинаковые грамматические характеристики и не разделяются запятой.

Далее были отсеяны следующие случаи: метафорические употребления (*выпуклыми стеклянными глазами*); примеры, в которых первое прилагательное определяет второе (*глубокого синего цвета*); идиомы и термины (*местную Красную книгу*); случаи эллипсиса (*В Петербурге у них два дома – старый деревянный с протечинами и новый каменный на берегу Невы близ Летнего сада*) и некоторые другие. Случаи именных групп, состоявших из одних и тех же элементов, но в разных формах, считались как одно употребление (*громкими прозрачными куполами = громадным прозрачным куполом*).

В конечном итоге для выбранных семантических классов было получено 1490 уникальных примеров, содержащих 610 неповторяющихся пар прилагательных следующего вида:

- (1) а. В доме, кроме него, оставался лишь Пуришкевич, который поднялся в кабинет и набрасывал что-то в [большом черном блокноте], возможно, свою завтрашнюю речь в Думе.
- б. Та сидела деловитая, в [сером английском костюме], вела разговор с клиентом, увидела Шеврикуку, вскочила.
- с. ...они преодолели расстояние в 6700 км и достигли Купанги, [небольшой голландской фактории] на острове Тимор...
- д. Именно она своим вердиктом вынесла недавно обвинительный приговор [плохим российским дорогам] и нерадивым строителям этих самых дорог.
- е. Позвонил [старый белый телефон] с гербом СССР.

(коллекция текстов авторов конца XX в.)

Количество сгруппированных по классам пар было подсчитано. Так, например, порядок РАЗМЕР–ЦВЕТ наблюдался в 773 случаях, а обратный порядок – в 95, порядок ЦВЕТ–МАТЕРИАЛ – в 64 случаях, обратный – в 5 и т.д.³ В результате были сформированы следующие пары классов, демонстрирующие значимые корреляции:

³ Данные были оценены двумя способами. Во-первых, проверялась возможность того, что результаты варьирования в парах совпадают с равновероятным распределением (0,5 – половина случаев прямого, половина – обратного порядка). Если уровень значимости такого исхода был ниже 0,33 – пары считались упорядоченными. Также с помощью критерия χ^2 (в случае небольшого математического ожидания – с поправкой Йейтса) и «точного» критерия Фишера при уровне значимости 0,05 проверялась гипотеза о том, что каждая конкретная пара упорядочена неслучайным образом.

(2) Упорядоченные пары русских атрибутивных прилагательных разных семантических классов

РАЗМЕР—СРОК; РАЗМЕР—ОЦЕНКА; РАЗМЕР—ЦВЕТ;
 РАЗМЕР—МАТЕРИАЛ; РАЗМЕР—НАЦИОНАЛЬНОСТЬ; РАЗМЕР—МЕСТО;
 ОЦЕНКА—ЦВЕТ; ОЦЕНКА—НАЦИОНАЛЬНОСТЬ;
 СРОК—ЦВЕТ; СРОК—МАТЕРИАЛ;
 СРОК—НАЦИОНАЛЬНОСТЬ; СРОК—МЕСТО;
 ЦВЕТ—МАТЕРИАЛ; ЦВЕТ—НАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Такие пары классов непротиворечиво упорядочиваются в следующую последовательность (классы на одном вертикальном уровне не демонстрируют взаимного приоритета):

(3) Порядок русских атрибутивных прилагательных разных семантических классов

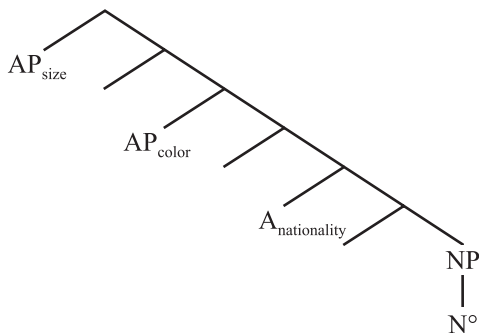
РАЗМЕР
 ОЦЕНКА
 СРОК
 ЦВЕТ
 МАТЕРИАЛ
 НАЦИОНАЛЬНОСТЬ
 МЕСТО

Сам факт того, что при упорядочивании отдельных пар не возникает противоречий, говорит о наличии иерархии. Как можно видеть, «дальше всего» от существительного располагаются прилагательные семантического класса РАЗМЕР, а «ближе» к вершинному имени находятся прилагательные классов МАТЕРИАЛ, НАЦИОНАЛЬНОСТЬ, МЕСТО. Классы ОЦЕНКА и СРОК располагаются после РАЗМЕРА, после них располагается ЦВЕТ, а затем следуют три конечных класса.

2.2. Расположение прилагательных в языках мира и синтаксическая позиция прилагательных в именной группе

Полученная нами для русского языка последовательность находится в соответствии с обобщением, представленным Чинкве для итальянского [Cinque, 1993], и в целом верного для романских и германских, см. [Cinque, 2010], ср.:

(4)

[Cinque, 2010, p. 39]

В работах Чинкве, см. также [Pereltsvaig, 2007] и др., утверждается, что порядок прилагательных в именной группе фиксирован и универсален. Он определяется иерархией функциональных проекций, соответствующих разным семантическим классам прилагательных. Разберем анализ, приводимый Чинкве для романских и германских языков, и покажем, что он не может описать наблюдаемые факты русского языка.

Чинкве приводит следующие ограничения на порядок прилагательных в языках мира:

(5) а. английский, китайский

$$A_{\text{size}} > A_{\text{color}} > A_{\text{nationality}} > N$$

b. –

$$*A_{\text{nationality}} > A_{\text{color}} > A_{\text{size}} > N$$

c. валлийский, ирландский

$$N > A_{\text{size}} > A_{\text{color}} > A_{\text{nationality}}$$

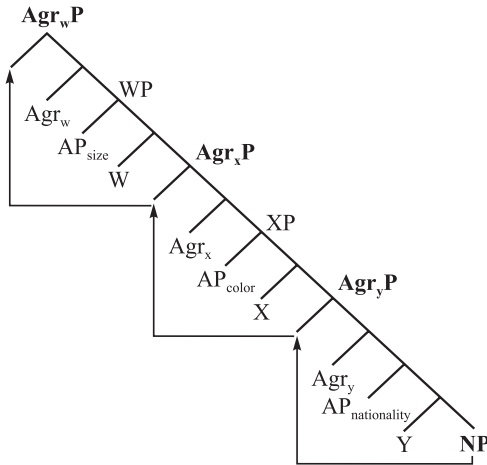
d. индонезийский, йоруба

$$N > A_{\text{nationality}} > A_{\text{color}} > A_{\text{size}}$$

[Cinque, 2010, p. 39]

В языках типа английского или русского все элементы получают поверхностное выражение в своих базовых позициях. В языках с позицией имени возможен один из двух сценариев. С одной стороны, ядерная именная группа (имя и некоторая его минимальная проекция) могут последовательно подниматься в спецификатор некоторой верхней функциональной проекции – так получается порядок типа с.:

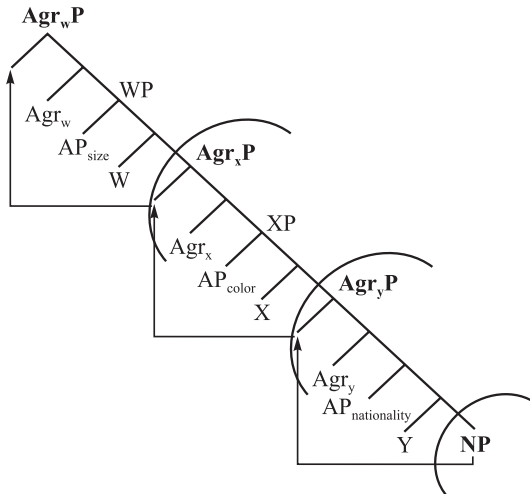
(6)

[Cinque, 2010, p. 41]

Другой сценарий – передвижение в духе «эффекта Крысолова» (pied-piping), см. [Тестелец, 2001, с. 140–141]. В этом случае передвижение происходит по принципу снежного кома: ядерная именная группа перемещается в непосредственно доминирующий над ней узел ($AP_{nationality}$), затем весь комплекс ($NP-AP_{nationality}$) поднимается в непосредственно доминирующий над ним спецификатор (AP_{color}) и т.д. – таким образом деривируется структура, соответствующая d.:

(7)

[Cinque, 2010, p. 41]

Как мы видим, инверсия разных типов прилагательных по Чинкве является следствием исходного передвижения ядерной проекции именной группы. Русский язык, пользуясь определенной свободой расположения, как кажется, универсально доступной прилагательным, демонстрирует вариации порядка. Приводимые ниже примеры получены в рамках описанного выше эксперимента и соответствуют порядкам $A_{nationality} > A_{color} > N$; $A_{nationality} > A_{size} > N$ и $A_{color} > A_{size} > N$:

- (8) а. Резко повернувшись на винте табурета, ко мне обратился небольшого роста человек с [французской черной бородкой]...
 б. Как на [японском мелком календаре], при смещении его, возникает новая картинка...
 с. ...горбун, оказывается, пристально смотрит на меня, а на [красных длинных губах] его блуждает улыбка...
 (коллекция текстов авторов конца XX в.)

Такие вариации порядка, согласно предлагаемому Чинкве механизму, должны быть невозможны в языках с препозицией прилагательного, т.к. группа прилагательного не может передвигаться сама по себе – только с ядром именной группы.

Упомянем еще одно исследование данной проблемы, проведенное для русских и английских прилагательных в [Pereltsvaig, 2007]. Методика, использованная А. Перельсвайг, была иной⁴: носителям представлялись 30 пар прилагательных с «прямым» и «обратным» порядком и предлагалось оценить приемлемость каждого варианта. Случаи, при которых порядок не соответствовал исследуемой иерархии, оценивались как отклонения. Отклонений обнаружилось немного (11,5%), но в некоторых парах отмечаются регулярные «биения»: носители затрудняются с выбором одного из вариантов.

За основу Перельсвайг принимает иерархию прилагательных, полученную для ряда языков в [Scott, 2002], см. также [Dixon, 1977; Laenzlinger, 2005; Valois, 2011] и приведенные там ссылки:

(9) Иерархия расположения прилагательных

[_{DP} *the/this* [_{Subj.CommentP} *nasty/magnificent* [_{SizeP} *big/small*
 [_{LengthP} *long/short* [_{HeightP} *tall/high* [_{SpeedP} *fast/slow* [_{WidthP} *fat/thick/thin*
 [_{WeightP} *light/heavy* [_{TemperatureP} *hot/cold* [_{AgeP} *Edwardian/modern*
 [_{ShapeP} *round/triangular* [_{ColourP} *dark brown/white*
 [_{Nationality/OriginP} *German/Parisian* [_{MaterialP} *rosewood/brass* [_{NP} ...

[Scott, 2002, p. 102]

⁴ Аналогичным образом были получены данные по порядку английских прилагательных в [Dixon, 1977].

Исследование А. Перельцвайг подтверждает данную иерархию для английского и русского языков. Наши результаты в основном не противоречат результатам [Scott, 2002; Pereltsvaig, 2007] и др. Основное расхождение состоит в том, что класс РАЗМЕР в нашем случае располагается до прилагательных ОЦЕНКИ⁵. Отметим, что в [Valois, 2011] указывается на возможную вариативность двух данных классов в польском.

Необходимо также отметить, что в случае [Pereltsvaig, 2007] 30 пар прилагательных для исследования 16 семантических классов кажется недостаточным: число возможных комбинаций для 16 классов составляет 240 пар при условии использования одной лексемы на каждый класс.

Надо отметить, что в самих методиках исследования порядка слов заложено ожидание вариативности, ср. с примерами на не/грамматичные порядки составляющих типа **John often kisses Mary* и проч. Также возможно, что в случае методики, применявшейся в [Pereltsvaig, 2007], сам факт постановки перед носителем задачи по выбору одного «правильного» порядка сужает пространство возможностей. Так или иначе, вариативность порядка прилагательных в русской именной группе действительно существенна. К приведенным выше цифрам (РАЗМЕР–ЦВЕТ – 773/95, ЦВЕТ–МАТЕРИАЛ – 64/5) можно добавить случаи РАЗМЕР–СРОК – 22/14; РАЗМЕР–МАТЕРИАЛ – 188/8 и т.д. Засвидетельствованные примеры обратного порядка (см. выше) в целом составляют около 10%.

Представляется, что то, что мы наблюдаем в русском (английском и других языках) в действительности, – не строгое упорядочивание проекций различных типов, а скорее тенденция к определенному расположению. Закономерности подобного рода более соответствует адьюнкция, чем иерархия функциональных проекций. В пользу адьюнкции говорят следующие факты:

- i) произвольное количество прилагательных в именной группе;
- ii) относительно свободный порядок их расположения;
- iii) отсутствие у отдельных классов прилагательных характерных для них грамматических признаков, которые проверялись бы в процессе деривации в данной функциональной проекции.

⁵ Необходимо, конечно, также представлять себе соответствие лексического состава отдельных классов. В целом кажется более корректным – хотя и менее выгодным с точки зрения возможных обобщений – говорить о закономерностях в расположении отдельных лексем. Возможно, в будущем стоит провести исследование расположения тех или иных прилагательных различными методами и сравнить результаты.

3. Порядок атрибутивных прилагательных в старославянском, древнерусском и старорусском языке

3.1. Постановка задачи и методы исследования

Отдельный интерес в свете картографического подхода представляет вопрос об эволюции линейного порядка атрибутивных прилагательных. В дополнение к исследованию современного русского проведена работа по поиску закономерностей расположения атрибутивных прилагательных на более ранних этапах развития языка.

Здесь существуют, по крайней мере, три возможности: если верен картографический подход, то мы должны ожидать, что найдем предсказанную упорядоченную иерархию прилагательных в любой точке исследуемой диахронической прямой; если же верна гипотеза об отсутствии четкой упорядоченности прилагательных разных семантических классов, то никаких значимых тенденций такого рода обнаружено не будет; наконец, мы можем обнаружить тенденцию к иерархическому расположению семантических классов прилагательных, отличную от той, которую наблюдаем в современном русском языке.

Насколько нам известно, исследования линейного расположения прилагательных в современном русском языке опираются (по крайней мере, исходя из методики) на предположение, что прилагательные в нем существуют только в препозиции и только в полной форме⁶. Соответственно, методика, выявляющая возможную иерархию, использует взаимное линейное расположение прилагательных перед существительным, при этом предполагается, что прилагательное, стоящее «выше» в иерархии, склонно занимать более «левую» позицию, чем то, что располагается «правее», т.е. рядом с существительным (например, *красивое зеленое дерево*).

Удобный для исследования порядка слов древнерусский корпус (см. ниже) обладает, к сожалению, небольшим объемом (около 300 тыс. словоупотреблений). Поэтому набрать достаточную для анализа выборку именных групп с линейным расположением нескольких несочиненных прилагательных в составе, т.е. применить ту же методику, что и в первой части статьи, оказалось невозможно (см. примеры в таблице 1). Поэтому поиск критерия, на который могла бы опираться возможная иерархия, проводился среди таких признаков, которые учитывали бы линейный порядок и при этом позволяли бы обходиться одним прилагательным в именной группе.

⁶ Хотя поиск в интернете, например, обнаруживает ряд случаев типа *старый шкаф деревянный*, которые, как будет показано далее, возможно, стоит учитывать: ...мы вот пытались реанимировать старый шкаф деревянный, муж неделю все собрал и психанул (<http://irecommend.ru/content/ya-ne-znayu-chto-mne-delat-s-etoju-bedoi-net-v-ukraine-kraskichtob-pokrasit-okno>).

Таблица 1

**Контактное употребление
двух прилагательных исследованных классов**

Хождение Афанасия Никитина за три моря	
РАЗМЕР–МАТЕРИАЛ	да крѣломъ привѣзаны (великы̆ жѣлзыны̆) горы
МАТЕРИАЛ–РАЗМЕР	да крѣкъъ ѿ него в рѣкахъ (жѣлзынон великы)
РАЗМЕР–МАТЕРИАЛ	да чепь ѿ него (велика жѣлзына) во рѣ
Житие протопопа Аввакума	
ПОСЕССИВНОСТЬ–МАТЕРИАЛ	и послѣ на вологдаѣ сослама въ (спѣсов каменнон) мнѣстрѣ
ПОСЕССИВНОСТЬ–ОЦЕНКА	подобает ти пастыря смиренномудра матри нашен (бщен стѣ) цркви взыскат
ОЦЕНКА–ПОСЕССИВНОСТЬ	ѿ причастїи (стѣхъ хбѣхъ) непорочныхъ танн
РАЗМЕР–МАТЕРИАЛ	скинѣа с себѣа мокрое платѣ вздѣла на мокрѣю рѣбахъ сѣхѣю (тонкѣю тафта- нѣю) бѣлю шѣвѣ
МАТЕРИАЛ–ЦВЕТ	скинѣа с себѣа мокрое платѣ вздѣла на мокрѣю рѣбахъ сѣхѣю тонкѣю (тафта- нѣю) бѣлю) шѣвѣ
Повесть о взятии Царьграда турками	
ОЦЕНКА–РАЗМЕР	а самѣ црѣ корѣнтїнѣа понде с патриар- хом и съ стѣли и съ бѣли сѣнными сѣборы въ (стѣю великѣю) цркви молѣбы и благодаренїа вздѣлати
МАТЕРИАЛ–РАЗМЕР	и събравше с людіе мнози видѣша од великїа цркви премдрости бжїа од верха из оконъ пламеню (гнѣн велик) из- шедш и крѣжнѣш всю шею црквию на дѣлгъ час

РАЗМЕР—ОЦЕНКА	свѣтъ оубо нъ неизреченныи ниже бѣ сзднствѣ в велиции цркви бжїа пмрадо_сти с прежними свѣтильники архїєри вселенскыми и црн блгочестивыми такоже и аглѣ бжїи его же оубре_пи бѣ при одѣтъни црн на сзхраненїе (великы стѣ) цркви и градѣ сем в сїю бо ноцѣ ндоша на нбо
ОЦЕНКА—РАЗМЕР	патрнархѣ же съ вѣли сѣборы бше въ (стїи велиции) цркви нестоупно мл ба и почтїю его бгомтрѣ поможени и крпленїи на враги плача и рыда
Домострой	
ОЦЕНКА—ПОСЕССИВНОСТЬ	прїегай всегда с вром ко (стѣмъ бжїимъ) црквамъ
РАЗМЕР—ПОСЕССИВНОСТЬ	вспоминан сн (великое бжїе) милосер_дне к намъ и застпленїе юности и до сего времени
Повесть временных лет	
ПРОИСХОЖДЕНИЕ—ЦВЕТ	Хамови же та с полдѣньная стра_на юпетъ ефивопыя прилежаща ко ндомиъ дрдгага же ефивопыа из неаже неходитъ рка (ефїпскага чер_мна) текдши на възтокъ авїфаннїи прилежащи до кзуринна марзмарьа ас_ритиснод и дрдгага ндмидьа масврїа мавританьа протндоци гадиѣ
МАТЕРИАЛ—РАЗМЕР	бѣ во възложили на нь гривнѣ (златѣ великѣ) в неи же предѣстоаше пред нимъ
МАТЕРИАЛ—ОЦЕНКА	раддїта с тако вс напатаища срца горе_сти и болзні гонїа стрети злыа нїцлюща каплами (кровными стѣми) червїиша багрїнїю славнага

Продолжение табл. 1

Новгородская первая летопись	
ОЦЕНКА—СРОК	И ТЪ ЛЕНЕ СЪПОСТИЖЕ БЖИ БЛАГАТЬ И СТЪ ВЛАДЦЪ НАШЕ БЦ И (СТЮ НОВОВЛЕНЮ) МЧНКЪ БОРИСА И ГЛАВА
Смоленская торговая правда	
—	
Русская правда	
—	
Житие Сергия Радонежского	
РАЗМЕР—ОЦЕНКА	ТОЛКА И ТАКОВА (ВЕЛЕНКА СВѢТА) СТАРЦА ПРЕСЛАВЦЪ И МНОГОСЛАВЦА ЖИТИЕ ЕГЪ ВЪСЮДО ВЪНОСИМО И ПО ДАЛЬНИМЪ СТРАНАМЪ И ПО ГРАДМЪ МЖА ВЛЕННА І ИМЕННИТА ВЪМЪ ТОГО ИСПОВАВШИМЪ И ЗА ТОЛНКО ЛТЪ ЖИТИЕ СТАВЛЕННО И НЕ ПИСАННО БШЕ
Супрасльская рукопись	
ОЦЕНКА—ПОСЕССИВНОСТЬ	ИСКОВОУСНИИ ЖЕ НЪ (ДОВИН ХУГОВИ) РАВИ СЪ ОДПВАННИМЪ ВЪ ГРАДЪ ПРЕВЛАХЪ ВЪ МНОЗ РАДОСТИ ОЖИДАШТЕ ДА НЕКЪЛИ НЪКЪДА НЪ ТИ СЪПОДОБЪТЪ СЪ ПРОСЛАВИТИ БЪ
ОЦЕНКА—ПОСЕССИВНОСТЬ	БЛАЖЕННЪ ГИГОРИИ ПОСТАВЪНЪ БЪТЪ ПАТРИАРХЪ (СТИ ВЪЖИИ) ЦРЪКВИ РИМЪСКИ А ПРЖДЕ ПАТРИАРШЕСТВА ЦРЪКОРИЦЪ БЪ ВЪ МАНАСТРИ СТААГО АПОСТОЛА АНДРЕА НАРИЦАМААГО КЛИОСКАВРА БЛИЗЪ СТОБИ МЧЕНИКОВЪ ІАНА И ПАВЛА
ОЦЕНКА—ПОСЕССИВНОСТЬ	ТОЛНКО ЖЕ СТЪВЪГАНЪ БЪТЪ (СТИ ВЪЖИИ) МЧЕНИКЪ ДОНДЕЖЕ МСА МОДЪ ПАДОШЪ ВЪСА НА ЕМИ
ОЦЕНКА—ПОСЕССИВНОСТЬ	И СЕ РЕКЪ ВЪВЪРЪВЪ НА НЕВО (СТИ ВЪЖИИ) СТРАСТЪНИКЪ САВИНЪ ПОМОЛИ СЪ ГЛАГОЛЪ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ—ОЦЕНКА	ВЪ ДНИ БО ПРАЗРЕЧЕНАГО КРЪСТИНАГО ЦСАРА КОНТАТИНА Б НКТО ПРЕВЪТЕРЪ ОТЪ (АЛЕАНДРЪСКЪ СВТ) БЖИ ЦРЪКВЕ ПАГОДЪБНИКЪ ОБРАМОЪ И ВЪСКО ДИКОЛА И ВРАГА ДОУШЪ НАШИХЪ ХОДА ОБЪРТЕЛЬНИКЪ ПРЪВН
ОЦЕНКА—ПОСЕССИВНОСТЬ	СИИ ЖЕ ТАКО ПРЪСЛАВЪНЪ ГОСПОДЬМЪ ИГОДЪ ХРЪСТОМЪ ЧОУДЕСЕМЪ БВАШТЕМЪ ЛТОУ ПРЪШЕДЪШОУ МИРЪНИИ ВРАГЪ ВЕЛИ ПОСТАВЪТЪ СЪСЪДЪ СВОИ АКЪ ВЪТОРАГО АРИА НА ПРАВЪ БРЪ ЦСАРА ОБАЛА ИЖЕ БЕАКОМЪНИИ СЪ И АКЪ НИЪ АУСАВЪ НА (СВТЪ БОЖИ) ЦРЪКВИ БЪВЕСИ СЪ ОБНАВЪ ВЪСЪ АРИИ ХОДА
ПРОИСХОЖДЕНИЕ—ОЦЕНКА	ОДЪТВЪРДИВЪШЕ ЖЕ (НИКЕНСКЪ СЪТ) ПРАВЪ БРЪ КОДПНО И ТИ ОДЪСТАВИШЪ ОДЪСТАВЪ БРЪ
ОЦЕНКА—ПОСЕССИВНОСТЬ	СЪЗКОМЪЧАСТА ЖЕ СЪ (СВТА БОЖИ) МЪЧЕНИКА ВЪ НИКОМЪДИИЕТЪ ГРАДЪ О ХРИСТОСЪ ГОСПОДИ НАШЕМЪ СЪ НИМЪЖЕ ОЦОУ СЛАВА И ДРЪЖАВА СЪ СВТИМЪ ДОУХОМЪ НИИ И ПРИСНО И ВЪ ВЪСЪ ВЪКОМЪ АМИНЪ
ОЦЕНКА—ПОСЕССИВНОСТЬ	СЪЗКОМЪЧАШЪ ЖЕ СЪ (СЪТИИ ХРИСТОСОВИ) МЪЧЕНИЦИ
ОЦЕНКА—МАТЕРИАЛ	ОБЪЛЪКАЪ СЪ СИ ВЪ (СЪРАМЪНЪ КОЖЪНЪ) РИИ НЪ ОБЪЛОХЪ СЪ БЪ ПЛЪТИ ТВО ВЪ КОЖЪНЪ РИИ
ОЦЕНКА—ПОСЕССИВНОСТЬ	ЖЕНА ИКА ПО БОУЧЪСТЪЮ ОДЪТВЪРИВЪШИ СЪ ПРИШЪЛЪЗЪТВОУШТИ ВЪ НКИХЪ ДАЛЬНИИХЪ МЪСТЪХЪ ПОДЪСТНЪ ВЪ ЛЮТЪ ВЪПАДШИ И ОУЧЪ ОБЪЧЪНИИХЪ ВРАЧЕВЪ ОУЧЪЧАВЪШИ СЪ МОЛИТЪ СЪЗЪТВОРИ КЪ БВИ КО ИЦЪЛЪШИ И СЪПОДОБИТИ СЪ ДОИТИ СЪТАГО КОЖЕ ВЪДЪВШИ И ГО НАСЛАДИТИ СЪ (СЪТАГО АГГЕЛЬСКАГО) ЖИТИ

Окончание табл. 1

Суздальская летопись	
ПОСЕССИВНОСТЬ—ПРОИСХОЖДЕНИЕ	всѣволоду же бывши за свѣдалем Зиша чюднѣи мѣрь (бжьи володимерь_ скѣю) и весь град и до снованъ акы на взадѣ стошѣ
Успенский сборник	
—	
Задонщина	
ОЦЕНКА—РАЗМЕР	того лѣтѣ че бо ес брате нача побѣдати ниши словесы похвалнѣх нынешнѣх повестех полку князя дмитрея нва_ новича и брата его князя владмера ндревич правнѣка (стго велико) князя владмера киевскаго
РАЗМЕР—ПРОИСХОЖДЕНИЕ	нѣтѣ тѣто ѹ насѣ горока бояринѣх (большинѣх москѡвѣскихѣ) да князен белозерскѣх да о бояриновѣ посадни_ ковѣ новгородцкихѣ да о бояринѣх въ коломенскѣх да о бояриновѣ пере_ таславскѣх да полѣ о бояриновѣ костромскѣх да полѣ о бояриновѣ володимерѣскихѣ да о бояриновѣ свѣдальскѣх да о бояриновѣ резанѣскихѣ да о бояриновѣ мѣромскѣхѣ да о бояриновѣ ростовѣскихѣ да трех да о бояриновѣ дмитровѣскихѣ да о бояриновѣ звенигородцкихѣ да бояриновѣ глецькихѣ а изгнѣло нас всен дръжинѣ полѣ ооооо
Зографское евангелие	
—	

Поскольку искомые свойства прилагательных являются не только объектом отдельного исследования, но и предметом для сравнения со своими более поздними состояниями, включая современное, рассмотрим, как эволюционировала система прилагательных на протяжении рассматриваемого периода. Среди главных отличий от современного русского языка обычно называют более широкое распространение **постпозиции** прилагательного в атрибутивном значении, а также более широкое распространение **кратких** форм в атрибутивном значении.

Другими словами, в диахронии мы видим «переход» прилагательных от широко распространенной постпозиции к (почти) единственно возможной препозиции и вытеснение в атрибутивном значении кратких форм полными [Минлос, 2008, 2010, 2011, 2012; Улитова, 2016].

Касательно кратких форм в именной группе существует дискуссия, всегда ли можно четко отнести их к атрибутивному типу. Высказывались предположения об их «полупредикативности», влиянии одушевленности субстантива и наличия предлога, а также тема-рематических отношений в тексте; кроме того, на другом полюсе – в современном русском языке – краткие формы оформляют по преимуществу предикативные отношения; см. [Worth, 1985; Борковский, Кузнецов, 1963; Лаптева, 1963; Евстифеева, 2008; Уржумова, 2013]. В то же время полные формы прилагательных таких сомнений не вызывают, что позволяет использовать их как основную группу для сравнения разных временных пластов языка, не рискуя выйти за рамки атрибутивного значения. Пре- и постпозиция представляются более прозрачным и надежным критерием, не сопряженным с какими-либо ранее выявленными трудностями теоретического характера.

Рассмотрим, как можно использовать указанные факты для нашей задачи.

В [Cinque, 1993] при сравнении особенностей взаимного расположения семантических классов атрибутивных прилагательных в романских и германских языках в рамках картографического подхода вводится допущение (подкрепленное, тем не менее, теоретическими рассуждениями), что постпозитивно расположенное прилагательное в языке с зафиксированным линейным порядком ANA обычно находится ниже в иерархии, чем препозитивное⁷:

⁷ Здесь мы не касаемся других рассуждений Г. Чинкве, таких как тезис о передвижении существительного-вершины и зависимых прилагательных и их ограничения. Далее изложенное исследование опирается исключительно на наблюдение, указывающее на связь пре- и постпозитивного линейного расположения с местом в синтаксической иерархии.

(10) ANA order:	Evaluating	Size	N	Color
French: <i>un</i>	<i>joli</i>	<i>gros</i>	<i>ballon</i>	<i>rouge</i>
Italian: <i>una</i>	<i>bella</i>	<i>grande</i>	<i>palla</i>	<i>rossa</i>
Ladin: <i>una</i>	<i>bella</i>	<i>granda</i>	<i>balla</i>	<i>cotchna</i>
‘a	pretty	big	ball	red’

«Хотя относительное расстояние данных прилагательных (размер и цвет) от существительного не может быть, на первый взгляд, установлено, немаркированный порядок групп прилагательных друг относительно друга в точности тот же самый, что и в AN языках, нежели смесь AN и NA языков. Это описательное обобщение прямо следует из того, что базовый порядок (уровень, на котором накладываются такие ограничения) одинаков для ANA и AN языков, с той разницей, что видимый ANA порядок образуется путем подъема существительного над некоторыми нижними группами прилагательного»⁸ [Cinque, 1993, p. 29].

Таким образом, исходя из посылки, что прилагательные в именной группе – и препозитивные, и постпозитивные – являют собой сквозную иерархию, притом что постпозитивные в ней будут ниже, чем препозитивные, мы можем исследовать все именные группы, содержащие хотя бы одно прилагательное, используя тот же по сути принцип, что и при работе с современным русским, а именно: прилагательное, выбирающее позицию «левее» в именной группе, находится «выше» в искомой иерархии. При этом в отличие от современного русского языка, при работе с которым нам требуется как минимум два прилагательных в именной группе для вычисления иерархии (т.к. их иерархия определяется **друг относительно друга** и единственное прилагательное не будет показательно: оно всегда занимает препозицию к существительному), в исследуемом диахроническом промежутке нам достаточно одного прилагательного в группе, т.к. здесь мы располагаем двумя его позициями **относительно существительного**. Рассмотрим подробно, как технически это возможно.

Итак, если мы, во-первых, последуем правилу «препозитивные прилагательные находятся выше в иерархии, чем постпозитивные», во-вторых, зафиксируем для каждого употребления, является ли оно пре- или постпозитивным, в-третьих, разметим принадлежность лексем к названным семантическим классам, то сможем проверить статистическую гипотезу следующего содержания.

⁸ «Although the relative distance of certain adjectives from the N (size and color) cannot at first sight be established, the unmarked relative ordering of APs among each other is exactly the same as that of AN languages rather than being a mixture of AN and NA languages. This descriptive generalization follows directly from taking the base order (the level where such restrictions are imposed) to be exactly the same for both ANA and AN languages, with the observable ANA order derived by raising of the N past some of the lower APs».

Нулевая гипотеза (H_0) будет предполагать отсутствие значимой тенденции в предпочитаемой позиции между разными классами. Альтернативная гипотеза (H_1) будет предполагать, что разные классы демонстрируют значимое различие в проценте препозиции. Здесь препозиция является маркером более высокого расположения в иерархии, а больший процент препозиции одного класса по сравнению с меньшим процентом препозиции другого класса интерпретируется как большая вероятность того, что, если два экземпляра разных классов встретятся внутри именной группы, то экземпляр класса с более высоким процентом препозиции более вероятно расположится в препозиции, чем экземпляр класса с меньшим процентом препозиции, который, в свою очередь, более вероятно займет низшую в иерархии постпозицию.

Применяя такую логику рассуждений, мы можем выяснить следующее. Во-первых, для каждого семантического класса установить его предпочтительную позицию в **каждом тексте**, т.е. употребляются его экземпляры чаще в пре- или в постпозиции и в каком процентном соотношении. Во-вторых, для каждого семантического класса установить его предпочтительную позицию в **диахронии**, т.е. меняется ли предпочтение позиции одного класса с течением времени, а также одинакова ли динамика изменений для разных семантических классов. В-третьих, мы сможем проверить, существует ли и сохраняется ли иерархическое соотношение семантических классов по предпочтению ими линейной пре- или постпозиции.

Таким образом, в группе полных атрибутивных прилагательных в первую очередь возможно было бы ожидать постепенного перехода прилагательных в препозицию в течение рассматриваемого периода. Нашей задачей было бы выяснить, как ведут себя в процессе такого перехода рассматриваемые семантические классы по отношению к трем возможностям, указанным выше (упорядоченная иерархия, согласно картографическому подходу / иная упорядоченная иерархия / отсутствие любой иерархической тенденции).

Исследование проводилось на корпусе The TOROT Treebank, представляющем собой совокупность отдельных текстов, размеченных морфосинтаксически с помощью «Universal dependencies». Из корпуса были выбраны 14 текстов, наиболее представительных по объему. Из старославянских текстов изучены «Супрасльская рукопись» и «Зографское евангелие»⁹. Из памятников письменности, относящихся к древнерусскому языку (до XIV в.): «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому

⁹ Зографское евангелие, хотя и относится к памятникам старославянского языка, в силу специфики перевода священного текста стоит чрезвычайно близко к своему греческому оригиналу. Данные этого текста представляют интерес скорее в сравнении с другими памятниками, тем более что объем его достаточно невелик.

списку, «Русская правда», «Смоленская торговая правда», «Успенский сборник»¹⁰, Суздальская летопись (Лаврентьевский список), Новгородская первая летопись, «Житие Сергия Радонежского»; из памятников старорусского периода (XIV–XVII в.) – «Задонщина», «Хождение Афанасия Никитина за три моря», «Повесть о взятии Царьграда турками», «Домострой» и «Житие протопopa Аввакума». Тексты были ранжированы по дате написания. Если для текста определена примерная датировка или текст охватывает значительный временной промежуток (как, например, летописи), то за основу бралась середина обозначенного временного интервала. Отчасти интерпретация датировки осложняется самим порядком существования средневекового текста: он может быть многократно переписан и/или иметь компилятивный характер, что само по себе является отдельной источниковедческой проблемой. Исследованный корпус также обладает широким разнообразием как по месту написания, так и по жанру, что, с одной стороны, является преимуществом (рассматривается язык в разных сферах действия), а с другой – потенциально может иметь скрытое влияние на исследуемый феномен. Тем не менее, корпус обладает единством в том смысле, что функционирует в едином культурном пространстве: более ранние памятники понятны (и, с большой вероятностью, хорошо знакомы) авторам

¹⁰ «Успенский сборник» отнесен к древнерусским памятникам прежде всего на основании орфографии рукописи, показывающей, что она была создана (переписана) на Руси. Переводной характер большинства ее текстов во внимание не принимался исходя из следующих соображений. Во-первых, в большинстве случаев здесь мы имеем дело не с одним, а с несколькими последовательными переводами. Во-вторых, линейзация прилагательных, в отличие, скажем, от морфологии глагола, не будет иметь четкого выражения, по которому мы сможем однозначно отличить «исконно» древнерусское от древнеболгарского или греческого, особенно если окажется, что помеченные как «исконные» памятники будут давать оба варианта (препозицию и постпозицию). Безусловно, тот факт, что памятник является переводным, должен приниматься во внимание, однако, как кажется, здесь требуется (если это вообще возможно) разработка более тонкой методики, учитывающей в какой-то мере и литературные особенности текстов. Вот пара примеров. С одной стороны, мы можем автоматически зачислить «Житие Феодосия Печерского» в памятники древнерусского языка (по исследуемой здесь языковой черте) на том основании, что оно создано на Руси и описывает местные события; а другой стороны, можем предположить, что написание текста по образцу южнославянских (← греческих ← латинских) житий может породить такое же калькирование конструкций: и в процессе перевода, и в процессе написания по образцу у пишущего «перед глазами» находится текст, по которому он «копирует» (см., например, [Фатева, 2007]). Также не вполне ясно, до какой степени следует входить в детали при такой работе: с одной стороны, мы можем выбирать, скажем, из «Повести о Горе-Злосчастии» фрагменты, заимствованные из «Повести об Акире Премудром», и отдельно проверять, не являются ли они кальками с сирийского/армянского (а то и ассирийского) источника, а можем принять, что перед нами текст XVII в. на (условно) русском языке. В данной работе принят последний названный подход, что кажется более оправданным в рамках поставленной задачи и дает в первом приближении понимание общей языковой ситуации.

текстов-потомков, и зачастую тексты опираются на одни и те же сюжеты независимо от жанровой принадлежности.

Из данного подкорпуса были извлечены все краткие и полные прилагательные в атрибутивной функции, для каждой лексемы семантически размечена принадлежность к одному из классов: РАЗМЕР (*великъ, болии, маленькии*), СРОК (*новъ, ветъхъ*), ОЦЕНКА (*благьи, недостоинъ, скврънь, предобръ*), ПОСЕССИВНОСТЬ (*стефановъ, невѣфталимль, женинъ, змиинъ*), ЦВЕТ (*чрънь, красънь, золотьи, синии*), МАТЕРИАЛ (*хольцовиы, медовиы, зурфряниы, харалужьниы*), ПРОИСХОЖДЕНИЕ (*рязаньскьи, гондустаньскьи, содомьскъ, гоморьскъ*). Класс МЕСТО не выделялся, т.к. для рассматриваемого периода в большинстве случаев оказался трудно-разделим с классом НАЦИОНАЛЬНОСТЬ (например, для случаев с прилагательным *новгородский* не всегда ясно, идет ли речь о происхождении человека или о его пребывании в конкретном месте: *февдоръ архепсѣ новгородьскьи – встволодъ гостъ новъгородьскьи*). Далее была проведена оценка количественной динамики прилагательных в целом и по отдельным семантическим классам.

Среди извлеченных именных групп встречались и такие, где прилагательное было одно: *нъ крѣяше ся от нихъ измѣнивъ ся в черны ризы, тогѣже лѣтъ волею бжгнѣю съвърши цркѣвъ камаѣноу вачеслав*, и такие, где определителей было несколько: *и пристави моужа блѣа смерена именьмъ станила*.

3.2. Результаты

Общая количественная оценка всех извлеченных прилагательных в атрибутивном значении представлена в таблице 2. Как можно увидеть из столбца «% полных» на протяжении рассматриваемого периода растет доля полных форм прилагательных (также средние значения по периодам: старославянские памятники – 51%, древнерусские – 70,6%, старорусские – 83%¹¹), что верно отражает тенденцию, крайнее выражение которой мы наблюдаем в современном русском языке. При этом доля препозиции полных форм (столбец «препозиция полных, %») в числе общего количества полных форм, как кажется, сильно варьирует и не демонстрирует зависимости от хода исторического развития, равно как и доля препозиции среди кратких форм (столбец «препозиция кратких, %»).

¹¹ Более детальная (по каждому памятнику) оценка характера роста не проводится, поскольку разнородность близких по времени текстов по объему и содержанию не позволяет делать однозначный вывод, что различия в проценте линейно зависят (только) от временного периода. Для совокупностей текстов, собранных по трем, традиционно выделяемым периодам, такой подсчет оказывается намного более надежным.

Таблица 2

Общая количественная оценка атрибутивных прилагательных

Текст ¹²	Всего	Всего полных	Препозиция полных, %	Всего кратких	Препозиция кратких, %	% полных	Дата
SUPR	3720	2300	0,72000	1420	0,47000	0,62000	1050
ZOGR	35	14	0,21000	21	0,33000	0,40000	1100
Среднее			0,46500		0,40000	0,51000	
RUSPRAV	92	53	0,70000	39	0,67000	0,58000	1030
PVL	2049	1166	0,57000	883	0,32000	0,57000	1116
RIGA-GOTH	80	70	0,84000	10	0,90000	0,88000	1229
USP-SBOR	1217	888	0,77000	329	0,43000	0,73000	1300
NOV-SIN	788	541	0,71000	247	0,39000	0,69000	1300
SUZ-LAV	864	625	0,62000	239	0,41000	0,72000	1377
SERGRAD	1261	965	0,72000	296	0,44000	0,77000	1390
Среднее			0,704286		0,508571	0,705714	
ZADON	282	251	0,56000	31	0,48000	0,89000	1400
AFNIK	317	252	0,55000	65	0,43000	0,79000	1472
DOMO	1451	1265	0,75000	186	0,55000	0,87000	1500
CONST	577	485	0,67000	92	0,32000	0,84000	1500
AVV	802	612	0,62000	190	0,45000	0,76000	1672
Среднее			0,63000		0,44600	0,83000	

¹² SUPR – Супрасльская рукопись, ZOGR – Зографское евангелие, PVL – Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку (по сравнению с корпусным ради удобочитаемости изменено обозначение с LAV на PVL), RUSPRAV – Русская правда, RIGA-GOTH – Смоленская торговая правда, USP-SBOR – Успенский сборник, SUZ-LAV – Суздальская летопись (Лаврентьевский список), NOV-SIN – Новгородская первая летопись, SERGRAD – Житие Сергея Радонежского, ZADON – Задонщина, AFNIK – Хождение Афанасия Никитина за три моря, CONST – Повесть о взятии Царьграда турками, DOMO – Домострой, AVV – Житие протопопа Аввакума.

Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода мы обнаруживаем только одну значимую тенденцию из двух, указанных выше: вытеснение в диахронии кратких форм полными в атрибутивном значении. Второе же отличие от современного русского языка – постепенное «перемещение» атрибутивных прилагательных в препозицию **отдельно** по кратким и полным формам – здесь не фиксируется. Однако же можно заметить, что процент препозиции в полных формах по текстам довольно стабильно (т.е. в первую очередь по объемным текстам) выше, чем процент препозиции среди кратких форм, что вкупе с выявленной тенденцией к вытеснению кратких форм полными закономерно ведет к предсказанному увеличению общего процента препозитивных употреблений, т.е. к современному состоянию. Другими словами, здесь мы наблюдаем ситуацию, когда переход к препозитивному употреблению атрибутивных прилагательных является побочным эффектом увеличения доли полных форм, синтаксис которых в части линейного порядка с начала рассматриваемого периода, по-видимому, в целом не менялся. Обратимся к анализу отдельных классов прилагательных (табл. 4).

Таблицы процентных соотношений здесь и далее сформированы следующим образом: для случаев, когда наблюдения отсутствуют, в соответствующей графе ставится отметка «нет данных», что позволяет отличить их от случаев, когда наблюдения есть, но все они принадлежат одному из двух вариантов: все экземпляры класса находятся либо в препозиции, либо в постпозиции. Например, в таблице 4 указано, что в «Задонщине» не обнаружено прилагательных со значением ПОСЕССИВНОСТИ, поэтому стоит отметка «нет данных», а все прилагательные ЦВЕТА и ОЦЕНКИ занимают препозицию к существительному, поэтому стоит отметка 1.0 (100%). Это позволяет не учитывать в итоговом анализе те случаи, когда материала для анализа в памятнике нет: иначе бы мы получали 0% и для случаев, когда материала нет (причем и для препозиции, и для постпозиции), и для случаев, когда материал распределен только в одну из категорий. Промежуточные случаи обозначаются подобным же образом: например, прилагательные материала в «Задонщине» в 62% случаев занимают препозицию.

Как видно из таблицы 4, среди отдельных семантических классов не удается установить какой-либо зависимости процента препозиции в полных формах от **временного промежутка**, разделить классы по характеру протекания этого процесса и установить универсальный порядок расположения классов по доле препозитивного расположения. Проверим наши изначальные предположения по порядку.

Если бы было верно, что существует строгая универсальная синтаксическая иерархия прилагательных, зависящая (только) от семантики, то мы бы ожидали увидеть в каждом рассмотренном тексте растущий

Таблица 3

**Число наблюдений по отдельным семантическим классам
(полные формы в препозиции)**

Текст	МАТЕРИАЛ	ПРОИСХОЖДЕНИЕ	ЦВЕТ	ПОСЕССИВНОСТЬ	РАЗМЕР	ОЦЕНКА	СРОК	Дата
SUPR	36	81	17	62	66	426	20	1050
ZOGR	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	1	Нет данных	1100
RUSPRAV	1	4	Нет данных	1	Нет данных	Нет данных	Нет данных	1030
PVL	6	138	4	14	34	172	16	1116
USP-SBOR	2	22	Нет данных	1	34	158	Нет данных	1229
NOV-SIN	1	50	Нет данных	4	9	238	13	1300
RIGA-GOTH	Нет данных	48	Нет данных	1	Нет данных	7	Нет данных	1300
SUZ-LAV	1	59	5	9	22	136	3	1377
SERGRAD	12	39	1	6	24	140	1	1390
ZADON	8	28	7	Нет данных	27	7	Нет данных	1400
AFNIK	3	42	2	2	30	13	Нет данных	1472
DOMO	47	18	1	10	22	124	18	1500
CONST	4	7	1	9	27	41	1	1500
AVV	11	45	6	16	18	55	4	1672

Таблица 4

Процент прелозиции среди полных форм по отдельным семантическим классам

Текст	МАТЕРИАЛ	ПРОИСХОЖДЕНИЕ	ЦВЕТ	ПОСЕДИВНОСТЬ	РАЗМЕР	ОЦЕНКА	СРОК	Дата
SUPR	0,480000	0,550000	0,710	0,7000	0,800	0,790	0,950000	1050
ZOGR	0,000000	0,000000	Нет данных	0,0000	Нет данных	0,500	Нет данных	1100
Среднее	0,240000	0,275000	0,710	0,3500	0,800	0,645	0,950000	
RUSPRAV	1,000000	0,800000	Нет данных	1,0000	Нет данных	Нет данных	Нет данных	1030
PVL	0,430000	0,390000	0,360	0,5000	0,610	0,840	0,940000	1116
USP-SBOR	0,250000	0,330000	0,000	0,5000	0,790	0,850	Нет данных	1229
NOV-SIN	0,200000	0,340000	0,000	0,3300	0,470	0,960	1,000000	1300
RIGA-GOTH	0,000000	0,860000	Нет данных	1,0000	Нет данных	1,000	Нет данных	1300
SUZ-LAV	0,200000	0,350000	0,450	0,4100	0,810	0,910	0,500000	1377
SERGRAD	0,520000	0,540000	1,000	0,6700	0,730	0,780	0,200000	1390
Среднее	0,371429	0,515714	0,362	0,6300	0,682	0,890	0,660000	
ZADON	0,620000	0,290000	1,000	Нет данных	0,540	1,000	Нет данных	1400
AFNIK	0,380000	0,530000	0,140	0,3300	0,750	0,870	Нет данных	1472
DOMO	0,440000	0,510000	0,170	0,4200	0,880	0,830	0,560000	1500
CONST	0,440000	0,330000	0,500	0,3800	0,520	0,800	1,000000	1500
AVV	0,790000	0,480000	0,670	0,5200	0,580	0,610	0,800000	1672
Среднее	0,534000	0,428000	0,496	0,4125	0,654	0,822	0,786667	

процент препозиции по направлению от «нижних» классов семантической иерархии к «верхним». На рассмотренном материале это действительно часто так и есть, ср., например, столбцы МАТЕРИАЛ и ОЦЕНКА: в предполагаемой иерархии они должны бы находиться в максимальном отдалении, поэтому ожидаемое расхождение должно быть наиболее наглядно. Однако же это верно не для всех пар классов и прослеживается не во всех текстах, поэтому вывода о строгой иерархии предполагаемого, как и любого другого, типа мы сделать не можем.

Если было бы верно, что переход к препозитивному употреблению в диахронии зависит от того, к какому семантическому классу относится прилагательное, то мы бы наблюдали рост процента препозитивных употреблений по направлению к современному состоянию, чего данный материал не демонстрирует.

Однако можно заметить, что разные классы в **среднем** тяготеют к разной доле препозиции, независимо от временного промежутка.

На графиках типа «ящик с усами» (рис. 1–3) показаны центральные значения и пределы варьирования позиционного распределения по отдельным семантическим классам. По вертикальной оси отложены названия столбцов таблиц, данные которых представлены, по горизонтальной – процент соответствующей позиции. То есть каждому семантическому классу соответствует свой график, который строится на основе всего содержимого названного столбца. «Ящик» представляет собой интерквартильный размах и включает в себя 50% наблюдений. Вертикальной чертой внутри «ящика» обозначена медиана. «Усы» ограничивают почти все остальные варианты, отдельными точками обозначены выбросы.

Если мы обратим внимание на медианные значения, то увидим, что они выстраиваются в предсказанную в рамках картографического подхода цепочку (рис. 1).

Как видно на рис. 1, медианный процент препозиции увеличивается по направлению к «верхним» классам названной иерархии. Значимое различие по объединенному исследованному корпусу между выделенными классами (точный критерий Фишера, $p\text{-value} < 0,05$) обнаружено для пар: ОЦЕНКА–РАЗМЕР, ОЦЕНКА–ПОСЕССИВНЫЕ, ОЦЕНКА–ЦВЕТ, ОЦЕНКА–ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ОЦЕНКА–МАТЕРИАЛ; СРОК–ЦВЕТ, СРОК–ПОСЕССИВНЫЕ, СРОК–ПРОИСХОЖДЕНИЕ, СРОК–МАТЕРИАЛ; ПОСЕССИВНЫЕ–ПРОИСХОЖДЕНИЕ, – что позволяет говорить достоверно о порядке среди полных форм прилагательных¹³:

¹³ Классы, перечисленные вертикально, оказалось невозможно достоверно разделить статистически, однако ясно их положение относительно тех, что показаны после знака > или <. Классы, указанные в квадратных скобках, занимают положение в обозначенном ими интервале, а также ясно их положение относительно тех, что показаны после знака > или <.

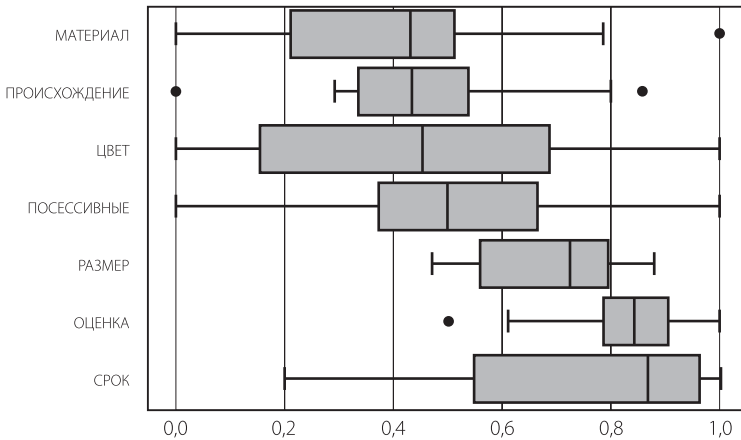
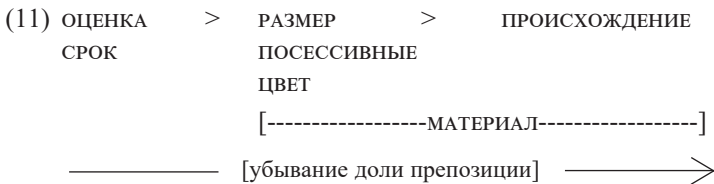

Рис. 1. Средняя доля препозиции в полных формах по отдельным семантическим классам

При этом, если мы интерпретируем *p-value* как непрерывную величину, то можем отметить, что *p-value* тем меньше, чем более «далекие» классы мы сравниваем.

Таким же способом были получены и интерпретированы результаты для всех извлеченных прилагательных, без разделения на полные и краткие формы (рис. 2), а также для кратких прилагательных (рис. 3).

В таблице 5 представлено количество наблюдений совокупно кратких и полных форм прилагательных каждого названного класса в препозиции.

В таблице 6 показан процент препозиции прилагательных каждого названного класса из совокупности единиц в краткой и полной форме.

На рисунке 2 показана средняя доля препозиции среди полных и кратких прилагательных по отдельным семантическим классам в виде графика, построенного на основании таблицы 6.

Таблица 5

**Число наблюдений по отдельным семантическим классам
(полные + краткие формы в препозиции)**

Текст	МАТЕРИАЛ	ПРОИСХОЖДЕНИЕ	ЦВЕТ	ПОСЕССИВНОСТЬ	РАЗМЕР	ОЦЕНКА	СРОК	Дата
SUPR	43	120	30	196	113	471	23	1050
ZOGR	0	0	0	1	0	1	0	1100
RUSPRAV	3	5	0	12	1	0	0	1030
PVL	10	165	7	93	66	180	17	1116
USP-SBOR	4	26	1	32	52	165	0	1229
NOV-SIN	1	56	3	61	19	241	13	1300
RIGA-GOTH	0	48	0	4	0	7	0	1300
SUZ-LAV	1	60	6	59	32	139	3	1377
SERGRAD	12	39	2	24	40	159	1	1390
ZADON	9	28	7	5	27	7	0	1400
AFNIK	3	42	2	14	40	14	0	1472
DOMO	49	18	1	28	25	138	19	1500
CONST	4	8	1	17	28	41	1	1500
AVV	11	46	6	64	29	56	4	1672

Таблица 6

Процент препозиции среди полных + кратких форм по отдельным семантическим классам

Текст	МАТЕРИАЛ	ПРОИСХОЖДЕНИЕ	ЦВЕТ	ПОСЕССИВНОСТЬ	РАЗМЕР	ОЦЕНКА	СРОК	Дата
SUPR	0,413462	0,506329	0,600000	0,381323	0,6384180	0,734789	0,8846150	1050
ZOGR	0,000000	0,000000	Нет данных	0,083333	Нет данных	0,500000	Нет данных	1100
Среднее	0,206731	0,253165	0,600000	0,232328	0,6384180	0,617395	0,8846150	
RUSPRAV	1,000000	0,833333	0,000000	0,631579	0,3333330	Нет данных	Нет данных	1030
PVL	0,243902	0,393795	0,411765	0,237245	0,4230770	0,786026	0,7083330	1116
USP-SBOR	0,250000	0,346667	0,200000	0,359551	0,6046510	0,841837	Нет данных	1229
NOV-SIN	0,027778	0,36129	0,600000	0,438849	0,4130430	0,948819	0,7647060	1300
RIGA-GOTH	0,000000	0,857143	Нет данных	1,000000	Нет данных	1,000000	Нет данных	1300
SUZ-LAV	0,083333	0,348837	0,500000	0,393333	0,6400000	0,885350	0,5000000	1377
SERGRAD	0,480000	0,534247	0,666667	0,279070	0,6896550	0,732719	0,1666670	1390
Среднее	0,297859	0,525045	0,3964053	0,477090	0,5172932	0,865792	0,5349265	
ZADON	0,642857	0,282828	0,875000	0,500000	0,5192310	1,000000	Нет данных	1400
AFNIK	0,250000	0,518519	0,111111	0,411765	0,6666670	0,875000	Нет данных	1472
DOMO	0,422414	0,514286	0,166667	0,373333	0,7142860	0,793103	0,5588240	1500
CONST	0,363636	0,347826	0,250000	0,386364	0,4057970	0,694915	1,0000000	1500
AVV	0,647059	0,474227	0,461538	0,453901	0,5272730	0,577320	0,8000000	1672
Среднее	0,465193	0,427537	0,3728632	0,425073	0,5666508	0,788068	0,7862747	

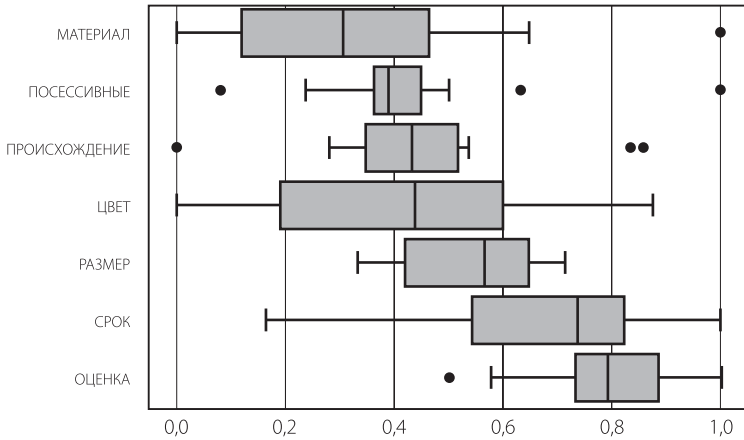

Рис. 2. Средняя доля препозиции среди полных и кратких прилагательных по отдельным семантическим классам

Значимое различие по объединенному исследованному корпусу между выделенными классами (точный критерий Фишера, $p\text{-value} < 0,05$) обнаружено для пар: ОЦЕНКА–СРОК, ОЦЕНКА–РАЗМЕР, ОЦЕНКА–ПОСЕССИВНЫЕ, ОЦЕНКА–ЦВЕТ, ОЦЕНКА–ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ОЦЕНКА–МАТЕРИАЛ; СРОК–РАЗМЕР, СРОК–ЦВЕТ, СРОК–ПОСЕССИВНЫЕ, СРОК–ПРОИСХОЖДЕНИЕ, СРОК–МАТЕРИАЛ; ПОСЕССИВНЫЕ–ЦВЕТ, ПОСЕССИВНЫЕ–ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ЦВЕТ–МАТЕРИАЛ, ПРОИСХОЖДЕНИЕ–МАТЕРИАЛ, – что позволяет достоверно говорить о порядке в целом для препозитивно расположенных (кратких + полных) прилагательных:

(12) ОЦЕНКА > СРОК > РАЗМЕР > ПРОИСХОЖДЕНИЕ > МАТЕРИАЛ
 ЦВЕТ
 ПОСЕССИВНЫЕ

————— [убывание доли препозиции] —————>

В таблице 7 показано количество наблюдений кратких форм прилагательных каждого названного класса в постпозиции, а в таблице 8 – процент постпозиции прилагательных каждого названного класса в краткой форме.

На рисунке 3 показана средняя доля постпозиции среди полных и кратких прилагательных по отдельным семантическим классам в виде графика, построенного на основании таблицы 8.

Таблица 7

**Число наблюдений по отдельным семантическим классам
(краткие формы в постпозиции)**

Текст	МАТЕРИАЛ	ПРОИСХОЖДЕНИЕ	ЦВЕТ	ПОСЕССИВНОСТЬ	РАЗМЕР	ОЦЕНКА	СРОК	Дата
SUPR	29	90	26	426	95	99	5	1050
ZOGR	0	0	0	11	0	0	0	1100
RUSPRAV	2	1	1	18	3	0	0	1030
PVL	27	64	6	364	100	25	7	1116
USP-SBOR	8	8	4	87	43	11	0	1229
NOV-SIN	31	9	3	127	27	7	4	1300
RIGA-GOTH	0	0	0	3	0	0	0	1300
SUZ-LAV	7	3	1	128	23	7	0	1377
SERGRAD	2	1	2	77	25	38	1	1390
ZADON	1	4	1	10	2	0	0	1400
AFNIK	4	1	4	28	20	1	0	1472
DOMO	8	0	0	51	10	24	2	1500
CONST	2	2	2	20	17	8	0	1500
AVV	3	3	4	110	24	7	0	1672

Таблица 8

Процент постпозиции среди кратких форм по отдельным семантическим классам

Текст	МАТЕРИАЛ	ПРОИСХОЖДЕНИЕ	ЦВЕТ	ПОСЕССИВНОСТЬ	РАЗМЕР	ОЦЕНКА	СРОК	Дата
SUPR	0,758621	0,566667	0,500000	0,685446	0,505263	0,545455	0,400000	1050
ZOGR	Нет данных	Нет данных	Нет данных	0,909091	Нет данных	Нет данных	Нет данных	1100
Среднее	0,758621	0,566667	0,500000	0,797269	0,505263	0,545455	0,400000	
RUSPRAV	0,000000	0,000000	1,000000	0,388889	0,666667	Нет данных	Нет данных	1030
PVL	0,851852	0,578125	0,500000	0,782967	0,680000	0,680000	0,857143	1116
USP-SBOR	0,750000	0,500000	0,750000	0,643678	0,581395	0,363636	Нет данных	1229
NOV-SIN	1,000000	0,333333	0,000000	0,551181	0,629630	0,571429	1,000000	1300
RIGA-GOTH	Нет данных	Нет данных	Нет данных	0,000000	Нет данных	Нет данных	Нет данных	1300
SUZ-LAV	1,000000	0,666667	0,000000	0,609375	0,565217	0,571429	Нет данных	1377
SERGRAD	1,000000	1,000000	0,500000	0,766234	0,360000	0,500000	1,000000	1390
Среднее	0,766975	0,513021	0,458333	0,534618	0,580485	0,537299	0,952381	
ZADON	0,000000	1,000000	1,000000	0,500000	1,000000	Нет данных	Нет данных	1400
AFNIK	1,000000	1,000000	1,000000	0,571429	0,500000	0,000000	Нет данных	1472
DOMO	0,750000	Нет данных	Нет данных	0,647059	0,700000	0,416667	0,500000	1500
CONST	1,000000	0,500000	1,000000	0,600000	0,941176	1,000000	Нет данных	1500
AVV	1,000000	0,666667	1,000000	0,563636	0,541667	0,857143	Нет данных	1672
Среднее	0,750000	0,791667	1,000000	0,576425	0,736569	0,568453	0,500000	

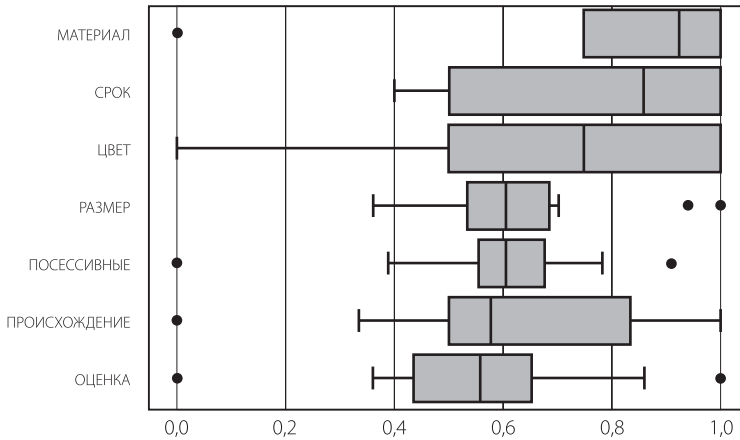

Рис. 3. Средняя доля постпозиции среди кратких прилагательных по отдельным семантическим классам

Значимое различие по объединенному исследованному корпусу между выделенными классами (точный критерий Фишера, $p\text{-value} < 0,05$) обнаружено для пар: ОЦЕНКА–ПОСЕССИВНЫЕ, ОЦЕНКА–МАТЕРИАЛ; ПОСЕССИВНЫЕ–ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ПОСЕССИВНЫЕ–МАТЕРИАЛ, ЦВЕТ–МАТЕРИАЛ, ПРОИСХОЖДЕНИЕ–МАТЕРИАЛ, – что позволяет достоверно говорить о порядке среди кратких форм:

(13) ОЦЕНКА > ПОСЕССИВНЫЕ > ПРОИСХОЖДЕНИЕ > МАТЕРИАЛ

[-----ЦВЕТ-----]

————— [убывание доли препозиции] —————>

3.3. Обсуждение

Таким образом, в рассмотренном материале обнаружены признаки упорядоченности семантических классов, которая здесь проявляется по шкале тяготения к пре- или постпозиции и, по-видимому, не является объектом языковых изменений. Говоря иначе, взаимное отношение семантических классов (иерархия) имеет тенденцию сохраняться вне зависимости от эволюции проанализированных смежных грамматических категорий: т.е. «верхние» классы больше тяготеют к распределению «левее» от существительного-вершины независимо от того, полная перед нами форма или краткая, и того, к какому периоду она относится.

Выделенные закономерности в целом совпадают с выявленными на материале разных языков и представленными Скоттом и Чинкве. При этом класс посессивных прилагательных занимает положение, аналогичное выделенному в работе [Голдова, Муханова, 2017] для современного русского, где оно объяснено со ссылкой на [Лютюкова, 2012] как характерное для безартиклевых языков. Полученные в настоящем исследовании результаты не противоречат такому взгляду, поскольку все три исследованные языковые разновидности (старославянский, древнерусский, старорусский) действительно являются безартиклевыми.

Исторический материал, как кажется, может предложить новый взгляд на эту особенность рассмотренной группы безартиклевых языков. Поскольку посессивные прилагательные (главным образом, в переводных церковно-книжных текстах) могут рассматриваться как калькированные с греческого¹⁴ и одновременно с этим мы видим их в современном русском языке в похожей позиции, возможно, было бы целесообразным проверить с привлечением более разнообразного древнего и типологического материала, не является ли эта черта отражением греческого (через церковнославянский) влияния¹⁵.

Однако отсутствие четких закономерностей в отдельно взятых текстах не позволяет говорить об иерархии как о хорошо предсказуемом грамматическом феномене. Следовательно, синтаксическая функция атрибутивных прилагательных вряд ли связана с иерархией функциональных проекций. Более корректно было бы говорить об адьюнкции отдельных семантических классов прилагательных. Тем не менее, такое утверждение не является окончательным, т.к. возможен его пересмотр, если дальнейшие исследования, использующие более обширный корпус для отдельных исторических периодов (жанров, диалектов), будут способны уточнить полученные здесь результаты.

¹⁴ Авторы выражают благодарность анонимному рецензенту, обратившему внимание на эту особенность: «[Греческое] влияние имеет место, особенно в части посессивных прилагательных и прилагательных, обозначающих место происхождения. В греческом таких прилагательных почти не было, а несогласованные атрибуты в родительном падеже, выражающие эти значения, неизбежно помещались в постпозиции, которая калькировалась в славянских переводах и воспроизводилась в оригинальных текстах (*сын божий/человеческий, град Давидов, Иуда Искариотский* и т.п.)».

Вместе с тем, удалять такие тексты из выборки кажется нецелесообразным: если бы они (3 из 14) и сильно выбивались по показателям, то в итоговой диаграмме мы бы все равно увидели именно искомые тенденции; заданные методикой возможности варьирования процента в отдельных текстах, если и оказывают влияние на итоговый результат, то кардинально значимым его считать трудно.

¹⁵ Такая проверка затруднена на рассматриваемом материале ввиду присутствия положительных посессивных прилагательных в некинижных текстах, однако, как кажется, может оказаться продуктивной при анализе безартиклевых языков, не затронутых христианской (или другой похожей структурно) языковой традицией.

Также интересным вопросом остается природа выявленного преобладания препозиции полных форм над препозицией кратких. Показано, что здесь не играет роли семантический класс прилагательного и то, к какому временному промежутку оно относится. Вопрос о причинах этого явления, однако, выходит за рамки данной статьи.

Предложенная здесь методика анализа синтаксических свойств различных семантически элементов одной категории может быть использована при исследовании языков с линейным порядком элементов типа ANA, особенно в условиях небольшого доступного объема эмпирического материала.

4. Заключение

В настоящей статье был проанализирован порядок атрибутивных прилагательных в истории русского языка. Мы рассмотрели вопрос о статусе прилагательного в структуре именной группы в современном русском языке, а также на протяжении рассмотренного исторического периода XI–XVII вв.

Хотя определенные черты семантической иерархии и в первом, и во втором случае наблюдать можно, отсутствие должной степени регулярности не позволяет отвергнуть гипотезу об относительно свободном (адьюнктивном) расположении прилагательных. По всей видимости, прилагательное в именной группе ведет себя подобно наречию в клаузе, которое, в свою очередь, может относительно свободно перемещаться в пределах некоторой области: (*Вчера*) *Маша* (*вчера*) *пекла* (*вчера*) *пирогов* (*вчера*). Эта «свобода» условна, на нее оказывают влияние в том числе актуальное членение, сфера действия прилагательных друг относительно друга и/или другие коммуникативные факторы. Тем не менее, правила взаимного расположения прилагательных явно менее строгие, чем некоторых других элементов, связанных с именными функциональными проекциями, ср.: **две все книги*, **третьи эти классы*.

Также выявлено количественное неравенство кратких и полных форм прилагательных на протяжении рассмотренного исторического периода. Показано, что синтаксис двух этих типов единиц не претерпел существенных изменений в промежутке между XI и XVII вв. Полные формы, хотя и являются, по-видимому, адьюнктами, однако же сохраняют устойчиво большее предпочтение препозиции к существительному по сравнению с краткими формами. Увеличение доли препозитивно употребленных атрибутивных прилагательных в ходе исторического развития идет за счет вытеснения кратких форм полными в атрибутивной позиции и является его прямым следствием.

Библиографический список / References

Борковский, Кузнецов, 1963 – Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963. [Borkovskii V.I., Kuznetsov P.S. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka [Historical grammar of Russian]. Moscow, 1963.]

Евстифеева, 2008 – Евстифеева Р.А. Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях Новгородской I летописи // Русский язык в научном освещении. 2008. № 1. С. 161–204. [Evstifeeva R.A. Word order in the attributive phrases of Novgorod I chronicle. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2008. No. 1. Pp. 161–204.]

Лаптева, 1963 – Лаптева О.А. Расположение одиночного качественного прилагательного в составе атрибутивного словосочетания в русских текстах XI–XIV вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1963. [Lapteva O.A. Raspolozhenie odinochnogo kachestvennogo prilagatel'nogo v sostave atributivnogo slovosochetaniya v russkikh tekstakh XI–XIV vv. [The position of a single adjective in the attributive phrases in Russian texts of XI–XIV cc.]. PhD thesis. Moscow, 1963.]

Лютикова, 2012 – Лютикова Е.А. О двух типах инверсии в русской именной группе // Русский язык в научном освещении. 2012. Т. 2. С. 65–106. [Lyutikova E.A. On two types of inversion in Russian noun phrase. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2012. Vol. 2. Pp. 65–106.]

Лютикова, 2017 – Лютикова Е.А. Синтаксис именной группы в безартикульном языке: Дис. ... д-ра филол. наук. МГУ, 2017. [Lyutikova E.A. Sintaksis imennoy gruppy v bezartiklevom yazyke [Syntax of a noun phrase in the articleless language]. Diss. Dr. Phil. Hab. MSU, 2017.]

Минлос, 2008 – Минлос Ф.Р. Позиция атрибута внутри именной группы в языке Псковской летописи // Русский язык в научном освещении. 2008. № 1. С. 203–217. [Minlos F.R. The position of the attribute in the noun phrase in the language of the Pskov chronicle. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2008. No. 1. Pp. 203–217.]

Минлос, 2010 – Минлос Ф.Р. Линейное положение прилагательных в древнерусском: возвращаясь к статье Д. Ворты // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2. С. 287–296. [Minlos F.R. Linear ordering of adjectives in Old Russian: Back to the paper of D. Worth. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2010. No. 2. Pp. 287–296.]

Минлос, 2011 – Минлос Ф.Р. *Князь великий* или *великий князь*: параметры варьирования // Слова. Концепты. Мифы. К 60-летию Ф.И. Журавлёва. М., 2011. С. 209–217. [Minlos F.R. *Prince great* or *great prince*: parameters of variation. *Slova. Kontsepty. Mify. K 60-letiyu F.I. Zhuravleva*. Moscow, 2011. Pp. 209–217.]

Минлос, 2012 – Минлос Ф.Р. Позиция притяжательного местоимения и языковые регистры древнерусских текстов // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 15. М., 2012. С. 234–246. [Minlos F.R. The position of possessive pronoun and the language registers of Old Russian texts. *Issledovaniya po slavyanskoj dialektologii*. Vol. 15. Moscow, 2012. Pp. 234–246.]

Толдова, Муханова, 2017 – Толдова С.Ю., Муханова Р.В. Порядок следования прилагательных разных семантических классов в русском языке в свете корпусных данных // Computational Linguistics and Intellectual Technologies. International Conference “Dialogue 2017” Proceedings 2017. М., 2017. Pp. 429–441.

[Toldova S.Yu., Mukhanova R.V. The order of Russian adjectives of different semantic types in the light of corpus data. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. International Conference "Dialogue 2017" Proceedings 2017*. Moscow, 2017. Pp. 429–441.]

Улитова, 2016 – Улитова А.С. Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях в памятниках русской деловой и книжной письменности XVII века: Дис. ... канд. филол. наук. МГУ, 2016. [Ulitova A.S. Poryadok slov v atributivnykh slovosochetaniyakh v pamyatnikakh russkoy delovoy i knizhnoy pis'mennosti XVII veka [The word order in the attributive phrases in the documents of Russian business and literary writing of XVII c.] PhD diss. MSU, 2016.]

Уржумова, 2013 – Уржумова А.А. Особенности употребления членных и нечленных имен с суффиксом *-ьн* в древнерусском языке (на материале летописных и евангельских текстов) // Известия высших учебных заведений. Поволжский филиал. Серия «Филология». 2013. № 1 (25). С. 101–111. [Urzhumova A.A. Peculiarities of the use of long and short forms of nominals with the suffix *-ьн* in the Old Russian language (on the data of the chronicle and gospel texts). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii filial. Seriya «Filologiya»*. 2013. No. 1 (25). Pp. 101–111.]

Cinque, 1993 – Cinque G. On the evidence for partial N-movement in the Romance DP. *Venice Working Papers in Linguistics*. 1993. № 3(2). Pp. 21–40.

Cinque, 2004 – Cinque G. 'Restructuring' and Functional Structure. *Structures and Beyond*. A. Belletti (ed.). New York, 2004. Pp. 132–191.

Cinque, 2010 – Cinque G. The syntax of adjectives. A comparative study. Cambridge, MA, 2010.

Dixon, 1977 – Dixon R.M.W. Where have all the adjectives gone? *Studies in language*. 1977. Vol. Pp. 19–80.

Eckhoff, Berdicevskis, 2015 – Eckhoff H.M., Berdicevskis A. Linguistics vs digital editions: The Tromsø Old Russian and OCS Treebank. *Scripta & e-Scripta*. 2015. № 14–15. Pp. 9–25.

Hawkins, 1990 – Hawkins J.A. A parsing theory of word order universals. *Linguistic Inquiry*. 1990. № 21. Pp. 223–261.

Hawkins, 1994 – Hawkins J.A. A performance theory of order and constituency. Cambridge, 1994.

Laenzlinger, 2000 – Laenzlinger C. 2000. French adjective ordering: Perspectives on DP-internal movement types. *Generative Grammar in Geneva*. 2000. № 1. Pp. 55–104.

Laenzlinger, 2005 – Laenzlinger C. French adjective ordering: Perspectives on DP-internal movement types. *Lingua*. 2005. Vol. 115. Pp. 645–689.

Longobardi, 1994 – Longobardi G. Reference and Proper Names: A Theory of N-Movement in Syntax and Logical Form. *Linguistic Inquiry*. 1994. Vol. 25. No. 4. Pp. 609–665.

Pereltsvaig, 2007 – Pereltsvaig A. The universality of DP: A view from Russian. *Studia Linguistica*. 2007. № 61(1). Pp. 59–94.

Pysz, 2008 – Pysz A. On the placement of prenominal adjectives with complements: Evidence from Old English. *Elements of Slavic and Germanic grammars: A comparative view*. J. Witkos, G. Fanselow (eds.). Peter Lang Publishing Group, 2008. Pp. 147–177.

Scott, 2002 – Scott G.-J. Stacked adjectival modification and the structure of nominal phrases. *Functional Structure in DP and IP. The Cartography of Syntactic Structures*. Vol. 1. G. Cinque (ed.). Oxford, 2002. Pp. 91–120.

Valois, 2011 – Valois D. Adjective order within DP. Ms. University of Montreal, 2011.

Worth, 1985 – Worth D. Animacy and adjective order: The case of *новъгородскъ*. An explanatory microanalysis. *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 1985. № 31/32. Pp. 533–554.

Статья поступила в редакцию 28.08.2018

The article was received on 28.08.2018

Гращенко Павел Валерьевич – доктор филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник отдела языков Азии и Африки, Институт Востоковедения РАН

Grashchenkov Pavel V. – Dr. Phil. Hab.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; senior researcher at the Department of Asian and African Languages, Institute of Oriental Studies of RAS

E-mail: pavel.gra@gmail.com

Курьянова Ольга Владимировна – аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Kurianova Olga V. – graduate student at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University

E-mail: olga.kurianova@yandex.ru

М.О. Черемисинова^{*}, Ю.А. Ландер^{*,}**

^{*} Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
105066, Москва, Россия

^{**} Институт востоковедения РАН,
107031 г. Москва, Российская Федерация

‘Другой’: типологические наблюдения¹

В работе на материале случайной выборки из 87 языков исследуются особенности выражений со значением ‘другой’, которые противопоставляют их обозначениям качеств. Рассматриваемые особые черты этих выражений включают периферийную позицию в именной группе, расположение перед именем в языках с правым ветвлением, несочетаемость с детерминаторами и дополнительные возможности при выражении множественного числа. Эти черты сближают выражения со значением ‘другой’ (по крайней мере, в некоторых прочтениях) с детерминаторами.

Ключевые слова: детерминаторы, прилагательные, порядок слов, категория числа.

¹ Исследования, проводившиеся Ю.А. Ландером, поддержаны грантом № 17-18-01184 Российского научного фонда, руководитель В.И. Подлеская, Российский государственный гуманитарный университет.

DOI: 10.31862/2500-2953-2018-4-109-124

M. Cheremisinova^{*}, Yu. Lander^{*,}**

^{*} National Research University Higher School of Economics,
Moscow, 105066, Russian Federation

^{**} Institute of Oriental Studies, RAS,
Moscow, 107031, Russian Federation

'Other': typological observations²

The paper presents a cross-linguistic investigation into specific characteristics of the expressions translated as 'other'. We discuss the appearance of 'other' expressions at a periphery of nominal phrases or before nouns in right-branching languages, their occasional incompatibility with determiners and certain peculiarities in the expression of number. The features discussed suggest that 'other' expressions are in many respects similar to determiners, even though they should not necessarily be treated as such.

Key words: determiners, adjectives, word order, number.

1. Введение

Выражения, переводимые как 'другой' (далее ДРУГОЙ – малыми прописными буквами), в грамматических и типологических описаниях нередко включаются в класс прилагательных (см., например, [Dixon, 2004, p. 5]). Однако их семантика отличается от типичных наименований качеств (property words). Интерпретация ДРУГОЙ предполагает противопоставление объектов или классов объектов, которые описываются именными группами, содержащими эти выражения, и некоторых контекстно заданных элементов (ср. толкования слов *другой*, *иной* как 'не этот или не такой' в [Богуславская, 2003]). Другими словами, их интерпретация не фиксирована и варьирует в зависимости от контекста [Богуславская, Муравьева, 1987; Cinque, 2015]. Это ставит вопрос, насколько правильно по умолчанию причислять такие выражения к классу слов, ядро которого образуют обозначения качеств.

² Yury Lander's research on the topic of the paper was supported by the grant from Russian Scientific Foundation – the project No. 17-18-01184, with Vera Podlesskaya (Russian State University for Humanities) as the principal investigator.

Ниже, не пытаясь дать однозначный ответ о грамматическом статусе выражений *другой*, мы укажем на некоторые их особые свойства, наблюдаемые в тех или иных языках. Как будет показано, эти особенности нередко противопоставляют *другой* обозначениям качества и уподобляют его детерминаторам – артиклям, (некоторым) кванторным словам, определенным местоимениям и т.д.

Заметим, что в этой работе мы не принимаем исходных допущений об универсальном устройстве именных выражений. Мы не ставим задачи приписать выражениям *другой* фиксированные позиции в именных группах или объединить их с другими элементами на строгих основаниях, а употребление нами многих терминов следует понимать без импликаций о синтаксической структуре выражений с *другой*. Мы условно считаем имя (при его наличии) в именных выражениях вершиной (и соответственно, говорим об именных группах), а прочие компоненты традиционно понимаемых именных групп – модификаторами. Кроме того, мы говорим о прилагательных, имея в виду обозначения качеств (как это принято в типологической практике; ср., например, [Druyer, 2013; Rießler, 2016, p. 6]) и не претендуя на решения относительно синтаксической природы соответствующих выражений.

В разд. 2 кратко описываются данные, на которых основывается исследование. В разд. 3 рассмотрены неординарные грамматические свойства *другой*, а в разд. 4 эти свойства обсуждаются в связи со сходством *другой* и детерминаторов. Разд. 5 подводит итоги наблюдений и ставит новые вопросы.

2. Данные

Материал, который используется в настоящей работе, почерпнут преимущественно из грамматических и словарных описаний. Источники, как правило, не дают точного представления о семантике рассматриваемых выражений, поэтому при подборе выражений мы опирались исключительно на перевод ‘*другой*’, ‘*other*’ или их эквивалент в соответствующем языке описания. Разумеется, такой подход является огрублением: выражения *другой* могут значительно различаться в использовании как в разных языках, так и в одном языке, где таких выражений иногда обнаруживается несколько. Соответственно, нельзя исключать, что порою мы описываем лишь часть релевантного материала – те выражения *другой*, которые обнаруживают необычные свойства, исключая из внимания «более прилагательные» выражения. Кроме того, мы в значительной мере абстрагируемся от многих дополнительных и, несомненно, существенных для нашей темы противопоставлений типа тех, что обнаруживаются в русском языке при детальном исследовании

лексем *другой, иной, прочий, оставшийся* и т.д. Детали лексической семантики, проявляющиеся в таких противопоставлениях, несомненно, имеют отношения к нашей теме, но при исследовании, основывающемся на вторичных источниках, гарантировать учет подобных семантических контрастов невозможно. В результате мы не способны ни выделить какой-либо релевантный сравнительный концепт (в смысле [Haspelmath, 2010]), ни строго утверждать, что рассматриваемые нами явления образуют четко выделяемый класс. Тем не менее на этапе исходного наблюдения мы считаем сам факт одинакового или близкого перевода свидетельством близости явлений и основанием для того, чтобы посмотреть на них вместе – пусть и издалека.

Наблюдения, предлагаемые ниже, основываются на выборке, включающей 87 языков, для которых выражения *другой* были в какой-то мере описаны. Используемая нами выборка является случайной, фактически основанной на представленности данных об исследуемых выражениях, и не претендует на генетическую или ареальную сбалансированность. В табл. 1 даны ареалы и языковые семьи (преимущественно в соответствии с glottolog.org), представленные в нашей выборке.

Таблица 1

Ареалы и языковые семьи, представленные в выборке

Ареал	Языковые семьи
Евразия	Австроазиатская, баскская, дравидийская, индоевропейская, картвельская, корейская, нахско-дагестанская, сино-тибетская, тюркская, уральская, чукотско-камчатская
Северная Америка, Мезоамерика	Алгская, вакашская, кочими-юманская, михе-сокская, мускогейская, ото-мангвейская, сиу, тотонакская, чибчанская, эскимосско-алеутская, юто-ацтекская
Южная Америка	Аравакская, араванская, карибская, кечуа, макро-же, намбикварская, пано-такананская, саливанская, туканская, тупи, хиварская, чапакурская
Африка	Атлантическо-конголезская, афразийская, нилотская, сонгайская, та-не-омотская, центральносуданская
Австралия	Кунвинькуская, мангарайская, миндийская, нюлнюлская, пама-нюнга, пунупская, танкийская, янгманская
Океания	Австронезийская, восточнопапуасская, нду, погранично-папуасская, северохальмахерская, скоу, тимор-алоро-пантарская, торричелли, трансновогвинейская, южнобугенвильская

В части языков выборки (особенно в Австралии) обнаружались сильно грамматикализованные – клитические и аффиксальные – выражения другой, как в (1):

вальбири (пама-ньюнга; Австралия)

(1) ya-ninja-rla,	yankirri-jarra-kari+jj-pala
идти-INF-SEQ ³	эму-DU-другой-ABS+EUPH-3DU
warungka-warungka+lku	wanti-ja marna-ngka
в.изумлении-ABS+THEN	упасть-PAST трава-LOC
- ‘Удаляясь, два других эму в изумлении упали прямо перед травой.’ [Simpson, 1983, p. 416]

Другие примеры такого рода включают *-gak*, *ku-* в сьерра-пополукском (михе-сокские > михе; Северная Америка [De Jong, Boudreault, 2009, p. 138, 144]), *ʔa-* в уэуэтанском тепеуа (тотонакские > тепеуа; Северная Америка [Kung, 2007, p. 529]), *-bi* в йитинь (пама-ньюнга; Австралия [Dixon, 1977, p. 96]), *-kari* в вальбири (пама-ньюнга; Австралия [Simpson, 1983, p. 9]), *-gari* в языке ватаман (янгманские; Австралия [Merlan, 1994, p. 97]), *-jarra/-yarra* в вампая (миндийские; Австралия [Nordlinger, 1998, p. 102]), *yawoih-* в бининь гун-уок (кунвинькусские; Австралия [Evans, 2003, p. 509]), *-yarrath* в каярдилд (танкийские; Австралия [Round, 2009, p. 181]). Сам факт возможной грамматикализации значений другой, конечно, уже заставляет задуматься об их исключительности. Однако поскольку аффиксы и клитики заведомо противопоставлены знаменательным выражениям (в том числе адъективным), далее такие выражения не рассматриваются.

3. Особые свойства другой

3.1 Периферийная позиция в именной группе

Выражения другой регулярно отличаются от прилагательных тем, что они находятся на периферии именной группы либо ближе к ее периферии (в сравнении с прилагательными). Так, в армянском языке (индоевропейские > армянские; Евразия) *tuus* ‘другой’ относится к элементам, которые занимают позицию до выражений количества (2). Как

³ Сокращения: ABS – абсолютив, ACC – аккузатив, ADD – аддитив, ATT – аттенуатив, CONTR – контрастивность, COP – связка, DEF – определенность, DIM – диминутив, DIST – дистантное указательное местоимение, DU – двойственное число, FUT – будущее время, EUPH – фонологический расширитель, INE – инэссив, INF – инфинитив, INTENS – интенсив, LOC – локативный маркер, NEG – отрицание, NMLZ – номинализатор, NOM – номинатив, NPST – непрошедшее время, PAST – прошедшее время, PL – множественное число, POSS – поссесив, PRS – настоящее время, SEQ – секвентив, SG – единственное число, VZ – вербализатор.

показано в (3), в этом *tuus* объединяется с указательными местоимениями, но не с прилагательными, которые обычно следуют за числительными и кванторными словами:

армянский (индоевропейские > армянские; Евразия)

(2) *im tuus erek^c grk^cer-ð*
 мой другой три книги-DEF
 ‘три мои другие книги’ [Dum-Tragut, 2002, p. 71]

(3) *ays erek’ anç’ap’ahas erexa-ner-n*
 этот три несовершеннолетний ребенок.PL.NOM-DEF
 ‘эти три несовершеннолетних ребенка’ [Dum-Tragut, 2009, p. 599]

К языкам с препозитивными определениями, в которых позиция выражения другой относительно количественных числительных, по крайней мере, иногда отличается от имен прилагательных и при этом другой оказывается дальше от вершины именной группы, также относятся, например, английский (ср. *another three articles* / **two another articles* ‘две другие статьи’ vs **boring two articles* / *two boring articles* ‘две скучные статьи’), баскский (баскские; Евразия [Hualde, Ortiz de Urbina, 2003, p. 140]), итальянский [Cinque, 2015]. Для языков с постпозитивными числительными аналогичные данные у нас отсутствуют.

3.2. Препозиция при правом ветвлении

В языке с правым ветвлением – с постпозитивным расположением определений другой может находиться слева от вершины именной группы. В языке вампис (хиварские; Южная Америка) прилагательные обычно располагаются в постпозиции к определяемому имени (4), а слово другой – в препозиции (5). Препозиция в именной группе в вампис также характерна для порядковых числительных, указательных местоимений и определенного артикля.

вампис (хиварские; Южная Америка)

(4) *[ut]i fikapit[i-t]i=na su-sa-ara-u*
 ребенок маленький-DIM=ACC дать-ATT-PL-NMLZ
 ‘Они дали [ему] маленького ребенка.’ [Peña, 2015, p. 435]

(5) *tikit[i] numi pinkira a-tinu=na*
 другой дерево хороший COP-FUT.NMLZ=ACC
araka-ma-ka-mia-ji
 посадить-VBZ-INTENS-DIST.P-3.SBJ+DECL
 ‘Она посадила другие деревья, которые будут хорошими.’
 [Там же, p. 353]

К другим языкам с правым ветвлением, в котором выражение другой стоит слева от вершины, относятся баскский (*beste/bertze*; баскские; Евразия [Hualde, Ortiz de Urbina, 2003, p. 138]), испанский (*otro, demás*; индоевропейские > романские; Евразия [Rodríguez, 2011]), кавиненья (*peya*; пано-такананские; Южная Америка [Guillaume, 2008, p. 70, 74]), апуринан (*hātu/hāto*; аравакские; Южная Америка [Facundes, 2000, p. 360]), такиватан бунун (*duma*; австронезийские > бунун; Океания [De Busser, 2009, p. 475]) и имонда (*magna*; погранично-папуасская; Океания [Seiler, 1985, p. 62]). Также встречаются языки, в которых прилагательные обычно стоят после существительного, а другой может стоять как перед, так и после него: *kəbə* в языке гало (сино-тибетские > макро-тани; Евразия [Post, 2007, p. 402]), слова *tugō* и *tag* в языке имонда (погранично-папуасская; Океания [Seiler, 1985, p. 62]). В нашей выборке отсутствуют языки, в которых прилагательные стоят перед существительным, а другой после.

3.3. Несочетаемость с детерминаторами

В некоторых языках другой не сочетается с артиклями, указательными местоимениями и/или кванторными словами. Так, в испанском языке (индоевропейские > романские; Евразия) *demás* ‘другой’ не является в одной именной группе с указательными и неопределенными местоимениями, а также с квантификаторами [Rodríguez, 2011].

испанский (индоевропейские > романские; Евразия)

(6) **alguno-s* / *mucho-s* / *esto-s* *demás* *amigo-s*
 некоторый-PL / много-PL / этот-PL другой друг-PL
 Ожид. ‘некоторые / многие / эти другие друзья’ [Rodríguez, 2011]

В языке кокама (тупи; Южная Америка) *rama/yama* ‘другой’ не сочетается с квантификаторами [Vallejos Yorán, 2010, p. 183, 184], в горномарийском языке (уральские > марийские; Евразия; полевые данные) – *mol* и *ves* ‘другой’ не встречаются с указательными местоимениями, в языке вампис (хиварские; Южная Америка) *tikitji* ‘другой’ не появляется вместе с указательными местоимениями, квантификаторами, определенным артиклем и словом ‘только’ [Peña, 2015, p. 497]. В языке скоу (скоу; Океания) *hing* ‘другой’ не сочетается ни с какими другими модификаторами в именной группе (включая прилагательные) [Donohue, 2004, p. 291].

Иногда подобные ограничения связаны с тем, что выражение другой само включает (или диахронически включало) артикль или местоимение. В английском языке (индоевропейские > германские; Евразия) *another* ‘другой’ произошло из слияния неопределенного артикля *an*

и слова *other* ‘другой’ [Quirk, 1985, p. 389]. Во многих нахско-дагестанских и абхазо-адыгских языках выражения ДРУГОЙ включают в себя (синхронно или исторически) указательные местоимения. Так, в лакском языке (нахско-дагестанские; Евразия) выражения ДРУГОЙ могут быть образованы от указательных местоимений при помощи контрастного показателя.

ЛАКСКИЙ (нахско-дагестанские; Евразия)

- (7) a. wa-mur maq
 этот-CONTR.III слово
 ‘другое слово’
- b. ta-j-mi zunt:u-rdu
 ТОТ-PL-CONTR.PL гора-PL
 ‘другие горы’ [Казенин, 2013, p. 32]

Впрочем, хотя образование ДРУГОЙ от указательных местоимений в кавказском ареале широко распространено [Lander, Maisak, to appear] (см. также пример (14)), за пределами Кавказа оно, по-видимому, почти не наблюдается.

3.4. Число

В ряде языков выражения ДРУГОЙ противопоставлены обычным выражениям качеств тем, что выражение ДРУГОЙ может содержать указание на число и/или сочетаться только с каким-либо числом. Так, в английском языке *another* ‘другой’ сочетается только с именами в единственном числе (за исключением количественной конструкции типа *another three bottles* ‘три других бутылки’).

АНГЛИЙСКИЙ (индоевропейские > германские; Евразия)

- (8) another table / *another tables
 ‘другой стол’ / ‘другие столы’

Выражения ДРУГОЙ ограниченно сочетаются только с существительными в единственном числе и в других языках. Таковы *céése’* в арапах (алгские > алгонкинские; Северная Америка [Cowell, 2011, p. 321]), *huk* в уальягском кечуа (кечуа; Южная Америка [Weber, 1989, p. 259]), *veeroru* в тамильском (дравидийские > южнодравидийские; Евразия [Lehmann, 1993, p. 113]), *tag* в имонда (погранично-папуасская; Океания [Seiler, 1985, p. 50]), *zi* в ма’ди (центральносуданские > мору-мади; Африка [Blackings, Fabb, 2003, p. 268]), и, возможно, *kariyinyanu* в вальбири (пама-ньюнга; Австралия [Simpson, 1983]), *öbür* в турецком (тюркские; Евразия [Göksel, Kerslake, 2004]), *teqe* в тоабаита (австронезийские > малайско-полинезийские; Океания [Lichtenberk, 2008]).

В горномарийском языке (уральские > марийские; Евразия) за словом *mol* 'другой' лексически закреплено множественное число.

ГОРНОМАРИЙСКИЙ (уральские > марийские; Евразия)

(9) mən' *(mol kal'avongə-m) / (mol kal'avongə-vlä-m)
 я другой гриб-ACC / другой гриб-PL-ACC
 kəčäl-ä-m
 искать-NPST-1SG
 'Я ищу другой гриб / другие грибы.' (полевые данные)

К выражениям *другой*, которые сочетаются только с существительными во множественном числе, относятся также *demás* в испанском языке (индоевропейские > романские; Евразия [Rodríguez, 2011]), *hoobó'o'* в арапахо (алгские > алгонкинские; Северная Америка [Cowell, 2011, p. 321]).

В некоторых языках форма множественного числа выражения *другой* образуется супплетивно. В языке тамашек (афразийские > берберские; Африка) от слов *ḷy-æn* 'другой-М.СГ', *ḷy-æt* 'другой-Р.СГ' окончания множественного числа совпадают с окончаниями множественного числа у местоимений [Heath, 2005, p. 250]. Супплетивные формы множественного числа включают также *yarta* в мартутунира (пама-ньонга > юго-западные пама-ньонга; Австралия [Dench, 1995, p. 190]), *gunya* в вампая (миндийские; Австралия [Nordlinger, 1998, p. 77]), *magna* в имонда (погранично-папуасская; Океания [Seiler, 1985, p. 51]), *ara* в барди (нюлнюлские; Австралия [Bowern, 2012, p. 276]).

Кроме того, категория числа выражений *другой* иногда присутствует в прономинальных употреблениях, в то время как прилагательные таких употреблений могут не иметь. В языке кокама (тупи; Южная Америка) *другой*, в отличие от остальных модификаторов, может самостоятельно образовывать именную группу и присоединять показатель множественного числа.

КОКАМА (тупи; Южная Америка)

(10) rama=kana tset=utsu tsanangillo=kuara=pe=nan
 другой=PLM хотеть=идти Санангильо=INE=там=только
 'Другие хотят поехать только в Санангильо.'
 [Vallejos Yorán, 2010, p. 187]

Подобным свойством также обладают *other* в английском (индоевропейские > германские; Евразия), *otro* в испанском языке (индоевропейские > романские; Евразия [Rodríguez, 2011]), *mol* в горномарийском (уральские > марийские; Евразия (полевые данные)), и, возможно, *ara* в барди (нюлнюлские; Австралия [Bowern, 2012, p. 336]).

4. Обсуждение: другой и детерминаторы

Многие особые свойства выражений другой, перечисленные выше, уподобляют их детерминаторам:

- периферийная позиция в именной группе в целом характерна для детерминаторов и лежит в основе многих представлений именных составляющих, как генеративистских (см., в частности, [Abney, 1987; Zamparelli, 1995; Лютикова 2018]), так и функционалистских [Rijkhoff, 2008];
- препозиция при правом ветвлении также типична для детерминаторов; в частности, еще в [Hawkins, 1983] были сформулированы универсалии, согласно которым указательные местоимения и числительные, которые, очевидно, можно считать подклассом детерминаторов (в широком смысле), с наибольшей вероятностью располагаются в начале именной группы – независимо от того, являются ли прочие модификаторы препозитивными или постпозитивными (см., однако, контрпримеры в [Rijkhoff, 2008]);
- несочетаемость с детерминаторами может указывать на то, что другой выполняет сходные функции и либо оказывается парадигматически им противопоставлен, либо имплицитно соответствует значению, делая появление детерминатора избыточным;
- выражение числа в норме также касается референта всей именной группы и, как и в случае с референциальным статусом, предполагает, что любые качественные модификаторы находятся в его сфере действия, и может указывать на более высокий статус выражений другой в семантической или синтаксической структуре; это особенно очевидно при прономинальных употреблении выражений другой, когда они способны образовывать целую именную группу, охарактеризованную с точки зрения категории числа.

Итак, другой регулярно проявляет сходства с детерминаторами – элементами, которые ответственны за обеспечение связи собственно референта группы с контекстом (как ближайшим синтаксическим, так и с общим дискурсивным), что обычно подразумевает и установление референции. другой хорошо подходит под это понимание, по крайней мере, в каких-то своих употреблениях: когда такие выражения определяют референцию именной группы относительно контекста – однозначно, как в примерах вроде (11), или, по крайней мере, задавая подмножество уже имеющихся референтов, обеспечивая партитивную интерпретацию, которая, в свою очередь, способствует индивидуализации/референтности

[Енç, 1991], как в (12). Вместе с тем, не все употребления другой соответствуют сформулированному выше пониманию детерминаторов; так, в (13) *другие* не определяет референцию именной группы, но лишь вводит некоторую характеристику.

- (11) Кошка могла передвигать по экрану только одно пятно, движением другого пятна ведал сам экспериментатор.
[Богуславская, Муравьева, 1987, с. 118]
- (12) Рубашка на нем была вся иссечена нагайками.
<...> – Тезка, сходи к жене, принеси другую рубаху.
Вишь, эту «всю иссекли».
(В.Г. Короленко. В успокоенной деревне (картинки подлинной действительности) (1911))
- (13) Эта иглица предпочитает другие местообитания: затененные, сочащиеся сыростью берега горных ручьев.
(Ю.Н. Карпун. Природа района Сочи (1997))

Эксплицитно релевантная семантическая разница была сформулирована Г. Чинкве [Cinque 2015], который противопоставил две интерпретации соответствующих выражений:

- **further token(s) of x** (where *x* is some substance/entity/measure): дополнительная единица множества *x*, где *x* – некоторое вещество/объект/мера;
- **further type(s)/kind(s) of x** (where *x* is some substance/entity/measure): дополнительный тип/вид множества *x*, где *x* – некоторое вещество/объект/мера.

Эти две интерпретации другой могут определять как выбор выражения, так и – что как раз обсуждается в [Cinque, 2015] – синтаксические свойства. Во втором прочтении другой в меньшей степени похож на канонический детерминатор, поскольку он не предполагает установление референции. Неудивительно, что в первом прочтении другой в большей степени уподобляется детерминаторам, а во втором – прилагательным. Впрочем, в [Lander, Maisak, to appear] показывается, что существуют контексты, в которых эти два прочтения противопоставлены довольно плохо. Ср. следующий азербайджанский пример из указанной работы, в котором допускается использование как выражения *qejri*, используемого скорее для второго типа по Чинкве (т.е. для характеристики), так и выражения *o biri* (формально представляющего собой сочетание указательного местоимения и слова ‘один’), которое употребляется при указании на прочих референтов:

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ (тюркские; Евразия)

- (14) azərbaycan dil-in-i bil-ir-əm,
 Азербайджан язык-3.POSS-ACC знать-PRS-1SG
 rus və ingilis dil-lər-in-i də bil-ir-əm,
 русский и английский язык-PL-3.POSS-ACC ADD знать-PRS-1SG
qejri / o biri.i dil-lər-i bil-m-ir-əm
 другой DIST один язык-PL-ACC знать-NEG-PRS-1SG
 ‘Азербайджанский язык знаю, и русский и английский языки
 знаю, другие языки не знаю.’ [Lander, Maisak, to appear]

Так или иначе, поскольку детали семантики выражений ДРУГОЙ, как правило, оказываются обойдены вниманием авторов грамматических и словарных описаний, можно предположить, что описанные выше идиосинкратические свойства этих выражений касаются лишь первого прочтения ‘другой’ по Чинкве – ассоциирующегося с конкретными дискурсивными референтами. С другой стороны, нельзя исключать, что в каких-то случаях языки могут унифицировать поведение выражений ДРУГОЙ с разными интерпретациями, опираясь на их форму, – соответственно, и гипотеза об обязательной связи с первым прочтением может не работать.

На свойства ДРУГОЙ как детерминатора или как прилагательного могут влиять и иные семантические характеристики. Например, во многих языках лексика со значением ‘другой’ обнаруживает дополнительные противопоставления вроде ‘другой из двух’ или ‘все другие’ (ср. русск. *прочие, остальные*). Такого рода характеристики, делающие именную группу определенной (присваивающие ей уникальную референцию) способствуют приобретению соответствующим выражением свойств детерминатора.

Впрочем, не очевидно, что даже в условиях, когда выражения ДРУГОЙ определяют референцию именной группы, они **обязаны** иметь формальные свойства детерминаторов. Известно, что некоторые определения имплицитно референциальные статусы, не определяя их формально: например, выражения типа английского *next* ‘следующий’ в норме требуют определенность, которая, однако, формально в этом случае устанавливается артиклем. В то же время и такие выражения обычно предпочитают занимать периферийные позиции в именной группе (по крайней мере, относительно прочих определений), что отражает их семантическую сферу действия – то, что они сами выделяют дискурсивных референтов, а не только описывают интенциональные характеристики. Периферийность определений типа *следующий* и *другой* может проистекать из общего принципа, иконично отображающего

их семантическую сферу действия: то, что более связано с установлением референтов в дискурсе, скорее оказывается на периферии именной группы. Правда, этот принцип может работать одновременно с другими, с которыми он может даже и конфликтовать, вроде требования вынесения тяжелых составляющих на периферию или определения позиции обязательных элементов на основе обязательных позиций, присутствующих в любой составляющей данного типа (в том числе первой и последней, примыкающей к вершине, и т.д.).

5. Заключение

Выражения другой недооценены в литературе не только специалистами по лексике, но и специалистами по грамматике. Функционирование этих выражений, проявляющееся в их формальных характеристиках, требует более точного описания (см. для русского языка [Богуславская, Муравьева, 1987]). Однако до тех пор, пока другой видится авторам грамматических описаний элементом, который в силу кажущейся маргинальности может и не представлять первоочередной интерес, описание функционирования именной группы остается недостаточным. Модификаторы типа другой имеют намного большее отношение к грамматике, чем кажется.

Выше мы показали, что выражения другой, по крайней мере, в некоторых прочтениях могут обнаруживать сходства с детерминаторами. При этом не очевидно, в насколько узкий класс могут быть объединены выражения другой и детерминаторы. В работах Я. Райкхоффа (см., например, [Rijkhoff, 2008]) как другой, так и, например, показатели референциального статуса входят в единый класс дискурсивно-референциальных модификаторов (*discourse-referential modifiers*), но другой характеризуется как спутник – лексический модификатор, а артикли – как операторы, грамматические модификаторы (причем спутницы и операторы, вероятно, должны отличаться своими свойствами). Тем не менее обозначения другой допускают грамматикализацию и/или могут формироваться на основе детерминаторов. С учетом этого сомнительно, что эти выражения должны быть всегда противопоставлены грамматикализированным детерминаторам, хотя не подлежит сомнению, что иногда они могут быть отнесены к другим синтаксическим классам.

Примечательно, что другой оказывается одним из множества элементов именной группы, чья типология требует учета возможности вхождения в именное выражение на разных этапах ее построения, в зависимости от семантической сферы действия. Таковы, например, числительные и некоторые другие количественные модификаторы вроде *много*, которые функционируют и как детерминаторы, интерпретирующие связь

между референтом и внешним контекстом, и как аналоги прилагательных, исключительно характеризующие количество описываемой группы [Partee, 1995]. Таковы же указательные местоимения, порядковые числительные и некоторые прилагательные (см. для русского языка, например, [Kagan, Pereltsvaig, 2014; Лютикова, 2018]). Параллели к этому можно отыскать и среди собственно именных зависимых; ср. [Lander, 2003], где на материале именных зависимых в языках Западной Индонезии обсуждается противопоставление определений, ограничивающих тип (*type-restricting*), и определений, ограничивающих конкретные множества референтов (*token-restricting*).

В то же время изменения линейного порядка внутри именных составляющих не всегда сводится к этому противопоставлению. Более того, при включении в рассмотрение значительного числа разнообразных модификаторов может выясниться, что речь здесь не должна идти о бинарном противопоставлении. Естественно, что накопление типологического материала, связанного с единицами, отклоняющимися как от канона детерминатора, так и от канона прилагательного, должно способствовать решению этих вопросов – независимо от выбранной теории.

Библиографический список / References

Богуславская, 2003 – Богуславская О.Ю. Другой 1, иной 1 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд. М., 2003. С. 299–302. [Boguslavskaya O.Yu. *Drugoi 1, inoi 1. Novyi ob'yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka*. 2 ed. Moscow, 2003. Pp. 299–302.]

Богуславская, Муравьева, 1987 – Богуславская О.Ю., Муравьева И.А. Механизмы анафорической номинации // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / А.Е. Кибрик, А.С. Нариньяни (ред.). М., 1987. С. 78–128. [Boguslavskaya O.Yu., Muravyeva I.A. Mechanisms of anaphoric nomination. *Modelirovanie yazykovoi deyatel'nosti v intellektual'nykh sistemakh*. A.E. Kibrik, A.S. Narin'yani (eds.). Moscow, 1987. Pp. 78–128.]

Казенин, 2013 – Казенин К.И. Синтаксис современного лакского языка. Махачкала, 2013. [Kazenin K.I. *Sintaksis sovremennogo lakskogo yazyka* [The syntax of modern Lak]. Makhachkala, 2013.]

Лютикова, 2018 – Лютикова Е.А. Структура именной группы в безартиклевом языке. М., 2018. [Lyutikova E.A. *Struktura imennoi gruppy v bezartiklevom yazyke* [The structure of nominal phrase in articleless languages]. Moscow, 2018.]

Abney, 1987 – Abney S.P. The English noun phrase in its sentential aspect. Ph.D. dis. Massachusetts Institute of Technology, 1987.

Blackings, Fabb, 2003 – Blackings M.J., Fabb N. A Grammar of Ma'di. Berlin, 2003.

Bowern, 2012 – Bowern C. A grammar of Bardi. Berlin, 2012.

Cinque, 2015 – Cinque G. A note on 'other'. *Charting the landscape of linguistics: On the scope of Joseph Bayer's work*. E. Brandner et al. (eds.) Konstanz, 2015. Pp. 22–27.

- Cowell, Moss, 2011 – Cowell A., Moss S. A. The Arapaho language. Colorado, 2011.
- De Busser, 2009 – De Busser R. Towards a grammar of Takivatan Bunun: Selected topics. Ph.D. dis. La Trobe University, 2009.
- De Jong Boudreault, 2009 – De Jong Boudreault L.J. A Grammar of Sierra Popoluca (Sotepanec, a Mixe-Zoquean language). Ph.D. dis. The University of Texas at Austin, 2009.
- Dench, 1995 – Dench A.C. Martuthunira: A language of the Pilbara region of Western Australia. Canberra, 1995.
- Dixon, 2004 – Dixon R.M.W. Adjective classes in typological perspective. *Adjective classes: A cross-linguistic typology*. R.M.W. Dixon, A.Y. Aikhenvald (eds.). Oxford, 2004. Pp. 1–49.
- Dixon, 1977 – Dixon R.M.W. A grammar of Yidjñ. Cambridge, 1977.
- Donohue, 2004 – Donohue M. A grammar of the Skou language of New Guinea. Singapore, 2004.
- Dryer, 2013 – Dryer M.S. Order of adjective and noun. *The world atlas of language structures online*. M.S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). Leipzig, 2013. URL: <http://wals.info/chapter/87>.
- Dum-Tragut, 2002 – Dum-Tragut J. Word order correlations and word order change: An “applied-typological” study on literary Armenians varieties. München, 2002.
- Dum-Tragut, 2009 – Dum-Tragut J. Armenian: Modern Eastern Armenian. Amsterdam, 2009.
- Enç, 1991 – Enç M. The semantics of specificity. *Linguistic Inquiry*. 1991. Vol. 22. No. 1. Pp. 1–25.
- Evans, 2003 – Evans N. A Pan-dialectal grammar of Bininj Gun-Wok (Arnhem Land): Mayali, Kunwinjku and Kune. Canberra, 2003.
- Facundes, 2000 – Facundes S.S. The language of the Apurinã people of Brazil (Maipure/Arawak). Ph.D. dis. State University of New York at Buffalo, 2000.
- Guillaume, 2008 – Guillaume A. A grammar of Cavineña. Berlin, 2008.
- Göksel, Kerslake, 2004 – Göksel A., Kerslake C. Turkish: A comprehensive grammar. London, 2004.
- Haspelmath, 2010 – Haspelmath M. Comparative concepts and descriptive categories in crosslinguistic studies. *Language*. 2010. Vol. 86. No. 3. Pp. 663–687.
- Hawkins, 1983 – Hawkins J. A. Word order universals. New York, 1983.
- Heath, 2005 – Heath J. A grammar of Tamashek (Tuareg of Mali). Berlin, 2005.
- Hualde, Ortiz de Urbina, 2003 – Hualde J.I., Ortiz de Urbina J. A grammar of Basque. Berlin, 2003.
- Kagan, Pereltsvaig, 2014 – Kagan O., Pereltsvaig A. Motivating the DP projection in languages without articles. *Proceedings of IATL 2012. MIT Working Papers in Linguistics*. 2014. Vol. 68. Pp. 167–178.
- Kung, 2007 – Kung S.S. A descriptive grammar of Huehuetla Tepehua. Ph.D. dis. The University of Texas at Austin, 2007.
- Lander, 2003 – Lander Yu. Possessive constructions in languages of West Indonesia: NP incorporation vs DP separation. *Proceedings of the 9th Annual Meeting of the Austronesian Formal Linguistics Association. Cornell University Working Papers in Linguistics*. 2003. Vol. 19. Pp. 79–93.
- Lander, Maisak, to appear – Lander Yu., Maisak T. ‘Other’ strategies in the Eastern Caucasus. *Iran and the Caucasus*. To appear.
- Lehmann, 1993 – Lehmann T. A grammar of modern Tamil. Pondicherry, 1993.
- Lichtenberk, 2008 – Lichtenberk F. A grammar of Toqabaqita. Berlin, 2008.

- Merlan, 1994 – Merlan F. A grammar of Wardaman. Berlin, 1994.
- Nordlinger, 1998 – Nordlinger R. A grammar of Wambaya, Northern territory (Australia). Canberra, 1998.
- Partee, 1995 – Partee B.H. Quantificational structures and compositionality. *Quantification in natural languages*. E. Bach et al. (eds.). Dordrecht, 1995. Pp. 541–601.
- Peña, 2015 – Peña J.G. A grammar of Wampis. Ph.D. dis. University of Oregon, 2015.
- Post, 2007 – Post M.W. A grammar of Galo. Ph.D. dis. La Trobe University, 2007.
- Quirk et al., 1985 – Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A comprehensive grammar of the English language. London, 1985.
- Rießler, 2016 – Rießler M. Adjective attribution. Berlin, 2016.
- Rijkhoff, 2008 – Rijkhoff J. Descriptive and discourse-referential modifiers in a layered model of the noun phrase. *Linguistics*. 2008. Vol. 46. No. 4. Pp. 789–829.
- Rodríguez, 2011 – Rodríguez G.E. Adjetivos y determinants. *60 problemas de gramática: dedicados a Ignacio Bosque*. M. Escandell Vidal et al. (eds.). Madrid, 2011. Pp. 62–76.
- Round, 2009 – Round E.R. Kayardild morphology, phonology and morphosyntax. Ph.D. dis. Yale University, 2009.
- Seiler, 1985 – Seiler W. Imonda, a Papuan language. Canberra, 1985.
- Simpson, 1983 – Simpson J.H. Aspects of Warlpiri morphology and syntax. Ph.D. dis. Massachusetts Institute of Technology, 1983.
- Vallejos Yopán, 2010 – Vallejos Yopán R. A grammar of Kokama-Kokamilla. Ph.D. dis., University of Oregon, 2010.
- Weber, 1989 – Weber D. A grammar of Huallaga (Huánuco) Quechua. California, 1989.
- Zamparelli, 1995 – Zamparelli R. Layers in the determiner phrase. Ph.D. dis. University of Rochester, 1995.

Статья поступила в редакцию 12.09.2018

The article was received on 12.09.2018

Черемисинова Мария Олеговна – лаборант Научно-учебной лаборатории по формальным методам в лингвистике факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Cheremisínova Maria O. – laboratory assistant at the Laboratory in Formal Methods in Linguistics, National Research University Higher School of Economics

E-mail: masha.cherem@gmail.com

Ландер Юрий Александрович – кандидат филологических наук; доцент Школы лингвистики, ведущий научный сотрудник Международной лаборатории языковой конвергенции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки, Институт востоковедения РАН

Lander Yury A. – PhD in Philology; associate professor at the School of Linguistics, leading research fellow at the Linguistic Convergence Laboratory, National Research University Higher School of Economics; researcher at the Department of Asian and African Languages, Institute of Oriental Studies of RAS

E-mail: yulander@yandex.ru

DOI: 10.31862/2500-2953-2018-4-125-165

А.М. Перельцвайг* , О.А. Каган**

* Университет Санта-Клары,
95053, Санта Клара, Калифорния, США

** Университет имени Давида Бен-Гуриона в Негеве,
52956 Беэр-Шева, Израиль

Прилагательные в иерархической структуре именной группы

В данной статье исследуются синтаксис и семантика атрибутивных (модифицирующих) прилагательных в русском языке, в котором отсутствуют артикли, но имеются сложные модели падежного маркирования и согласования между элементами именной группы. В синтаксической литературе утверждается, что из-за отсутствия артиклей у именных групп в русском языке совершенно иная структура, чем у их аналогов в языках с артиклями. В статье показывается, что данное утверждение неверно, а модифицирующие прилагательные могут занимать один из шести уровней в функциональной структуре именной группы.

Ключевые слова: именные группы, атрибутивные прилагательные, модификация, падежное маркирование, согласование, семантика.

DOI: 10.31862/2500-2953-2018-4-125-165

A. Pereltsvaig* , O. Kagan**

* Santa Clara University,
Santa Clara, CA, 95053, USA

** Ben-Gurion University of the Negev,
Beer-Sheva, 52956, Israel

Adjectives in layers

This paper investigates the syntax and semantics of modifying/attributive adjectives in Russian, a language lacking articles but having complex patterns of case marking and agreement within a noun phrase. It has been claimed

in the literature that due to its lack of articles, Russian has a completely different internal structure for noun phrases than in languages with articles. In this paper we argue against that claim and propose that there are six layers of functional structure within a noun phrase which modifying adjectives can occupy.

Key words: noun phrases, attributive adjectives, modification, case marking, agreement, semantics.

1. Introduction

The main aim of this paper is to investigate the distribution, ordering and interpretation of prenominal modifying adjectives. The syntax of modifying adjectives has been hotly debated for more than two decades, with proposals including analyzing adjectives as heads that take NP as a complement [Abney, 1987], as heads left-adjoined to N [Sadler, Arnold, 1994], as heads that take NP as a rightward specifier [Delsing, 1993], as adjoined to NP [Svenonius, 1993], or as specifiers of dedicated functional projections [Cinque, 1994; Scott, 2002]. In this paper, we will probe into the syntax and semantics of modifying adjectives by closely examining the relevant data from Russian, an article-less language with intricate patterns of intra-nominal case marking and agreement. Based on this investigation, we argue that there are several (six, to be precise) slots that prenominal modifying adjectives can occupy, sprinkled throughout the extended noun phrase (eNP).

The idea is not completely new: it has been explored in the “cartographic approach” going back to Cinque’s study of adverbial modification in clauses [Cinque, 1999]. For a detailed analysis of adjectival modification along these lines, see Scott (2002); for the application of the cartographic approach to Russian adjectives, see Pereltsvaig (2007). However, we depart from these earlier studies in several significant ways.

First, unlike Scott (2002) and Pereltsvaig (2007), we base our argument not only on the ordering of various semantic classes of adjectives (e.g., Size, Age, Color, Material, etc.) *with respect to each other*, but on the ordering and interpretation of adjectives *with respect to other elements of the eNP*. In this, our approach is closer to that of Svenonius (2008): like him, we argue that the interpretation of a modifying adjective depends on the adjective’s position with respect to functional projections inside the eNP. We propose that adjectives are generated in functional projections we call α Ps which are sandwiched between other, independently-motivated functional projections, discussed in detail in Section 2 of this paper.

Another departure from Scott’s (2002) and Pereltsvaig’s (2007) approach is that we argue for a less fine-grained hierarchy of adjective classes than that

proposed by these authors. Based on a reanalysis of the data from Pereltsvaig (2007) and some additional new data, we show that the less fine-grained hierarchy is supported by stronger judgments about adjective ordering. This issue is addressed in Section 3 of this paper.

Furthermore, in addition to adjective classes considered by Svenonius (2008), all of which occur after/below numerals (i.e., projections αP -3 through αP -6 in the tree in (1) below), we also consider adjectives that can appear before/above numerals, that is above NumP (i.e., projections αP -1 and αP -2 in the tree in (1) below). The projection αP -1 – the highest projection for adjectives – hosts such items as the *poslednie*-type adjectives of Babby (1987), adjectival possessors (e.g., *mašin* ‘Masha’s’) and demonstratives such as *étot* ‘that’. In Section 4 of this paper, we show that these adjectives can appear either before or after numerals, with significant differences in meaning: when occurring above numerals, they are associated with referential, quantificational and/or exhaustive meaning, absent if the same adjective occurs lower in the structure, where property-modifying interpretation emerges. We propose that these differences in interpretation derive from the functional projection DP, and not from the adjectives themselves. Thus, these data (and our analysis of it) provide additional argument in favor of postulating a DP for Russian (contrary to [Bošković, 2005, 2008, 2009, 2012]). Following Pereltsvaig (2006a), we maintain that some noun phrases in Russian are DPs, while others are Small Nominals. We examine several types of Small Nominals in Russian (cf. [Kagan, Pereltsvaig, 2011; Pereltsvaig, 2011]) and show that these nominals lack the upper layers of eNP and hence have no room for the highest types of adjectives; as expected these adjectives are impossible in such nominals. Thus, our evidence for distinct classes of adjectives is based on syntactic facts and the syntax-semantics interface and cannot be explained away by appealing to purely semantic or cognitive factors (cf. [Sproat, Shih, 1988, 1991], among others).

Finally, in Section 5, we examine an additional, often overlooked class of adjectives in Russian, which modify numerals rather than nouns in the eNP (i.e., the *dobryx*-class of [Babby, 1987]). We show that even though these adjectives are closely associated with numerals, they are not projected in the specifier in the functional projection of the numerals itself, NumP. Instead, we propose that these adjectives are projected in an αP of their own, above NumP but below the αP hosting *poslednie*-type adjectives. This strengthens our argument that the interpretation of adjectives depends (at least in part) on the independently motivated functional projections inside the eNP between which the relevant αP is merged.

It should be noted that for the purposes of this paper we focus on one-word modifying adjectives (e.g., *bol’soj* ‘big’) leaving phrasal adjectival

modifiers (e.g., *gordyj svoimi uspexami* ‘proud of own successes’) aside.¹ While the question of whether such one-word adjectives are in the head or specifier of α Ps is largely outside the scope of this paper, we adopt Pereltsvaig’s (2006b) position that one-word adjectives are heads rather than phrases. Given this, we ignore the alternative possibility of phrasal adjunction of adjectives to the independently-motivated functional projections (e.g., *poslednie*-type adjectives being adjoined to DP, etc.); nothing in our analysis crucially depends on the choice between adjunction and separate α P functional projections for adjectives.

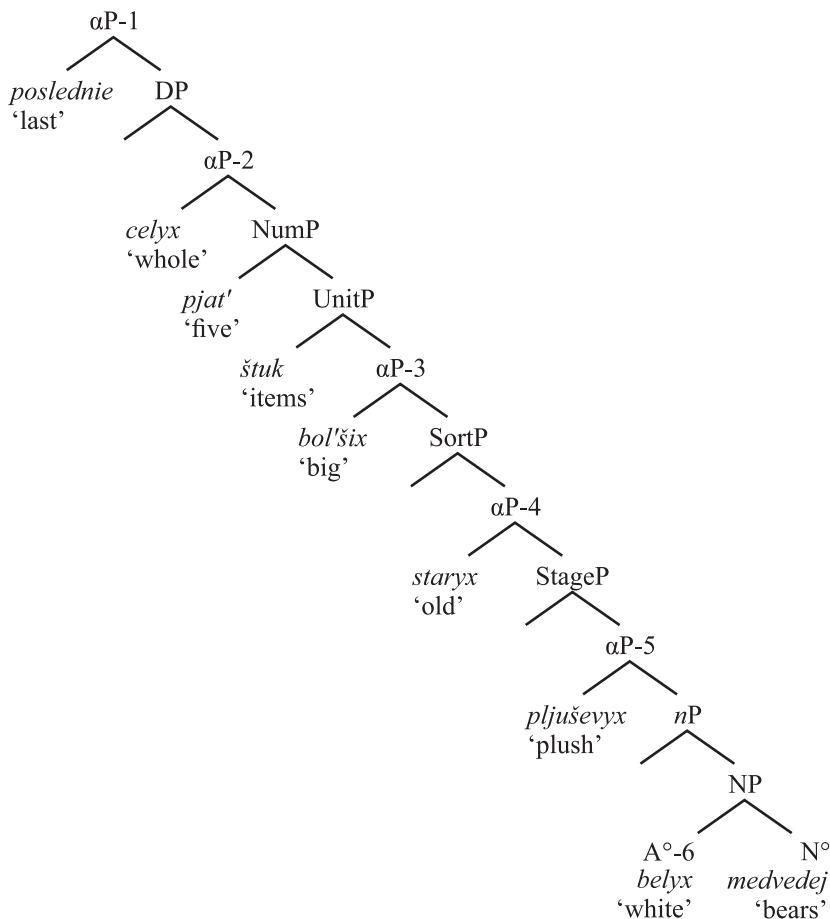
2. Independently motivated functional projections

In this section, we start our consideration of the structure of the extended noun phrase (eNP), in particular in Russian, by reviewing our views about the independently motivated functional projections that constitute the “skeleton” of the eNP, such as DP, NumP, UnitP, CIP, *n*P, etc. The functional architecture of the eNP that we ultimately adopt is shown in the tree in (1). The six positions for the six different types of adjectives are numbered, for ease of reference.

The highest independently motivated functional projection we assume is the DP, whose roots trace back to the work of Abney (1987). When it comes to article-less languages like Russian, a debate has been raging in the literature for some time as to whether such languages have the DP projection at all. Thus, some researchers argue that DP is found only in languages with articles ([Chierchia, 1998; Willim, 1998, 2000; Baker, 2003, p. 113; Trenkic, 2004] and most notably [Bošković, 2005, 2008, 2009, 2012]). The opposing view, namely, that even in article-less languages a nominal may have the fully projected functional architecture, including the DP, is argued for in Rappaport (1992, 2001), Engelhardt & Trugman (1998), Progovac (1998), Leko (1999), Pereltsvaig (2001, 2006a, 2007), Rutkowski (2002a, b, 2006a, b, 2007), Franks & Pereltsvaig (2004), Rutkowski & Maliszewska (2007) and elsewhere. In this paper we provide an additional, albeit indirect, argument in favor of DP in article-less languages by showing that adjectives merged above and below this projection have a different morphosyntax and a different interpretation. Crucially, we show that the higher adjective position – α P-1 – is associated with referentiality and exhaustivity, properties that are known to characterize the DP projection in other languages.

¹ Furthermore, we ignore the possibility of focused adjectives; an interested reader is referred to Gutiérrez-Rexach & Mallen (2002), Giusti (2002), Truswell (2004), Demonte (2008) and Svenonius (2008). According to the latter, focused adjectives are merged above KindP [Zamparelli, 2000]. In all the empirical studies reported in this paper, the speakers have been explicitly instructed to ignore the possible focused pronunciation/interpretation of adjectives.

- (1) *poslednie celyx pjat' štuk bol'six staryx pluševyx*
 last whole five items big old plush
belyx medvedej
 white bears
 'the last whole five items of big old plush polar bears'

Next, we assume the projection of NumP, which hosts numerals and other quantity expressions, including lower quantifiers like *mnogo* 'many' and idiomatic quantity expressions like the PP *do figa* 'lots' and even clausal quantity expressions like *čert znajet skol'ko* 'devil knows how many'. Overall, this projection is uncontroversial (in some literature on Slavic it is called QP, but we adopt the label "NumP" so as to avoid a confusion

of quantifiers like *vse* ‘all’, which are merged higher). Moreover, we remain agnostic as to whether numerals like *pjat* ‘five’ are merged in the Num^o or in Spec-NumP (see Bailyn 2004 for a discussion). As we discuss in Section 5 below, this choice is immaterial for the purposes of the present paper.

Furthermore, following Svenonius (2008), we adopt a three-way distinction between numeral classifiers merged in UnitP (cf. Borer’s 2005 #P), sortal classifiers merged in SortP (cf. Borer’s 2005 CIP) and noun classifiers merged in *nP*. Numeral classifiers make nominal referents countable or quantifiable, whereas sortal classifiers sort nominal referents by characteristics such as shape (see Svenonius 2008: 20). While in many languages, these two functions are performed by the same lexical items, there are a few other languages such as Akatek (as described by [Zavala, 2000]), where numeral and sortal classifiers co-exist.² In Akatek, numeral classifiers distinguish human, animal and inanimate nouns (here, only the inanimate one is shown). The sortal classifier distinguishes a dozen or more shapes (‘smooth,’ ‘long three-dimensional,’ ‘erect,’ ‘half-circle,’ ‘round,’ ‘wide flat,’ ‘small spherical,’ ‘separate,’ etc.); note that the same noun can appear with different sortal classifiers, depending on how the referent is perceived. As shown in the examples below (from [Zavala, 2000, p. 117, 123]), numeral classifiers appear structurally outside sortal classifiers.

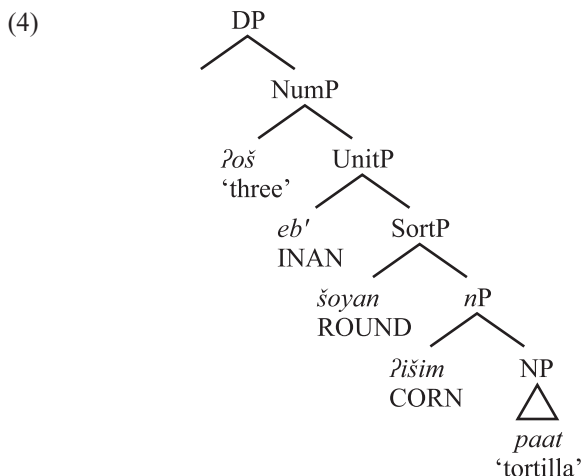
- (2) a. kaa-b’ sulan aw-aan
 two-INAN smooth A2-corncob
 ‘your two corncocks’
- b. ʔoš-eb’ jilan ’aan
 three-INAN long.3d corncob
 ‘three corncocks’
- c. kaa-b’ b’ilan poon yalixh-taj
 two-INAN SMALL.ROUND plum small-PL
 ‘two small plums’

The third type of classifier is the noun classifier, which typically sorts nouns by material qualities or essences (cf. [Svenonius, 2008, p. 21]). Akatek has a set of fourteen noun classifiers (‘man,’ ‘woman,’ ‘animal,’ ‘tree,’ ‘corn,’ ‘water,’ ‘salt,’ etc.) alongside the three numeral classifiers and the set of sortal classifiers, discussed above. All three types of classifiers are illustrated below (adapted from [Zavala, 2000, p. 126–127]).

² Another example of a language with distinct and co-occurring numeral and sortal classifiers appears to be Squamish Salish (cf. [Kuipers, 1967, p. 149–152]). According to Aikhenvald (2000, p. 114), in this language “numerals and numerical interrogative ‘how much’ distinguish three forms: objects, animals, and humans... In addition, numerals co-occur with one of the seven so-called ‘lexical suffixes’ the choice of which depends on the semantics of the noun, e.g., */-qs/* ‘small oblong object’”.

- (3) a. *ʔoš-k'on* *kupan* *no'* *wakaš*
 three-ANIM HALF.CIRCLE ANIMAL cow
 'three cows' (lying down)
- b. *ʔoš-eb'* *kupan* *ʔišim* *paat*
 three-INAN HALF.CIRCLE CORN tortilla
 'three (folded) tortillas'
- c. *ʔoš-eb'* *šoyan* *ʔišim* *paat*
 three-INAN ROUND CORN tortilla
 'three tortillas'

The (simplified) structure for (3c) is shown below:

In Russian, only the first type of classifier is instantiated. As in Akatek and Squamish Salish, the set of numeral classifiers contains three items: *štuk* 'items' for objects, *golov* 'heads' for animals (especially livestock) and *čelovek* 'persons' for humans (there is also an archaic version for humans, *duš* 'souls'). While Aikhenvald (2000, p. 115–116) claims that *golov* 'heads' in Russian (as well as the corresponding items in English and Hungarian) are not numeral classifiers, we find her arguments rather weak or faulty. First, she maintains that these items "do not fill an obligatory slot in the numeral-noun construction": while we agree on the facts (i.e., that numeral classifiers in Russian are optional), their position in the eNP is rigidly determined. Her second argument is that these items "often have a lexical meaning of their own": while these items derive from lexical nouns meaning 'item', 'head' and 'person', they do not contribute any lexical meaning when appearing as numeral classifiers. Her third argument that concerns the distinction

between mass and count nouns does not apply to Russian (Aikhenvald illustrates it with Hungarian). Her forth argument is that *golov* ‘heads’ and similar items occur with genitive complements; while this is true, we do not see it as an argument for the lexical nature of these items (cf. [Pereltsvaig, 2007] for arguments that numerals, which similarly take genitive complements, are not nouns either). Aikhenvald’s (2000, p. 116) fifth and last argument is that “there is a restricted number of such words in a non-classifying language”; however, as we point out above, Russian mirrors Akatek and Squamish Salish in having three items in the set of purely numeral (i.e., non-sortal) classifiers: one each for objects, animals and humans.

There are three additional arguments for treating these items as numeral classifiers rather than nouns. The first argument has to do with the form of the classifier for humans, *čelovek*: this special count form is peculiar for occurrences of ‘persons, people’ together with a numeral. In the absence of a numeral (even if a quantifier like *mnogo* ‘many’ is present), the plural form of *čelovek* ‘person, man’ is the suppletive *ljudi* ‘people’, as shown below (cf. [Mel’čuk, 1985; Yadroff, 1999]):

- (5) a. Ja videl pjat' čelovek.
I saw five person.PL.COUNT
‘I saw five people.’
- b. Ja videl (mnogo) ljudej.
I saw many person.PL
‘I saw (many) people.’
- c. *Ja videl (mnogo) čelovek.
I saw many person.PL.COUNT
‘I saw (many) people.’

More generally, *štuk* ‘items’, *golov* ‘heads’ and *čelovek* ‘persons’ cannot occur without a numeral being present; this is the hallmark of a numeral classifier (cf. [Yadroff, 1999, p. 152]):

- (6) *My ne našli štuk jablok.
we not found items.GEN apples.GEN

Finally, *štuk* ‘items’, *golov* ‘heads’ and *čelovek* ‘persons’ used in this classifier function cannot take any modifiers (cf. [Yadroff, 1999, p. 151–152]):

- (7) a. *desjat' veselyx čelovek našix oficerov
ten happy persons our officers
- b. *pjat' otdel'nyx štuk nexorošix slov
five separate items obscene words

Therefore, contrary to Aikhenvald (2000), we take *štuk* ‘items’, *golov* ‘heads’ and *čelovek* ‘persons’ to be numeral classifiers; a similar position for corresponding items in Bulgarian is argued for by Cinque and Krapova (2007). According to our analysis, these numeral classifiers are merged in UnitP (cf. the structure we propose in (1) above). Note further that there is no adjective-hosting projection above UnitP, which explains why numeral classifiers cannot be modified directly (as shown in (7) above). The numeral classifiers are discussed further in Section 5 below.

The final, and perhaps the most controversial, functional projection that we assume in this paper is StageP, which turns entities to which Individual-level properties apply into entities to which Stage-level properties may apply. While the exact nature of the Individual-/Stage-level distinction remains illusive, at least some scholars analyze Stage-level properties/predicates as applying to the Event argument (or perhaps, a “Stage argument”) of the nominal (cf. [Kratzer, 1989, 1995]). It is our contention that StageP is the functional projection where this Event/Stage argument is added, similar to adding the Agent argument in *vP* (cf. [Kratzer, 1996]). This StageP projection becomes particularly relevant for structurally distinguishing between such Individual-level properties as material and origin, on the one hand, and such Stage-level properties as age and temperature, etc.; this is discussed in more detail in Section 3 below.

3. “Lower” adjectives

In this section, we focus on adjectives that modify the property denoted by the noun, such as *bol’šoj* ‘big’, *staryj* ‘old’, *pljuševyj* ‘plush’, *belyj* ‘white/polar’ in (1) above. Following Svenonius (2008), we reject the approach adopted by Scott (2002) whereby individual adjective classes (e.g., Size, Color, etc.) are associated with specific functional projections. As pointed out by Svenonius, “the categories [such as Size, Color, etc.] are not well-motivated outside of the adjectival ordering phenomenon that they are introduced to describe”. Furthermore, as we show below, the fine-grained hierarchy of adjective classes proposed by Scott (2002) is not supported by the actual adjective ordering facts; in particular, as we show below, ordering restrictions on some of Scott’s categories, such as Age and Color, are far stricter than those on, say, Length and Height.

But first, we will briefly address the syntax of the so-called idiomatic adjectives, such as the ones in *belyj medved* ‘polar [literally, white] bear’, *beloe vino* ‘white wine’, *železnaja doroga* ‘rail road [literally, ferrous] road’, *Černoe more* ‘Black Sea’, *Bol’šaja Medvedica* ‘Ursa Major’. First of all, note that adjectives appearing as idiomatic are not an exclusive lexical class: these adjectives can also appear as non-idiomatic, in combination with

different nouns (e.g., *belaja/černaja kraska* ‘white/black paint’, *železnyj zamok* ‘iron lock’, *bolšaja kuča* ‘big heap’). However, when occurring in such collocations, idiomatic adjectives do not make the usual, transparent contribution to the interpretation of the noun phrase (i.e., that of Color, Material, Size, etc.); for example, *beloe vino* ‘white wine’ is not white but yellowish-green and *železnaja doroga* ‘rail road [literally, ferrous] road’ of the toy kind may be made from plastic:

- (8) a. zelenovatoe beloe vino
 greenish white wine
 ‘a greenish white wine’
- b. plastikovaja železnaja doroga
 plastic ferrous road
 ‘a plastic railroad’

Note that the adjective with the idiomatic interpretation must be closest to the noun, hence the ungrammaticality of the following:

- (9) a. *beloe zelenovatoe vino
 white greenish wine
 intended: ‘a greenish white wine’
 (ok with comma intonation: ‘wine that is white in color with
 a greenish tint)
- b. *železnaja plastikovaja doroga
 ferrous plastic road
 intended: ‘a plastic railroad’

The same is true if we use two adjectives, each of which can potentially have an idiomatic meaning with the given noun: only the adjective that is closest to the noun will have idiomatic meaning in each case:

- (10) a. belaja bol’saja medvedica
 white big she-bear
 ‘a white Ursa Major’
- b. bol’saja belaja medvedica
 big white she-bear
 ‘a big (female) polar bear’

This is in line with our general observation that the same lexical items can appear in distinct syntactic positions with distinct meaning (see also this section below and the following sections).

A further example is provided by the phrase *belyj čerňyj medved* ‘a white black bear’, referring to a Kermode bear (or “spirit bear”, as the First Nations

people call them). These bears are not albinos and not related to polar bears, but belong to the *Ursus americanus kermodei* subspecies of the American black bear. Thus, in *belyj čěrnnyj medved'* 'a white black bear' the adjective closest to the noun – *čěrnnyj* 'black' – is used idiomatically, to designate a species (and does not denote color per se), while the first adjective – *belyj* 'white' – refers to the white (or cream-colored) coat of such a bear.³ Thus, in the structure we propose, *belyj* 'white' in this phrase occupies the position $\alpha P-5$, whereas *čěrnnyj* 'black' occupies the position A-6.

Idiomatic adjectives also differ from non-idiomatic adjectives in that they cannot be modified or extended by a complement, such as *očen' belyj* 'very white', *belyj po cvetu* 'white in color':

- (11) a. *očen' belaja medvedica
 very white she-bear
 'a very (typical) polar bear'
- b. belaja po cvetu medvedica
 white in color she-bear
 'a white in color (female) bear', not 'polar bear'

Given the lexical nature of idiomatic adjectives, we propose to analyze them as part of a lexical compound, specifically as an A° merging with a N°. This position is marked as adjective position 6 in the tree in (1) above. This proposal is similar to what Sadler and Arnold (1994) propose for **all** prenominal adjectives; we limit this structure to **idiomatic** adjectives only.

Let us now consider non-idiomatic noun-modifying adjectives. Here, we propose that these adjectives can be divided into three groups (rather than thirteen or more classes, as done by Scott 2002), and, as shown in the tree in (1), we believe that these three groups of adjectives are merged in three different structural layers.

The first, highest group includes adjectives that can modify only count nouns, not mass nouns. Such adjectives include those denoting various dimensions of size (overall size, length, height, depth, width), as well as speed and shape. Since substances do not have intrinsic boundaries, one cannot talk about the length, height or width of a substance. Examples of these adjectives are given in (12a) below, and the structural position of these adjectives – above SortP and below UnitP – on our tree in (1) is marked as $\alpha P-3$.

The second group includes adjectives that denote potentially Stage-level properties that can apply to mass nouns as well as count nouns, such as weight, wetness, age and temperature. Examples of adjectives from those

³ Bruce Barcott describes the coats of the *belyj čěrnnyj medved'* 'a white black bear' thus: "more like a vanilla-colored carpet in need of a steam cleaning" [Barcott, 2011, p. 41].

two types are given in (12b) below, and their structural position – above StageP, but below SortP – on our tree in (1) is marked as $\alpha P-4$.

The distinction between these two groups of adjectives has been drawn already by Muromatsu (2001), who divides adjectives into two classes: those which are sensitive to shape and merge above classifiers and those which are not sensitive to shape and merge below classifiers. Since we adopt Svenonius' (2008) distinction between three kinds of structurally distinguished classifiers, we modify Muromatsu's proposal as follows: adjectives that are sensitive to shape merge above **sortal** classifiers (in SortP) and adjectives that are not sensitive to shape merge below sortal classifiers.

Thus, a close semantic connection is established between elements to be merged in the functional projection, in this case SortP (i.e., classifiers that “sort nominal referents by characteristics such as shape”) and the adjectives to be merged in the functional projection immediately above SortP: these adjectives denote properties that are sensitive to shape (and hence can apply only to count, not mass nouns).

This is a general pattern that obtains with respect to other projections that host adjectives and functional projections that constitute the skeleton of the eNP: at each level, the interpretation of a given adjective depends crucially on the functional projection immediately below the projection where the adjective is merged.

The third and structurally the lowest group of (non-idiomatic) noun-modifying adjectives include those that denote properties of color, material and origin. Examples of adjectives from this group are given in (12c) below, and their structural position – immediately above *n*P and below SortP – on our tree in (1) is marked as $\alpha P-5$.

(12) a. Adjectives sensitive to shape ($\alpha P3$):

malen'kij ‘small’, *dlinnyj* ‘long’, *vysolkij* ‘tall, high’,
glubokij ‘deep’, *širokij* ‘wide’, *bystryj* ‘fast’, *polnyj* ‘hollow’

b. Adjectives with stage-level meanings not sensitive to shape ($\alpha P4$):

lëgkij ‘light’, *mokryj* ‘wet’, *staryj* ‘old’ and *tëplyj* ‘warm’

c. Individual-level adjectives ($\alpha P5$):

čërnyj ‘black’, *russkij* ‘Russian’ and *železnyj* ‘ferrous’

It should be noted that the distinction between adjectives merged in $\alpha P-4$ and those merged in $\alpha P-5$ is not a distinction of gradability, as has been often suggested (cf. [Scott, 2002]), nor does it correspond to the distinction between *kačestvennye* vs. *otnositel'nye prilagatel'nye* (“quality vs. relative adjectives”), drawn by Russian grammars (cf. [Academy Grammar, 1980]). For instance, the category of *otnositel'nye prilagatel'nye* ‘relative adjectives’

in Russian includes not only such low α P-5 adjectives as those denoting material or origin (e.g., *derevjannyj jaščik* ‘a wooden box’, *gruzinskoe vino* ‘Georgian wine’), but also possessive adjectives which are structurally high, as discussed in Section 4 below (e.g., *olina kniga* ‘Olga’s book’). Furthermore, even though adjectives denoting color can form adverbs in *-o/-e* (e.g., *belo*), comparative and superlative forms (e.g., *belee* ‘whiter’, *belejšij* ‘whitest’) and adjectives with the suffix *-ovat* (e.g., *belovatyj* ‘whitish’), which can be attached only to gradable adjectives [Kagan, Alexeyenko, 2011], and are thus classified as both gradable and *kačestvennye prilagatel’nye* ‘quality adjectives), we classify them as belonging to the lowest category, structurally in α P-5, for reasons discussed in detail below.

Instead of relying on gradability or the morpho-semantic distinctions like the one underlying the distinction between *kačestvennye* (quality) vs. *otnositel’nye* (relative) adjectives, we propose that the relevant property that characterizes adjectives appearing in α P-5, as distinct from those appearing in α P-4, is their inherently Individual-level nature. As can be seen from (1), α P-5 appears below the StageP projection, the one in which the event argument of Stage-level predicates is introduced. As a result, adjectives that merge above this projection, for example in α P-4, are compatible with Stage-level interpretation (although this interpretation is not obligatory, since an event argument need not be introduced). In contrast, adjectives that merge in α P-5 appear too low in the structure to receive Stage-level readings: these adjectives apply to the property denoted by the NP irrespective to any particular stage, situation or event, and are thus interpreted as denoting permanent, inherent, essential, Individual-level properties.

One way to distinguish between Individual- and Stage-level properties/predicates in English is their grammaticality in existential constructions: only Stage-level properties/predicates are said to be possible [Kratzer, 1995]:

- (13) a. There are firemen available.
 b. *There are firemen altruistic.

Another test involves their grammaticality as secondary predicates: once again, only Stage-level properties/predicates are grammatical in such structures (cf. [Rapaport, 1991; McNally, 1993]):

- (14) a. I bought the dog sick.
 b. *I bought the dog intelligent.

When it comes to Russian, two tests emerge as distinguishing Individual vs. Stage-level properties/predicates. The first test involves the pronoun doubling in colloquial Russian. As has been shown by McCoy (1998), this construction is possible only with essential, Individual-level properties/predicates:

- (15) a. Moroženoe ono xolodnoe.
 ice-cream it.NOM cold
 ‘As for ice-cream, it is cold.’
- b. *Moroženoe ego Alla ljubit.
 ice-cream it.ACC Alla loves
 ‘As for ice cream, Alla loves it.’

The second test concerns the availability and use of short vs. long forms of adjectival predicates. As argued by Kagan and Alexeyenko (in progress), following traditional grammars, short forms typically denote Stage-level properties in the sense that they “denote properties that hold of an individual in a particular event/situation”, whereas (nominative) long forms “attribute a property to an individual without a dependence on a particular situation/event which typically results in an individual-level interpretation”.⁴ (But see e.g. Bailyn (1994) for a different approach and some counterexamples.) When it comes to instrumental long forms, they “are relativized to a temporal interval, [but] this interval can be equivalent to an individual’s lifetime, in which case the resulting meaning is close to that of an individual-level (nominative) predicate”. Crucially for our present purposes, short forms generally denote Stage-level properties; hence, if a given adjective does not have a short form, it is likely to denote an Individual-level property (except for a few rare cases of morphological gap in the paradigm).

With these tests in mind, we can now consider the categories of adjectives that occur, according to our analysis, in αP -5. Adjectives that are most clearly linked to this position are adjectives of material and origin, such as *železnyj* ‘ferrous’ and *rususkij* ‘Russian’. Both groups relate to properties that are generally conceptualized as permanent and inherent and that are not expected to change from situation to situation. In English, these types of adjectives are impossible in existential constructions (e.g., **There are chairs wooden* / **There are songs Russian*) and as secondary predicates (e.g., **I bought the chairs wooden* / **I heard the songs Russian*).

In (colloquial) Russian adjectives denoting material or origin can occur in the pronoun doubling construction, even in non-generic sentences:

- (16) a. Ètot ključ on železnyj.
 this key he.NOM ferrous
 ‘As for this key, it’s iron-made.’
- b. Vanja on russkij.
 Vanya he.NOM Russian
 ‘As for Vanya, he’s Russian.’

⁴ See Soschen (2001), Geist (2010) and references therein for a discussion of the relation between short and long forms of adjectives in Russian and the individual-/stage-level distinction.

Furthermore, the Individual-level nature of such adjectives in Russian is supported by the fact that they generally lack short forms. For example, adjectives such as *derevjannyj* ‘wooden’, *stekljannyj* ‘glass-made’, *mednyj* ‘brass-made’, *russkij* ‘Russian’, *amerikansky* ‘American’, *švedskij* ‘Swedish’, *brjussel’skij* ‘of Brussels’ all lack a short form (cf. [Sochen, 2001, p. 6; Timberlake, 2004, p. 290]), which points to their inherently Individual-level nature.

A somewhat less obvious case is posed by the third group of adjectives that occupy $\alpha P-5$, namely, adjectives denoting color. Whether these predicates are originally (unless coercion is involved) Individual-level or Stage-level may be subject to debate. We believe, however, the basic meaning is indeed Individual-level, which is why the adjectives pattern together with those of material and origin. Even though the color of certain objects may be changed either by external factors (e.g., *This chair was black but now it is red – we painted it*) or by internal factors (e.g., *This apple was green last week, but now it’s red – it’s ripened*), unless forced by such special context, color is perceived as an inherent property. For example, when a recipe calls for *green apples*, it is understood as calling for Granny Smith apples, not unripe Red Delicious or Gala apples. The idea is that even though color may in principle be changed, we do not typically conceptualize this property as one that changes from situation to situation and is therefore linked to a particular stage or eventuality. Furthermore, adjectives of color pattern with other Individual-level predicates in the existential sentence test: **There are chairs green* (cf. **There are chairs wooden*, vs. *There are chairs available*). Similarly, color is not good (unless coerced) as a secondary predicate: **I bought the dog brown* (cf. **I bought the dog intelligent*, vs. *I bought the dog sick*).⁵

Similarly, in Russian, adjectives denoting color can occur in the pronoun doubling construction, even in non-generic sentences (compare the sentence in (17a) with an adjective of color to the sentence in (17b) with an adjective of material):

(17) a.	Èto	moroženoe	ono	zelënoe.
	this	ice-cream	it.NOM	green
	‘As for this ice-cream, it is green.’			
b.	Èto	moroženoe	ono	fistaškovoe.
	this	ice-cream	it.NOM	of.pistachios
	‘As for this ice-cream, it is made from pistachios.’			

Furthermore, adjectives of color typically lack short forms. This is particularly true of descriptive color adjectives (i.e., those that are derived

⁵ On coercion from Individual- to Stage-level property, see Chierchia (1995: 177).

from the name of an object of that color); cf. [Sochen, 2001, p. 6–7]: there are no such short forms as **kremov* (from *kremovyi* ‘cream-colored’), **kofeen* (from *kofeinyi* ‘coffee-colored’, **šokoladen* (from *šokoladnyi* ‘chocolate-colored’), **persikov* (from *persikovyj* ‘peach-colored’). Even when it comes to abstract color terms, their use in short forms is limited to archaic meanings (e.g., *krasen* from *krasnyj* with the archaic meaning ‘beautiful’, not the modern meaning ‘red’) and archaic/poetic style, as in the example below from Marina Tsvetaeva’s poem:

- (18) *И плащ его – был – красен,*
 I plašč ego – byl – krasen,
 and cloak his was red.SHORT
И конь его – был – бел.
 I kon’ ego – byl – bel.
 and horse his was white.SHORT
 ‘And his cloak was red and his horse was white.’

Also, short forms of color adjectives may occur in the attributive position in idiomatic expressions, but these expressions are frozen relics of an earlier stages of Russian when short forms were not associated with Stage-level properties:

- (19) a. *krasna* devica
 red/beautiful.SHORT maiden
 ‘a beautiful maiden’
 b. *sred’ bela dnja*
 amidst white.SHORT day
 ‘in broad daylight’

Thus, we classify adjectives of color as belonging to the same category as those of material and origin, the category of Individual-level properties. These adjectives denote inherent characterizing properties that are Individual-level by default, unless coercion is involved. Therefore, they appear especially close to the NP and below the StageP projection.

Our division of noun-modifying adjectives into three large groups instead of a more fine-grained hierarchy is supported by the data concerning the strength of judgments regarding adjective orderings, as expressed by inter-speaker homogeneity of judgments (i.e., how little variation across speakers is found with respect to a given adjective pair). Having reanalyzed the data presented in Pereltsvaig (2007), we find that judgments regarding different adjective pairs vary in homogeneity. Some adjective pairs, such as in the phrase *staryj belyj taburet* ‘an old white

stool', present no problem to the speakers who select the same adjective ordering unanimously. In contrast, judgments for other pairs, such as *uzkij suxoj ovrag* 'a narrow dry ravine', are much more variable, with only 68% of speakers selecting the preferred order. Overall, pairs involving adjectives that would be merged in α_3 and α_5 , according to our proposal in (1), were judged most unanimously, with the average figure of judgment homogeneity being 95.6%. For pairs that involve adjectives from α_3 and α_4 , or from α_4 and α_5 , this figure is 83.3%. For pairs that involve adjectives that belong to the same group, according to our proposal, that is adjectives that are both merged in α_3 or in α_5 , the figure is merely 74% (there are no adjective pairs in Pereltsvaig's 2007 data that involve two α_4 -type adjectives). The unpublished follow-up study conducted by Pereltsvaig in 2008, enhanced by pictures (whose goal was to make sure that speakers interpret the adjectives in the most uniform fashion), came up with similar figures. The combined results from Pereltsvaig (2007) and the follow-up study (with 66 speakers total) are as follows: 91% for α_3 - α_5 adjective pairs, 79% for α_3 - α_4 and α_4 - α_5 adjective pairs, and 76% for α_3 - α_3 and α_5 - α_5 adjective pairs.

However, there are several problems with these two studies. First, some adjectives could be interpreted differently because of inherent lexical ambiguities; for example, *zdorovyj* (in *zdorovyj ryžij kot* 'a huge red cat') could be interpreted alternatively as 'huge' or 'healthy'. The classification of certain other adjectives adopted by Pereltsvaig (2007) is questionable as well: for instance, she classifies *blestjaščij* 'shiny' as Color and *drevnij* 'ancient' as Age (rather than Typing Attribute, the lowest category on her hierarchy). Many of these problematic examples are due to the fact that Pereltsvaig (2007) implements very strict measures to control for adjective frequencies. In particular, she selected adjectives with closely matching frequency: no more than 30 positions apart on [Sharoff, 2002] frequency ranking of 5,000 most frequent words, and no adjectives ranked in between the two adjectives selected as a pair to be tested. While controlling for frequency is necessary (e.g., [Scott, 2002] shows that adjective frequency in a corpus can affect its ordering), we felt that the measures implemented by Pereltsvaig (2007) were too strict and resulted in too many unnatural, ambiguous or difficult to process pairs.

In order to remedy these problems, we conducted a new follow-up study, using a different set of lexical materials. In particular, we implemented a different set of measures to control for the frequency of adjectives by using adjectives that are the most frequent in each meaning subcategory (size, length, etc.), according to Sharoff (2002) frequency dictionary of Russian. These adjectives are listed below:

- (20) a. $\alpha P3$:
malen'kij 'small', *dlinnyj* 'long', *vysokij* 'tall, high',
glubokij 'deep', *širokij* 'wide', *bystryj* 'fast', *polyj* 'hollow'
- b. $\alpha P4$:
lëgkij 'light', *mokryj* 'wet', *staryj* 'old' and *tëplyj* 'warm'
- c. $\alpha P5$:
čërnyj 'black', *ruskij* 'Russian' and *železnyj* 'ferrous'⁶

Six types of pairs have been tested: $\alpha 3$ – $\alpha 4$, $\alpha 3$ – $\alpha 5$, $\alpha 4$ – $\alpha 5$, $\alpha 3$ – $\alpha 3$, $\alpha 4$ – $\alpha 4$ and $\alpha 5$ – $\alpha 5$, with two examples of each type of pair (thus, the total 12 items were tested). The actual test items (in the expected order) are listed in (21) below. The types of pairs and the order in which the two alternative orders – the expected and the reverse orders – were presented have been randomized. Each adjective has been used in no more than three test items; all test items involved masculine gender.

(21) a. <i>vysokij staryj dom</i>	'a tall old house'	$\alpha 3$ – $\alpha 4$
b. <i>čërnyj železnyj šar</i>	'a black ferrous [i.e., iron] ball'	$\alpha 5$ – $\alpha 5$
c. <i>tëplyj ruskij platok</i>	'a warm Russian kerchief'	$\alpha 4$ – $\alpha 5$
d. <i>lëgkij mokryj plašč</i>	'a light wet cloak'	$\alpha 4$ – $\alpha 4$
e. <i>dlinnyj čërnyj xvost</i>	'a long black tail'	$\alpha 3$ – $\alpha 5$
f. <i>staryj čërnyj avtomobil'</i>	'an old black car'	$\alpha 4$ – $\alpha 5$
g. <i>glubokij širokij rov</i>	'a deep wide trench'	$\alpha 3$ – $\alpha 3$
h. <i>staryj tëplyj sviter</i>	'an old warm sweater'	$\alpha 4$ – $\alpha 4$
i. <i>dlinnyj tëplyj šarf</i>	'a long warm scarf'	$\alpha 3$ – $\alpha 4$
j. <i>malen'kij železnyj ključik</i>	'a small ferrous [i.e., iron] key'	$\alpha 3$ – $\alpha 5$
k. <i>železnyj ruskij krest</i>	'a ferrous [i.e., iron] Russian cross'	$\alpha 5$ – $\alpha 5$
l. <i>dlinnyj vysokij zabor</i>	'a long tall fence'	$\alpha 3$ – $\alpha 3$

Overall, 70 speakers participated in the study, giving us a total of 840 responses. These responses were coded according to whether they were in agreement with the expected order. For each tested pair, we calculated the percentages of speakers who preferred the expected order. Then, average percentage for each pair type, as well as for inter-type pairs (i.e., $\alpha 3$ – $\alpha 4$, $\alpha 3$ – $\alpha 5$ and $\alpha 4$ – $\alpha 5$) and intra-type pairs (i.e., $\alpha 3$ – $\alpha 3$, $\alpha 4$ – $\alpha 4$ and $\alpha 5$ – $\alpha 5$) was calculated. The results are as follows: for the inter-type pairs the average percentage of expected orders is 78.8%, whereas for intra-type pairs

⁶ *Zolotoj* 'golden' is more frequent than *železnyj* 'ferreous', but it is ambiguous between Color and Material interpretations.

the corresponding figure is 52.2%. In other words, speakers were much more in agreement regarding the pairs that involve adjectives from different types (i.e., according to our analysis, adjectives attaching at different levels of the structure) than regarding the pairs that involve adjectives of the same type. This is one measure of how strong and homogeneous the intuitions are.

Individual responses and speaker comments are also interesting. One thing to point out is the much higher frequency of “no preference” responses for intra-type pairs than for inter-type pairs. Such responses were particularly frequent for pairs (21g), (21h), (21k) and (21l). The pair in (21g) received 16 (23%) “no preference” responses (plus five additional speakers commented that their “preference is very slight”), and the pairs in (21h) and (21k) received 6 and 5 “no preference” responses, respectively. The pair in (21l) received only three “no preference” responses, but three additional speakers commented that their “preference is very slight”. Many speakers also commented that items (21g) and (21l) are better rephrased as coordinated phrases with either order of the adjectives (i.e., *glubokij i širokij rov* ‘deep and wide trench’ or *širokij i glubokij rov* ‘wide and deep trench’; *dlinnyj i vysokij zabor* ‘long and tall fence’ or *vysokij i dlinnyj zabor* ‘tall and long fence’). Of the inter-type pairs, only the item in (21i) received a significant number of “no preference” responses (five, to be precise); we are not sure why. Overall, however, it is the intra-type pairs that received the most variable responses and the highest number of “no preference” responses.

Conversely, the pairs with the highest percentage of responses preferring the expected order (i.e., pairs with the most homogeneous responses) were all inter-type pairs: (21e), (21f) and (21j), receiving 81%, 86% and 100%, respectively.

To summarize, our study shows that there is a clear difference between adjective pairs that involve two adjectives of the same type (i.e., intra-type pairs) and adjective pairs that involve adjectives of different types (i.e., inter-type pairs). The intuitions about adjective ordering are much stronger and more homogenous across speakers for inter-type pairs than for intra-type pairs. This strongly supports our division of adjectives into these three types.

4. *Poslednije*-Type Adjectives

In this section, we consider the adjectives of the so-called *poslednie*-type (cf. [Babby, 1987]), which precede quantifiers such as numerals and fulfill a special semantic function. Unlike the adjectives discussed in the previous section, they do not modify the property contributed by the NP, but rather provide information regarding the individuals referred to or quantified over by the DP. In the presence of such adjectives, the nominal expression cannot be interpreted as property-denoting; rather, it receives a referential

(or sometimes quantificational) status. It is important to note that we include in this group indefinite pronouns (e.g. *kakie-to*) and determiners (e.g. *èti*) that appear in a DP and exhibit adjective-like behavior in that they agree with the head noun in number and gender:

- (22) a. *poslednie* *pjat'* *knig*
 last five books.GEN
 'the last five books'
- b. *kakie-to* *desjat'* *podrozkov*
 some ten teenagers.GEN
 'some (unknown) ten teenagers'
- c. *èti* *šest'* *fil'mov*
 these six movies.GEN
 'these six movies'

In (22a), the adjective *poslednie* 'last' does not modify the kind of the books in question. Instead, it specifies which particular books the nominal refers to. In other words, its function is not to modify the property but to help identify the referent. It helps us choose, out of those entities that instantiate the property of being a book, the particular individuals referred to by the DP. The item *kakie-to* 'some' in (22b) contributes existential quantification over groups of ten teenagers and further makes sure that the speaker cannot identify the particular teenagers involved. In other words, it marks the referent as not speaker-identifiable (cf. [Kagan, 2011] for a detailed discussion of *-to* items). Once again, lack of identifiability is a characteristic of the referent, not part of the property denoted by the NP. Finally, the demonstrative *èti* 'these' in (22c) is an indexical expression that provides the nominal with a referential and definite status, making sure that its referent is familiar from the context (either physical or linguistic). Thus, in all these cases, the adjectives that precede the numeral provide information about the intended referent of the nominal, about the individuals that it picks up, and not about the property denoted by the NP.

Crucially, the referential interpretation of the nominal is not a mere by-product of the lexical meaning of the adjective. Rather, the structural position in which the adjective appears plays a crucial role in determining its meaning. Evidence for this claim comes from the fact that many adjectives can appear in different positions: either in the high position above the NumP ($\alpha P-1$) or lower in the structure below NumP (e.g., in $\alpha P-3$). In these cases, the interpretation of the adjective and of the nominal expression as a whole depends on the position of the adjective. Adjectives merged high – in $\alpha P-1$ – modify **individuals** rather than properties and thus indicate that the nominal

as a whole is either referential or quantificational in terms of its semantic type. In contrast, when the same adjectives are merged lower in the structure, they are interpreted as modifying the **property** denoted by the NP. This sometimes results in interesting shifts in the meaning of the adjective itself. In the following two subsections, we will illustrate this interaction between the syntactic position of the adjective and its interpretation with a number of examples. The contrast between the higher and the lower site will be determined by two factors: the position of the adjective relative to a numeral and its case form. Adjectives appearing in the higher site precede the numeral and exhibit nominative/accusative case (we will call the AP_{NOM/ACC}-Num order ‘the A-initial pattern’), whereas adjectives appearing in the lower site follow the numeral and appear in the genitive case, which is associated with the numeral (the Num-AP_{GEN} order will be referred to as ‘the Num-initial pattern’).⁷ Then, in Section 4.3 we show that when occurring in the lower position, the adjective does not rule out the option of the nominal as a whole receiving a property-type interpretation, but with adjectives occurring in αP -1, the nominal as a whole cannot be interpreted as denoting a property.

4.1. Referentiality

Appropriately, our first set of examples contains the adjective *pervyj* ‘first’. Consider the following pair of sentences:

- (23) a. Pervye pjat’ učitelej vyšli v final.
 first.NOM five teachers.GEN went-out to final
 ‘The first five teachers came through to the finals.’
- b. Pjat’ pervyx učitelej vyšli v final.
 five first.GEN teachers.GEN went-out to final
 ‘(The) five first teachers came through to the finals.’

When the adjective *pervyj* ‘first’ occurs in the higher position, above the numeral, its function is to make the referent of the nominal identifiable; as such, it makes the nominal as a whole referential. For instance, in order to figure out who came through to the finals according to (23a), one has to consider the first five teachers that participated in the contest, or the first five teachers in the row, etc., as should be specified by the context.

Interestingly, a different interpretation emerges if the adjective is merged in a lower position, to the right of the numeral, as in (23b). This sentence,

⁷ For the purposes of this discussion, we focus on nominals as they would appear in a structural case (nominative or accusative) position. If the nominal occurs in an oblique case position, pronominal adjectives appear in the relevant oblique case, regardless of their structural position (cf. [Babby, 1987; Bailyn, 2004], and the discussion in Section 5 below).

unlike (23a), receives the meaning in which *pervyje* ‘first’ does not affect the referentiality of the nominal, but rather determines the nature of the kind of teacher involved. This sentence can be uttered, for example, if people nominate for participation in the contest their first teachers (each person nominates the first individual who taught him or her at school). In this case, we deal with a contest in which *first teachers* participate. The sentence (23b) asserts that five participants came through to the finals. Here, the adjective *pervyx* ‘first’ modifies the property denoted by the NP, rather than relating to particular instantiations of this property. The individuals instantiate the property ‘first teacher’, and not merely the property ‘teacher’. Except for being characterized by this property, the individuals need not be first in sequence in any other sense (e.g., first to make it through to the finals, first in a row, etc.). For instance, they could be the last participants on the list. Such a meaning can even be expressed in a phrase like (24a), in which the items *pervyx* ‘first’ and *poslednie* ‘last’ are perfectly compatible since the former modifies the property and the latter helps to identify specific instantiations of the property.⁸ Note that (24b) with the A-initial pattern cannot receive the corresponding reading, and in fact is ungrammatical.

- (24) a. *poslednie* *pjat'* *pervyx* *učitelej*
 last.NOM five first.GEN teachers.GEN
 ‘the last five first teachers’
- b. **poslednie* *pervye* *pjat'* *učitelej*
 last.NOM first.NOM five teachers.GEN

Our next example is provided by what we may call *specificity markers*, that is items that when occupying the high position, mark the nominals as either specific or non-specific. To illustrate, consider the minimal context in (25), discussed by Pereltsvaig (2006a):

- (25) V Mariinskom teatre tancevali...
 In the Mariinsky Theatre danced
- a. ...*opredelënnnye* *pjat'* *balerin*.
 certain.NOM five ballerinas.GEN
 ‘A certain five ballerinas danced in the Mariinsky Theatre.’
- b. ...*pjat'* *opredelënnnyx* *balerin*.
 five certain.GEN ballerinas.GEN
 ‘In the Mariinsky Theatre danced five ballerinas of a certain kind.’

⁸ Moreover, even the following phrase is acceptable in an appropriate context:

- (i) *pervye* *pjat'* *pervyx* *učitelej*
 first.NOM five first.GEN teachers.GEN
 ‘the first five first teachers’

In (25a), the nominal receives a specific interpretation and is understood to refer to a particular set of ballerinas. The adjective *opredelënyye* ‘certain, particular’ affects the referentiality status of the whole nominal, making sure that it refers to a specific group of individuals. In turn, as pointed out by Pereltsvaig, (25b) relates to five ballerinas of **a certain kind**. Once the adjective occupies a lower position, it applies to the property denoted by the head noun.

Demonstratives provide another interesting case to consider:

- (26) a. èti pjat’ mašin
 these.NOM five cars
 ‘these five cars’
- b. pjat’ ètix mašin
 five these.GEN cars
 ‘five of these cars’
 ‘five cars of this kind’

The A-initial order illustrated in (26a) is semantically unmarked, in the sense that here we receive the typical meaning associated with a demonstrative: the phrase refers to a group of individuals that are familiar from either linguistic or physical context. In turn, (26b) is interpreted differently. One interpretation that it may have is a partitive interpretation ‘five of these cars’. To distinguish the demonstrative and the partitive reading, imagine a manager of a car dealership giving instructions to a salesperson to sell (26a) or (26b): in the former case, the manager has to point out the specific five cars in the lot and the salesperson is required to sell the five cars pointed out by the manager. But if the instruction are to sell (26b), the manager must point out a larger number of cars on the lot (i.e., more than five), and the salesperson is required to see some five cars out of that larger set.

But (26b) may also have a different meaning, according to which the demonstrative applies to some **property** of cars involved, rather than to the specific set of cars. This meaning is comparable to that of ‘five such cars’ or ‘five cars of this type’. The relevant type of cars must be familiar from the context, but not necessarily a set of the particular cars involved. In fact, the phrase as a whole need not be interpreted as definite or even specific. The latter use of a demonstrative is illustrated in (27):

- (27) Vsego za vojnu VVS SŠA poterjali
 all.in.all during war Air.Force USA lost
 pjat’ ètix mašin...
 five these.GEN vehicles.GEN
 ‘All in all, during the war, US Air Force lost five vehicles of this kind.’⁹

⁹ http://fictionbook.ru/author/maksim_kalashnikov/kreshenie_ognem_vyuga_v_pustiyne/read_online.html?page=7

The generalization appears to be the following: under the Num-initial pattern, demonstratives and specificity markers apply to the property denoted by the NP. But under the A-initial pattern, these items relate to specific individuals that instantiate that property.

Also, a similar kind of behavior is exhibited by a number of indefinite pronouns. For instance, consider the pronoun *kakoj-to* ‘some’. As a rule, such pronouns appear phrase-initially, mark the nominal as indefinite and provide information regarding the speaker’s knowledge about the referent (namely, that the referent cannot be identified by the speaker). Thus, the phrase in (28a) can be used to relate to five ballerinas that are not known to the speaker. But an alternative order, as in (28b), is possible too. This phrase is most likely to be interpreted as ‘five ballerinas of some type’, where the speaker does not know which type of ballerinas exactly the women instantiate.

- (28) a. *kakie-to* *pjat’* *balerin*
 some.NOM *five* *ballerinas.GEN*
 ‘some five ballerinas’
- b. *pjat’* *kakix-to* *balerin*
 five *some.GEN* *ballerinas.GEN*
 ‘five ballerinas of some kind’

Our next example, appropriately, involves the adjective *sledujuščij* ‘next’. As with the adjectives considered above, *sledujuščij* ‘next’ may occur either before or after a numeral, with the different case marking.

- (29) a. *sledujuščie* *pjat’* *knig*
 next.NOM *five* *books.GEN*
 ‘the following five books’
- b. *pjat’* *sledujuščix* *knig*
 five *next.GEN* *books.GEN*
 ‘five of the/some following books’

This example is somewhat different from what we have discussed above. Both orders are acceptable. As expected from our discussion of similar examples so far, the adjective in (29b) can be understood as property-modifying, in the sense that the entities instantiate the property of being a book that comes later in some ordering than a certain contextually specified book (e.g., was written later or stands on the shelf after some contextually specified book). The phrase is definitely not exhaustive; see discussion of exhaustivity in the next subsection. Also as expected, the phrase with the A-initial pattern in (29a) can be interpreted as meaning ‘the next five books’, but it can also have the interpretation in which the list of books is to be provided after the phrase. In such cases, the adjective is cataphoric, and the nominal has to be interpreted referentially.

- (30) Interes predstavljajut sledujušče pjat' knjig:
 interest present.3.PL following.NOM five books.GEN:
 "Emma", "Gordost' i predubeždenije", "Oliver Twist",
Emma, Pride and Prejudice, Oliver Twist,
 "Mol' Flanders" i "Alice v strane čudes".
Moll Flanders and Alice in Wonderland.
 'The following five books are of interest: *Emma,*
Pride and Prejudice, Oliver Twist, Moll Flanders
and Alice in Wonderland.'

Of course, under the cataphoric use, the adjective cannot be interpreted as applying to the property. Rather, its use is purely referential. Non-surprisingly, such an interpretation is possible only under the A-initial order.

The facts are rather similar with the adjective *takoj* 'such', which can also receive a cataphoric reading, but only if it appears in the higher position. Both (31a) and (31b) may mean 'two such textbooks', although under this interpretation, (31b) is somewhat more natural.

- (31) a. *takie* dva učebnika
 such.NOM two textbooks.GEN
 b. dva *takix* učebnika
 two such.GEN textbooks.GEN

Interestingly, even under the 'such' reading, the two phrases do differ. The phrase in (31b) may relate either to the subject of the textbooks (e.g. such textbooks = textbooks of physics) or to less inherent properties (e.g. such textbooks = old and dirty textbooks), but the phrase in (31a) cannot refer to the subject of the textbook. For example, (31b) but not (31a) can serve as a natural continuation for *Nam očen' nužny učebniki po semantike. My kupili...* 'We really need textbooks in semantics. We bought...'. Our explanation for this fact is as follows: in (31a) *takie* 'such' is merged outside the NP too high to be interpretable as the argument of *učebnik* 'textbook', while in (31b) *takie* 'such' is low enough to be interpretable as referring to the argument of 'textbook'.

Furthermore, (31a) is much more appropriate than (31b) in cataphoric cases like (32), where the nominal is followed by the list of textbooks, and *takie* is interpreted as 'the following':

- (32) Byli kupleny *takie* dva učebnika:
 were bought such.NOM two textbooks.GEN
 "Vvedenie v semantiku" i "Osnovy sintaksičeskogo analiza"
Introduction to Semantics and Basics Syntactic Analysis
 'The following two textbooks were bought: *Introduction*
to Semantics and The Basics of Syntactic Analysis.'

Again, the cataphoric meaning, which forces a referential interpretation of the nominal, is only available under the A-initial pattern.

Our final example involves the adjective *redkij* 'rare' and its interpretational properties. As a rule, this adjective modifies the property denoted by the noun and, thus, appears under the Num-initial pattern (33a). However, the alternative A-Num order is possible as well, which results in an interesting shift in the interpretation:

- (33) a. Pjat' redkix životnyx pereplyvut ètu reku.
 five rare.GEN animals.GEN will-swim-across this river
 'Five rare animals can swim across this river.'
- b. Redkie pjat' životnyx pereplyvut ètu reku.
 rare.NOM five animals.GEN will-swim-across this river
 ≈ 'It's difficult to find five animals that are able to swim across this river.'

The sentence in (33a) asserts that five rare animals, i.e. five animals of rare species, will cross the river, whereas the sentence in (33b) involves a totally different claim. Roughly, the latter sentence asserts that there exist few (if any) groups of five animals that are able to cross the river. Such animals may not exist at all; if they exist, they need not be of rare kinds.¹⁰ Thus, while in (33a) the adjective modifies the kind, in (33b), it relates to instances of the kind (we may say that it essentially quantifies over five-member sets of such instances, specifying that there are few such sets).

On the basis of the data discussed above, the following conclusions can be drawn. First, we have shown that a range of adjectives can appear in two distinct positions, above or below NumP. Second, the interpretation of such adjectives depends on the structural position they occupy. Third and final, the position located above NumP is associated with the referentiality status of the nominal; adjectives that appear in this position describe not the property but rather the individual instantiations that the nominal refers to.

The last point is especially important. It reveals that in Russian, there is a structural position within nominal expressions that appears above NumP

¹⁰ Compare to the quote from Nikolai Gogol's *Večera na xutore bliz Dikan'ki*, praising the width of Dnieper:

(i) <i>Редкая</i>	<i>птица</i>	<i>долетит</i>	<i>до</i>	<i>середины</i>	<i>Днепра.</i>
Redkaja	ptica	doletit	do	serediny	Dnepra.
rare	bird	will-fly.PERF	to	middle	Dnieper.GEN
<i>Пышный!</i>	<i>Ему</i>	<i>нет</i>	<i>равной</i>	<i>реки</i>	<i>в</i>
Rušnyj!	Emu	net	ravnoj	reki	v
Magnificent	to-it	there-is-no	equal	river	in

'Hardly any bird could fly to the middle of the Dnieper. Magnificent! It has no equal river in the world.'

and is responsible for referential interpretation. This position makes sure that the nominal is not interpreted as a property (type $\langle e, t \rangle$), but rather as an individual ($\langle e \rangle$) or a quantifier ($\langle \langle e, t \rangle, t \rangle$). Of course, this is exactly what characterizes the DP projection. Thus, the data provided above constitute evidence for the existence of the DP projection in Russian.

4.2. Exhaustivity

We claim above that even an article-less language like Russian has a DP projection and that this is the projection crucial to the referential interpretation of *poslednie*-type adjectives, which are merged in an αP immediately above the DP. These claims are further buttressed by the data involving exhaustivity inferences that depend on the position of possessive phrases. Like other examples of *poslednie*-type adjectives discussed in the preceding subsection, possessive adjectives (e.g., *diminy* ‘Dima’s’) and possessive pronouns (e.g., *moi* ‘my’) too can appear either above or below a numeral. If they appear above a numeral, the phrase receives an exhaustive interpretation, which is associated with definiteness and with the DP projection (cf. [Zamparelli, 2000]). In contrast, when a possessor appears below NumP, exhaustivity is absent. These facts constitute further evidence that the high position in which adjectives can appear is located in the DP field.

To illustrate, consider the following contrast:

- (34) a. *pjat'* *diminyx* *knig*
 five Dima's.GEN books
- b. *diminy* *pjat'* *knig*
 Dima's.NOM five books
 both: ‘Dima’s five books’

Normally, possessive adjectives such as *diminy* ‘Dima’s’ appear to the right of the numeral, as in (34a), and in such cases, exhaustivity is absent. However, they may also appear phrase-initially, to the left of the numeral, in which case the exhaustivity interpretation emerges. Thus, (34b) presupposes that Dima has exactly five books, whereas (34a) does not carry such a presupposition.¹¹

The facts concerning demonstratives are actually similar:

- (35) a. *èti* *pjat'* *mašin*
 these.NOM five cars
 ‘these five cars’

¹¹ Partee (2006) notes in passing that possessives in Russian do not carry an exhaustivity presupposition and in that pattern with Mandarin Chinese, rather than English. Phrases like (34b) constitute counterexamples to this generalization. Plausibly her generalization is based on examples with the number-initial pattern, such as (34a).

- (35) b. *pjat'* *ètix* *mašin*
 five *these.GEN* *cars*
 ‘five of these cars’
 ‘five cars of this kind’

The phrase in (35a), in which the demonstrative appears above NumP, is exhaustive: it presupposes that there exist exactly five relevant cars. This, we propose, results from the fact that the demonstrative appears in the DP area. In contrast, (35b) does not involve exhaustivity, since here, the demonstrative appears below NumP (and is thus not in, or immediately above, the DP).

4.3. Adjectives in Small Nominals

If *poslednie*-type adjectives are merged in the functional projection above the DP, we predict that they should not be grammatical in nominals that lack the higher levels of the functional architecture, specifically the DP. In other words, we predict that high adjectives considered in this section are ungrammatical in Small Nominals [Pereltsvaig, 2006a; Kagan, Pereltsvaig, 2011]. The prediction is borne out. For instance, Kagan and Pereltsvaig (2011) argue that genitive complements of intensive reflexive verbs in Russian (verbs that contain the prefix *na-* and the suffix *-sja*) are Small Nominals which lack the DP and even the NumP projections. For instance, this view is supported by the fact that the nominals in question cannot contain numerals and other quantifying expressions.

- (36) **Ja najelas'* *pjati* / *džužiny* *kotlet.*
 I *na-ate-sja* *five.GEN* *dozen.GEN* *burgers.GEN*
 intended: ‘I ate my fill of five / a dozen burgers.’
 [Kagan, Pereltsvaig, 2011, p. 223]

Crucially for our purposes, genitive complements of intensive reflexives cannot contain high adjectives. Within these genitive nominals, such adjectives are either ruled out completely or, if accepted, receive the property-modifying interpretation that is associated with lower positions.

- (37) a. *Ja načitalas'* *takix* *učebnikov.*
 I *na-read-sja* *such.GEN* *textbooks.GEN*
 ‘I have read my fill of such textbooks.’
 b. *Maša nasmotrelas'* *ètix* *fil'mov.*
 Masha na-watched-sja *such.GEN* *films.GEN*
 ‘Masha has watched her fill of such films.’
 c. *Lena najelas'* *redkix* *konfet.*
 Lena na-ate-sja *rare.GEN* *sweets.GEN*
 ‘Lena has eaten her fill of a rare type of sweets.’

Specifically, *takix* in (37a) can only relate to the type of textbooks involved. For instance, the sentence may mean, depending on the context, that the speaker has had enough of reading textbooks written by non-professionals or textbooks that are not reader-friendly. Furthermore, *takix* ‘such’ may be interpreted as referring to the subject-matter of the textbooks the speaker has had enough of: for example, the speaker has had enough of reading textbooks in physics. Recall from our earlier discussion that this interpretation is possible only if *takix* ‘such’ is merged low enough to be interpretable as an argument of *učebnikov* ‘textbooks.’ However, *takix* ‘such’ in (37a) cannot receive a cataphoric reading, which is associated with a referential interpretation and signals the presence of a DP projection:

- (38) *Ja načitalas’ takix knig:
 I *na-read-sja* such.GEN books.GEN
 “Vojna i mir”, “Idiot” i t.d.
 War and Peace *Idiot* etc.
 intended: ‘I have read my fill of such books as the following:
 War and Peace, Idiot, etc.’

Analogously, the demonstrative *ètix* ‘these’ in (37b) relates to the kind of movies involved. The object is interpreted as ‘such movies’ or ‘movies of this type’. It cannot be used to refer to a particular set of movies that has been previously mentioned in the discourse. Finally, (37c) asserts that Lena has eaten a fair amount of a rare type of sweets. It cannot mean that it is difficult to find sweets that Lena has eaten in a sufficient quantity. In other words, the adjective *redkix* modifies the property-denoting noun, rather than quantifying over objects.

The sentences in (37) above show that even *poslednie*-type adjectives are forced to receive property-related meanings that have been shown above to arise in lower positions. This is to be expected if, as we argue, the referential and quantificational meanings of such adjectives only arise when they are merged above the DP projection, which is absent in Small Nominals such as the genitive complements of intensive reflexives. If a given adjective can only receive the “high”, referentiality-oriented interpretation, due to its lexical properties or to the context in which it appears, it is incompatible with Small Nominals:

- (39) *Ja naelas’ {ostal’nyx /sledujuščix /pervyx /dannyx}
 I *na-ate-sja* {remaining /following /first /given}
 kotlet.
 burgers
 intended: ‘I ate my fill of the {remaining/following/first/given}
 burgers.’ [Kagan, Pereltsvaig, 2011, p. 223]

To sum up, the fact that *poslednie*-type adjectives are attached at the DP-level is supported by their incompatibility with Small Nominals, in which this projection is absent.

Of course, these facts also leave open the possibility that the adjectives appear lower than the DP and are merged immediately above the NumP projection, which is absent from these nominals as well. However, there are two reasons to reject this alternative. Firstly, the referentiality-oriented interpretation of numerous *poslednie*-type adjectives makes them more naturally associated with DP than with NumP. Secondly and most importantly, the alternative analysis is ruled out by the fact that there is another type of adjectives (*dobryx*-type) that are merged between the DP and NumP projections (cf. position $\alpha P-2$ in our tree in (1) above). These adjectives are discussed in the following section.

5. *Dobryx*-type adjectives

As we show in the preceding section, adjectives do not always modify the noun itself (contra [Rijkhof, 2002], who places adjectives in the innermost (Quality) layer). Quite the contrary, adjectives may modify not only the property denoted by the noun itself or its projection NP, but also provide additional referential information about the individual denoted by the DP as a whole. In this section, we consider yet another type of adjectives in Russian, which modify (or express speaker's evaluation) of the quantity denoted by the NumP. This type of adjective has been identified by Babby (1987); following Babby's work and Pereltsvaig (2011), we will refer to these adjectives as the *dobryx*-type adjectives. In addition to *dobryx* 'good', this relatively small class of adjectives includes *celyx* 'whole', *dolnix* 'long', *kakix-nibud* 'some/any', *nepolnix* 'incomplete' and a few others.

In terms of their position, such adjectives appear before numerals (and other quantity expressions), as shown in (40) below.

- (40) a. **celyx** tridcat' svobodnyx dnei
 whole thirty free days
 'a whole thirty free days' [Babby, 1987, p. 121]
- b. ...otnositel'no nedavno otkryto **celyx** do figa peščer
 relatively recently discovered whole to fig caves
 'Relatively recently, a whole lot of caves has been discovered (there).'¹²

¹² <http://cml.happy.kiev.ua/cgi-bin/cml.cgi?num=12376>

Note that those adjectives among the *dobryx*-type that can occur both above and below numerals have different meaning, depending on the position:

- (41) a. *celyx desjat' celyx butylok*
 whole ten whole bottles
 'a whopping ten unbroken bottles'
- b. On soveršil dobryx desjat' dobryx del.
 he committed good ten good deeds
 'He committed a whopping ten kind deeds.'

It can be seen that when the adjectives appear in the higher position (according to our analysis, $\alpha P-2$; cf. (1) above), they relate to the quantity denoted by the quantifier. In particular, they express the speaker's evaluation of this quantity, generally either as impressively high or as relatively low. Importantly, the adjectives, when they appear to the left of the numeral, do not modify the noun and contribute no information about the property denoted by the NP. Thus, both *desjat' butylok* 'ten bottles' and *celyx desjat' butylok* 'a whopping ten bottles' contribute exactly the same property of being a bottle. In contrast, when the same adjective appears in a lower position, it does affect the property contributed by the nominal (but provides no evaluation of the quantity). Thus, the phrase *desjat' celyx butylok* 'ten unbroken bottles' involves the property of being an unbroken bottle. Once again, we see that the interpretation of the adjective and its domain of modification depends in a crucial way on the syntactic position it occupies. In this section, we concentrate on the higher position available to *dobryx*-type adjectives, which is located above the numeral and in which, a quantity-related evaluative meaning is triggered.

5.1. *Dobryx*-type adjectives: Syntactic analysis

Our proposal is that these adjectives are merged in $\alpha P-2$, that is above NumP but below the level of DP (and consequently, below the level of the *poslednie*-type adjectives, discussed in the preceding section). That the *dobryx*-type adjectives are merged below the *poslednie*-type is confirmed by their relative ordering:

- (42) *poslednie celyx sem' let otdany*
 last whole seven years given
polnometražnomy xudožestvennomu fil'mu
 [feature-length fiction film].DAT
 'The last whole seven years have been dedicated to a feature-length fiction film.'¹³

¹³ http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/2009/133/nov_2009_133_07.htm

Note that *dobryx*-type adjectives do not affect the referentiality status of the DP (unlike the *poslednie*-type adjectives), nor do they modify the property contributed by the nominal (unlike the lower adjectives that appear to the left of the numeral; cf. Section 3). Instead, they apply to the quantificational meaning component. This is captured under our analysis by the fact that they occupy a special syntactic position, which differs from those of all the other adjectives. The *dobryx*-type adjectives appear below the DP level, and thus too low to affect referentiality. Rather, they are merged in the α P immediately above NumP, which results in their quantity-related interpretation.

A further support for our analysis comes from a negative demonstration: we show in the next subsection that an alternative analysis that places *dobryx*-type adjectives closer to the numeral that they modify is not validated by the data.

5.2. *Dobryx*-type adjectives: An alternative analysis (to be rejected)

According to Babby's (1987, p. 122) original analysis of *dobryx*-type adjectives, they must occur closer to the numeral that they modify. Unfortunately, his analysis cannot be easily restated in contemporary X'-theoretic terms, but one way to implement his general idea would be to place *dobryx*-type adjectives in the specifier of the functional projection in which the numeral itself appears (or in the specifier of the quantity-expressing PP, such as *do figa* 'lots' in (40b) above). In what follows we provide evidence against this alternative analysis and ultimately reject it in favor of the analysis outlined in (1) above.

But before we proceed, it is crucial to consider the question of where the numeral itself is. According to the dual analysis of Bailyn (2004) and Pereltsvaig (2006b), the position of the numeral depends on the case marking pattern: in Babby's (1987) heterogeneous case pattern, that is if the noun phrase as a whole appears in a structural case position (i.e., nominative or accusative case), the numeral is argued to appear in the specifier of NumP, whereas in Babby's homogeneous case pattern, that is if the noun phrase as a whole appears in an oblique case position (e.g., dative, genitive, instrumental or prepositional case), the numeral is argued to appear in the head of NumP. One piece of evidence for this dual analysis involves the distribution of phrasal quantity expressions such as the PP *do figa* 'lots': it can occur only in the heterogeneous case pattern illustrated in (43a) and not in the homogeneous case pattern, illustrated in (43b). Since this quantity expression is phrasal it cannot appear in those structures where the corresponding numeral would occur in the head position.

- (43) a. Bond vypil {pjat' / do figa} koktejlj.
 Bond drank-up five.ACC / to fig} cocktails.GEN
 'Bond drank up {5 / a lot of} cocktails.'
- b. Bond napilsja {pjat'ju /* do figa} koktejljami.
 Bond got-drunk five.INSTR /* to fig} cocktails.INSTR
 'Bond got drunk from {5 / a lot of} cocktails.'

As shown below, *dobryx*-type adjectives are possible in both case patterns:

- (44) a. Artisty polučili celyx desjat' nagrad.
 Actors received whole.GEN ten.ACC rewards.GEN
 'The actors received a whole ten rewards.'
- b. Artisty byli premirovany celymi desjatju
 Actors were prized whole.INSTR ten.INSTR
 nagradami.
 rewards.INSTR
 'The actors received a whole ten rewards.'¹⁴

On the alternative analysis, which we will ultimately reject below, the examples in (44) will be analyzed as follows: in the homogeneous case pattern in (44b), the numeral is in the Num^o and *celyx* 'whole' can be taken to be in the Spec-NumP. The structure for (44a) is a bit more complicated: here, the adjective is in the specifier of a phrasal category QP headed by the numeral and the QP is in the specifier of NumP; the Num^o itself is empty (as shown by Pereltsvaig 2006b, this empty Num^o serves as an intermediate landing site for Approximative Inversion, which is possible in the heterogeneous case pattern but not in the homogeneous case pattern). These alternatives are schematized below:

- (45) a. Homogeneous case pattern b. Heterogeneous case pattern
- NumP

```

      graph TD
        NumP --> celyx["celyx  
'whole'"]
        NumP --> Numo["Num°"]
        Numo --> desjatju["desjatju  
'10'"]
        Numo --> dots["..."]
      
```

NumP

```

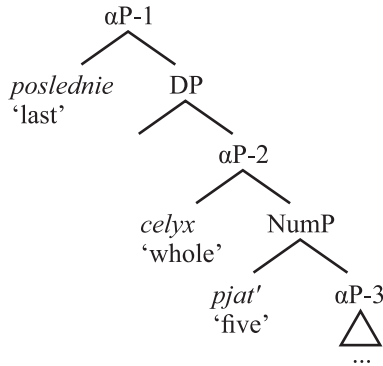
      graph TD
        NumP --> QP
        NumP --> NP
        QP --> celyx["celyx  
'whole'"]
        QP --> Qo["Q°"]
        Qo --> desjat["desjat'  
'10'"]
        NP --> Numo["Num°  
∅"]
        NP --> NP2["NP"]
      
```

Although the structures in (45) seem to represent better Babby's original insight that *celyx* 'whole' modifies the numeral only, we argue that

¹⁴ <http://www.liveinternet.ru/community/a1tv/post55449883/page1.html>

the structure we proposed in (1) above – the relevant portion of this structure is repeated in (46) below – is the correct one.

(46)

The argument in favor of (46) over the alternatives in (45) comes from the data involving the so-called Approximative Inversion and the optional numeral classifiers (such as *štuk* 'items'; cf. Section 2 above). The Approximative Inversion is a process which creates an approximative meaning by inverting the highest nominal element around the numeral; this highest nominal element can be any element with nominal morphology: a numeral classifier, as in the examples below; a measure or container noun; or a lexical head of the noun phrase itself (see Pereltsvaig 2006b for a more detailed discussion of Approximative Inversion in Russian). The simplest case of Approximative Inversion inverts the noun around the numeral:

- (47) a. sto karandašej
100 pencils.GEN
'a hundred pencils'
- b. karandašej sto
pencils.GEN 100
'approximately a hundred pencils'

If an optional numeral classifier like *štuk* 'items' is present, the Approximative Inversion will invert the classifier rather than the noun around the numeral.

- (48) a. sto (štuk) karandašej
100 items.GEN pencils.GEN
'a hundred pencils'
- b. štuk sto karandašej
items.GEN 100 pencils.GEN
'approximately a hundred pencils'

- (48) c. *karandašej sto štuk
 pencils.GEN 100 items.GEN

Given the three-way distinction we adopt between numeral, sortal and noun classifiers (see Section 2 above), we take the classifier *štuk* 'items' to be merged in UnitP (tucked between NumP and CIP). Also, we follow Pereltsvaig's (2006b) analysis of Approximative Inversion as Head Movement into Evid° (i.e., the head of the EvidP, an optional projection merged inside DP, immediately above NumP). Now we have all the pieces in place and are ready to consider what happens in cases of Approximative Inversion of the classifier *štuk* 'items' in the presence of a *dobryx*-type adjective. Since the numeral classifier is the highest nominal element (as discussed immediately above), it will be the nominal element to invert around the numeral. But where does it land? It turns out that the landing site for *štuk* 'items' is between the *dobryx*-type adjective and the numeral rather than above the adjective:

- (49) a. ***štuk** dobryx sto karandašej
 items.GEN good.GEN 100 pencils.GEN
 b. dobryx **štuk** sto karandašej
 good.GEN items.GEN 100 pencils.GEN
 'approximately a good hundred pencils'

Additional naturally occurring examples are provided below:

- (50) a. dobryx **štuk** dvadcat' pisem
 good.GEN items.GEN 20 letters.GEN
 ot svoej pervoj nastojaščeј
 from self's first true
 i nežnoj ljubvi
 and tender love
 'approximately a good 20 letters from my first true
 and tender love'¹⁵
 b. dobryx **štuk** desjat' opernyx teatrov
 good.GEN items.GEN 10 opera(A).GEN theaters.GEN
 'approximately a good 10 opera theaters'¹⁶
 c. dobryx **štuk** tridcat' drugix kanalov
 good.GEN items.GEN 30 other.GEN channels.GEN
 'approximately a good 30 other channels'¹⁷

¹⁵ <http://askrin.livejournal.com/7253.html>

¹⁶ <http://forum.vg.co.ua/viewtopic.php?p=2676&sid=c45d935999cb4d92de6d1b28d41cf6ee>

¹⁷ <http://www.forum.vn.ua/archive/index.php/t-782.html>

The alternative analyses schematized in (45) provide no room for the classifier *štuk* 'items' to land: since on these analyses the *dobryx*-type adjective is merged in the specifier of the projection headed by the numeral, there is no room between the adjective and the numeral where another functional projection (i.e., EvidP) can be tucked in. According to the analysis we propose in (46), the EvidP must be merged between αP -2 and NumP.

6. Conclusion

To sum up, in this paper, we have investigated syntactic and semantic properties of prenominal adjectival modifiers, focusing on Russian facts. We have argued that prenominal adjectives may appear in six distinct structural positions, and that each position correlates with certain semantic (and in some cases pragmatic) properties. The internal functional structure of a DP that we have assumed for this purpose consists of projections that are, crucially, independently motivated and used to account for additional phenomena in different languages. We have demonstrated that the syntax-semantics interface plays an important part in the behavior of prenominal adjectives. The semantics of an adjective correlates with the structural position it occupies; further, numerous adjectives can appear in more than one position, in which case the syntactic position of an adjective determines the way in which it gets interpreted. In other words, the semantic contribution of an adjective is often determined not only by its lexical meaning but also on the basis of the syntactic position it occupies.

The present investigation has consequences for a number of additional phenomena, independently discussed in the linguistic literature. Firstly, the syntactic-semantic properties of *poslednije*-type adjectives provide evidence in favor of the existence of the DP projection in an article-less language like Russian, an issue that has received a considerable attention in the recent years (see [Zlatić, 1997; Progovac, 1998; Willim, 1998, 2000; Leko, 1999; Rappaport, 2001; Franks, Pereltsvaig, 2004; Trenkic, 2004; Bošković, 2005, 2008, 2009, 2010; Pereltsvaig, 2006a, 2007, 2008; Lutikova, 2010; Bošković, Gajewski, 2011], *inter alia*). A second and partially related fact is that possessive expressions in Russian do contribute an exhaustivity presupposition, contrary to what has been believed previously, although the presupposition only arises in a certain syntactic configuration. These facts suggest that Russian is much more similar to a language with articles like English than it may superficially seem to be. Thirdly, we argued, contrary to Aikhenvald (2000), that Russian has numeral classifiers, which occupy the same position as numeral classifiers in other languages do. While the use of classifiers in Russian is relatively restricted and the classifier system of this language is not very rich,

the facts discussed in Section 2 point to certain similarities between Russian and the more classical classifier languages. This way, the investigation of adjectival syntax and semantics reveals a number of cross-linguistic patterns that plausibly point to universal principles governing languages with superficially different properties.

References

- Abney, 1987 – Abney S.P. The English noun phrase and its sentential aspect. Ph.D. diss. MIT, 1987
- Academy Grammar, 1980 – Академическая грамматика русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980. [Akademicheskaya grammatika russkogo yazyka [Academy Grammar of the Russian language]. N.Yu. Shvedova (ed.). Moscow, 1980.]
- Aikhenvald, 2000 – Aikhenvald A. Classifiers: A typology of noun categorization devices. Oxford, 2000.
- Babby, 1987 – Babby L.H. Case, prequantifiers, and discontinuous agreement in Russian. *Natural Language and Linguistic Theory*. 1987. № 5(1). Pp. 91–138.
- Bailyn, 1994 – Bailyn J.F. The syntax and semantics of Russian long and short adjectives: An X'-theoretic account. *Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics. The Ann Arbor Meeting*. J. Toman (ed.). Ann Arbor, 1994. Pp. 1–30.
- Bailyn, 2004 – Bailyn J.F. The case of Q. *Proceedings of FASL 12. The Ottawa Meeting 2003*. O. Arnaudova, W. Browne, M.L. Rivero, D. Stojanovic (eds.). Ann Arbor, MI, 2004. Pp. 1–36.
- Baker, 2003 – Baker M.C. Lexical Categories. Verbs, Nouns, and Adjectives. Cambridge, UK, 2003.
- Barcott, 2011 – Barcott B. Land of the Spirit Bear. *National Geographic*. 2011. August. Pp. 34–53.
- Borer, 2005 – Borer H. Structuring Sense. An exo-skeletal trilogy. Vol. 2: The Normal Course of Events. Oxford, 2005.
- Boškoviš, 2005 – Boškoviš Ž. On the locality of left branch extraction and the Structure of NP. *Studia Linguistica*. 2005. № 59 (1). Pp. 1–45.
- Boškoviš, 2008 – Boškoviš Ž. What will you have, DP or NP? *Proceedings of the 37th Annual Meeting of the North East Linguistic Society*. Elfner E., M. Walkow (eds.). Book Surge Publishing, 2008.
- Boškoviš, 2009 – Boškoviš Ž. More on the no-DP analysis of article-less languages. *Studia Linguistica*. 2009. № 63 (2). Pp. 187–203.
- Boškoviš, 2012 – Bošković Ž. On NPs and clauses. *Discourse and grammar: From sentence types to lexical categories*. G. Grewendorf, T.E. Zimmermann (eds.). Berlin, 2012. Pp. 179–245.
- Boškoviš, Gajewski, 2011 – Bošković Ž., Gajewski J. Semantic correlates of the DP/NP parameter. *Proceedings of NELS 39*. S. Lima, K. Mullin, B. Smith (eds.). Amherst, MA, 2011. Pp. 121–134.
- Chierchia, 1995 – Chierchia G. A Note on the Contrast Individual Level vs. Stage Level Predicates in German. *Temporal Reference, Aspect and Actionality*. P.M. Bertinetto, V. Bianchi, J. Higginbotham, M. Squartini (eds.). Vol. 1: Semantic and Syntactic Perspectives. Rosenberg and Sellier, 1995.

Chierchia, 1998 – Chierchia G. Reference to Kinds Across Languages. *Natural Language Semantics*. 1998. № 6. Pp. 339–405.

Cinque, 1994 – Cinque G. Evidence for Partial N-Movement in the Romance DP. *Paths Towards Universal Grammar. Studies in Honor of Richard S. Kayne*. G. Cinque, J. Koster, J.-Y. Pollock, L. Rizzi, R. Zanuttini (eds.). Washington, DC, 1994. Pp. 85–110.

Cinque, 1995 – Cinque G. Italian syntax and Universal Grammar. Cambridge, UK, 1995. Pp. 287–309.

Cinque, 1999 – Cinque G. Adverbs and Functional Heads: A Cross-Linguistic Perspective. Oxford, 1999.

Cinque, Krapova, 2007 – Cinque G., Krapova I. A note on bulgarian numeral classifiers. *Pitar Moş: A Building With a View. Papers in Honour of Alexandra Conilescu*. G. Alboiu, A.A. Avram, and D. Isac (eds.). Bucharest, 2007. Pp. 45–51.

Delsing, 1993 – Delsing L.-O. On attributive adjectives in Scandinavian and other languages. *Studia Linguistica*. 1993. № 47(2). Pp. 105–125.

Demonte, 2008 – Demonte V. Meaning-form correlations and adjective position in Spanish. *Adjectives and Adverbs: Syntax, Semantics, and Discourse*. L. McNally, C. Kennedy (eds.). Oxford, 2008. Pp. 71–100.

Engelhardt, Trugman, 1998 – Engelhardt M., Trugman H. D as a Source of Adnominal Genitive in Russian. *Formal Approaches to Slavic Linguistics. The Connecticut Meeting 1997*. Ž. Bošković, S. Franks, W. Snyder (eds.). Ann Arbor, MI, 1998. Pp. 114–133.

Franks, Pereltsvaig, 2004 – Franks S., Pereltsvaig A. Functional categories in the Nominal Domain. *Proceedings of FASL 12. The Ottawa Meeting 2003*. O. Arnaudova, W. Browne, M.L. Rivero, D. Stojanovic (eds.). Ann Arbor, MI, 2004. Pp. 109–128.

Geist, 2010 – Geist L. The argument structure of predicate adjectives in Russian. *Russian Linguistics*. 2010. № 34 (3). Pp. 239–260.

Giusti, 2002 – Giusti G. The functional structure of Noun Phrases: A bare phrase structure approach. *Functional Structure in DP and IP. The Cartography of Syntactic Structures*. G. Cinque (ed.). Vol. 1. Oxford, 2002. Pp. 54–90.

Gutierrez-Rexach, Mallen, 2002 – Gutierrez-Rexach J., Mallen E. Toward a unified minimalist analysis of pronominal adjectives. *Structure Meaning and Acquisition in Spanish. Papers from the 4th Hispanic Linguistics Symposium*. C. Clements (ed.). Somerville, MA, 2002. Pp. 178–192.

Kagan, 2011 – Kagan O. On Speaker Identifiability. *Journal of Slavic Linguistics*. 2011. № 19 (1). Pp. 47–84.

Kagan, Alexeyenko, 2011 – Kagan O., Alexeyenko S. Degree modification in Russian morphology: The case of the suffix *-ovat*. *Proceedings of IATL 26*. N. Boneh (ed.). Jerusalem, 2011.

Kagan, Alexeyenko, in progress – Kagan O., Alexeyenko S. On the semantics of long and short adjectives in Russian. Ms. Ben-Gurion University of the Negev and University of Osnabrück. In progress.

Kagan, Pereltsvaig, 2011 – Kagan O., Pereltsvaig A. Syntax and semantics of bare NPs: Objects of intensive reflexive verbs in Russian. *Empirical Issues in Syntax and Semantics 8*. Bonami O., Cabredo Hofherr P. (eds.). Paris, 2011. Pp. 221–238.

Kratzer, 1989 – Kratzer A. Stage-level and individual-level predicates. *Papers on Quantification*. E. Bach, A. Kratzer, B. Partee (eds.). University of Massachusetts, Amherst, 1989.

Kratzer, 1995 – Kratzer A. Stage-level and individual-level predicates. *The Generic Book*. G.N. Carlson, F.J. Pelletier (eds.). Chicago, 1995. Pp. 125–175.

Kratzer, 1996 – Kratzer A. Severing the external argument from its verb. *Phrase Structure and the Lexicon*. J. Rooryck, L. Zaring (eds.). Dordrecht, 1996. Pp. 109–138.

Kuipers, 1967 – Kuipers A.H. The Squamish language: Grammar, texts, dictionary. The Hague, 1967. (Janua linguarum. Series practica, 73.)

Leko, 1999 – Leko N. Functional categories and the structure of the DP in Bosnian. *Topics in South Slavic Syntax and Semantics*. M. Dimitrova-Vulchanova, L. Hellan (eds.). Amsterdam, 1999. Pp. 229–252.

Lyutikova, 2010 – Лютикова Е.А. К вопросу о категориальном статусе именных групп в русском языке // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. № 6. С. 36–76. [Lyutikova E.A. Towards the Question of Categorical Status of Noun Groups in Russian. *Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology*. № 6. Pp. 36–76.]

McCoy, 1998 – McCoy S. Individual-level predicates and pronoun doubling in colloquial Russian. *Formal Approaches to Slavic Linguistics. The Connecticut Meeting 1997*. Ž. Bošković, S. Franks, W. Snyder (eds.). Ann Arbor, MI, 1998. Pp. 231–251.

McNally, 1993 – McNally L. Adjunct predicates and the individual/stage distinction. *The Proceedings of the Twelfth West Coast Conference on Formal Linguistics*. E. Duncan, D. Farkas, P. Spaelti (eds.). Stanford, CA, 1993. Pp. 501–576.

Mel'chuk, 1985 – Mel'chuk I.A. Surface syntax of Russian numeral expressions. *Wiener Slawischer Almanach*. 1985. Sonderband 16.

Partee, 2006 – Partee B.H. A note on Mandarin possessives, demonstratives, and definiteness. *Drawing the Boundaries of Meaning: Neo-Gricean Studies in Pragmatics and Semantics in Honor of Laurence R. Horn*. B.J. Birner, G. Ward (eds.). Amsterdam, 2006. Pp. 263–280.

Pereltsvaig, 2001 – Pereltsvaig A. On the nature of intra-clausal relations: A Study of copular sentences in Russian and Italian. Ph.D. diss. McGill University, 2001.

Pereltsvaig, 2006a – Pereltsvaig A. Small nominals. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2006. № 24. Pp. 433–500.

Pereltsvaig, 2006b – Pereltsvaig A. Passing by Cardinals: In support of head movement in nominals. *Formal Approaches to Slavic Linguistics 14: The Princeton Meeting*. J.E. Lavine, S. Franks, H. Filip (eds.). Ann Arbor, MI, 2006. Pp. 277–292.

Pereltsvaig, 2007 – Pereltsvaig A. On the universality of DP: A view from Russian. *Studia Linguistica*. 2007. № 61(1). Pp. 59–94.

Pereltsvaig, 2008 – Pereltsvaig A. Split phrases in colloquial Russian. *Studia Linguistica*. 2008. Special volume on spoken language. № 62 (1). Pp. 5–38.

Pereltsvaig, 2011a – Pereltsvaig A. On number and number-neutrality in languages with and without articles. Paper presented at the Workshop on languages with and without articles, Paris, March 2011.

Pereltsvaig, 2011b – Pereltsvaig A. As easy as two, three, four? *Formal Approaches to Slavic Linguistics 18: The Second Cornell Meeting*. W. Browne, A. Cooper, A. Fisher, E. Kesici, N. Predolac, D. Zec (eds.). Ann Arbor, MI, 2011. Pp. 417–434.

Progovac, 1998 – Progovac L. Determiner phrase in a language without determiners. *Journal of Linguistics*. 1998. № 34. Pp. 165–179.

Rapoport, 1991 – Rapoport T.R. Adjunct-predicate licensing and D-structure. *Syntax and Semantics*. 1991. № 25. Pp. 159–187.

Rappaport, 1992 – Rappaport G.C. On the adnominal genitive and the structure of noun phrases in Russian and Polish. *Melanges Paul Garde*. M. Guiraud-Weber (ed.). Aix-en-Provence, 1992. Pp. 239–262.

Rappaport, 2001 – Rappaport G.C. Extraction from nominal phrases in Polish and the theory of determiners. *Journal of Slavic Linguistics*. 2001. № 8(3). Pp. 159–198.

Rutkowski, 2002a – Rutkowski P. Noun/pronoun asymmetries: Evidence in support of the DP hypothesis in Polish. *Jezikoslovlje*. 2002. № 3. Pp. 159–170.

Rutkowski, 2002b – Rutkowski P. The syntax of quantifier phrases and the inherent vs structural case distinction. *Linguistic Research*. 2002. № 7. Pp. 43–74.

Rutkowski, 2006a – Rutkowski P. Why Polish numerals should not be analyzed as nouns. *Minimalist Views on Language Design*. C. Yim (ed.). Seoul, 2006. Pp. 249–263.

Rutkowski, 2006b – Rutkowski P. The syntax of floating intensifiers in Polish and its implications for the Determiner Phrase hypothesis. *Proceedings of the BLS-32*. Z. Antic et al. (eds.). UC Berkeley, 2006. Pp. 321–333.

Rutkowski, 2007 – Rutkowski P. The Determiner Phrase hypothesis as a tool of syntactic analysis of Polish nominal phrases. Ph.D. diss. Warsaw University, 2007.

Rutkowski, Maliszewska, 2007 – Rutkowski P., Maliszewska H. On prepositional phrases inside numeral expressions in Polish. *Lingua*. 2007. № 117 (5). Pp. 784–813.

Sadler, Arnold, 1994 – Sadler L., Arnold D.J. Prenominal adjectives and the Phrasal/Lexical Distinction. *Journal of Linguistics*. 1994. № 30. Pp. 187–226.

Scott, 2002 – Scott G.-J. Stacked adjectival modification and the structure of nominal phrases. *Functional Structure in DP and IP. The Cartography of Syntactic Structures*. G. Cinque (ed.). Vol. 1. Oxford, 2002. Pp. 91–122.

Soschen, 2001 – Soschen A. On the distribution of Copular Elements in Hebrew, Russian, and Spanish. Ms. University of Southern California. 2001.

Sproat, Shih, 1988 – Sproat R., Shih C. The cross-linguistic distribution of adjective ordering restrictions. *Interdisciplinary Approaches to Language*. C. Georgopoulos, R. Ishihara (eds.). Dordrecht, 1988. Pp. 565–593.

Sproat, Shih, 1991 – Sproat R., Shih C. Prenominal adjectival ordering in English and Mandarin. *NELS*. 1991. № 18. Pp. 465–489.

Svenonius, 1993 – Svenonius P. The structural location of the attributive adjective. *The Proceedings of the Twelfth West Coast Conference on Formal Linguistics*. E. Duncan, D. Farkas, P. Spaelti (eds.). Stanford, CA, 1993. Pp. 439–454.

Svenonius, 2008 – Svenonius P. The position of adjectives and other phrasal modifiers in the decomposition of DP. *Adjectives and Adverbs: Syntax, Semantics, and Discourse*. L. McNally, C. Kennedy (eds.). Oxford, 2008. Pp. 16–42.

Timberlake, 2004 – Timberlake A. A Reference Grammar of Russian. Cambridge, UK, 2004.

Trenkic, 2004 – Trenkic D. Definiteness in Serbian/Croatian/Bosnian and some implications for the general structure of the nominal phrase. *Lingua*. 2004. № 114. Pp. 1401–1427.

Truswell, 2004 – Truswell R. Attributive Adjectives and the Nominals they Modify. Master's thesis. Oxford University, 2004.

Willim, 1998 – Willim E. On the DP-hypothesis in Polish, an articleless language. *Projections and Mapping: Studies in Syntax*. P. Stalmaszczyk (ed.). Lublin, 1998. Pp. 137–158.

Willim, 2000 – Willim E. On the grammar of Polish nominals. *Step by Step: Essays on Minimalist Syntax in Honor of Howard Lasnik*. R. Martin, D. Michaels, J. Uriagereka (eds.). Cambridge, MA, 2000. Pp. 319–346.

Yadroff, 1999 – Yadroff M. Formal Properties of Functional Categories: The minimalist syntax of Russian Nominal and Prepositional Expressions. Ph.D. diss. Indiana University Bloomington, 1999.

Zamparelli, 2000 – Zamparelli R. Layers in the Determiner Phrase. New York, 2000.

Zavala, 2000 – Zavala R. Multiple classifier systems in Akatek (Mayan). *Systems of Nominal Classification*. G. Senft (ed.). Cambridge, 2000. Pp. 114–146.

Zlatić, 1997 – Zlatić L. The Structure of the Serbian Noun Phrase. Ph.D. diss. University of Texas at Austin, 1997.

Статья поступила в редакцию 22.09.2018

The article was received on 22.09.2018

Коган Ольга Александровна – Ph.D. (лингвистика); старший преподаватель кафедры иностранной литературы и лингвистики, Университет имени Давида Бен-Гуриона в Негеве, г. Беэр-Шева, Израиль

Kagan Olga A. – Ph.D. (Linguistics); senior lecturer at the Department of Foreign Languages and Linguistics, Ben-Gurion University of the Negev, Beer-Sheva, Israel

E-mail: kaganol@bgu.ac.il

Перельцвайг Ася Михайловна – Ph.D. (лингвистика); преподаватель Института непрерывного обучения им. Ошера, Университет Санта-Клары, Соединенные Штаты Америки

Pereltsvaig Asya M. – Ph.D. (Linguistics); lecturer at the Osher Lifelong Learning Institute, Santa Clara University, CA, USA

E-mail: asya_pereltsvaig@yahoo.com

DOI: 10.31862/2500-2953-2018-4-166-189

М.Э. Чумакина

Университет графства Суррей,
GU7 2XH г. Гилфорд, Великобритания

Атрибутив в арчинском языке

В статье рассматривается категория атрибутива в арчинском языке (нахско-дагестанская семья). При отсутствии прилагательного как самостоятельной части речи, в арчинском языке выделяется атрибутив – класс форм, регулярно образующихся от четырех основных частей речи: существительных, глаголов, наречий и послелогов. Синтаксически атрибутив выполняет роль прилагательного, т.е. служит определением к существительному и выполняет роль присвяточного элемента в именном сказуемом. Атрибутив в арчинском языке обладает своей собственной согласовательной парадигмой и одновременно сохраняет морфосинтаксические свойства производящего слова. Это позволяет охарактеризовать арчинский атрибутив, с одной стороны, как представителя типологически известной категории «смешанного» класса словоформ (mixed category), а с другой – как редкое явление формально обособленного класса производных слов, регулярно образующихся от всех имеющихся в языке частей речи.

Ключевые слова: нахско-дагестанские языки, арчинский язык, морфосинтаксис, смешанные категории, прилагательное.

DOI: 10.31862/2500-2953-2018-4-166-189

M. Chumakina

University of Surrey,
Guildford, GU7 2XH, United Kingdom

Attributive in Archi

In this paper I discuss attributive in Archi (Nakh-Daghestanian). Archi lacks an independent category of adjective and uses attributives instead. Attributives in Archi belong to a transpositional mixed category that can be formed from any of the four main parts of speech: nouns, verbs, ad verbs and postpositions. Based

on a detailed analysis of their syntactic and morphological properties, I demonstrated that Archi attributives retain some of the morphosyntactic characteristics of their base category, whilst simultaneously having morphological and syntactic characteristics shared across transposed forms. At the same time, it can be shown that Archi attributives have a unique distribution and agreement pattern that is clearly distinct from any other lexical class. All these make Archi attributive simultaneously possess both morphological and syntactic characteristics of two syntactic categories.

Key words: Nakh-Daghestanian languages, Archi language, morphosyntactic features, mixed categories, adjective.

1. Введение

В настоящей статье рассматриваются атрибутивные формы арчинского языка и их место в грамматической системе. Используя семантические и формальные признаки, в арчинском языке легко выделить следующие части речи: существительное, глагол, наречие и послелог. Первые два класса обладают чрезвычайно богатым словоизменением. Категория же прилагательного как самостоятельной части речи в арчинском языке отсутствует (не считая небольшого закрытого класса неизменяемых слов, о котором речь пойдет в разд. 3.4).

В роли определения к существительному, а также в роли присвязочного элемента именной сказуемого выступает атрибутив – форма, которую невозможно ни отнести к какой-либо из частей речи, упомянутых выше, ни выделить в самостоятельную часть речи: регулярно образуются от существительных, глаголов, наречий и послелогов, атрибутивы, во-первых, имеют прозрачную деривативную структуру, а во-вторых, сохраняют некоторые морфосинтаксические свойства производящего слова, распадаясь таким образом на четыре класса: отыменные, отглагольные, отнаречные и отпослеложные атрибутивы.

Вместе с тем, атрибутивы обладают уникальной согласовательной парадигмой, отличающей их от всех остальных частей речи, и представляют собой, таким образом, особый морфосинтаксический класс.

Атрибутив в арчинском языке образуется путем прибавления суффикса *-t:u* (с алломорфами *-du* и *-nnu*) к основе (или полной словоформе), относящейся к одной из четырех самостоятельных частей речи. Так, в примере (1) неизменяемый стативный глагол *naʔʒ* ‘быть незрелым’ маркирован атрибутивным суффиксом *-du*. За атрибутивным суффиксом следует маркер согласования по роду и числу. Согласование контролируется либо вершиной именной группы, как в примере (1), либо подлежащим, когда атрибутивная форма выступает в роли именного сказуемого, как показано в примере (2):

- (1) $na^{\text{h}}\text{ɣ-du-b}$ $a\chi b\acute{e}zan$
 быть.незрелым-ATTR-III.SG абрикос(III)[SG.ABS]
 ‘незрелый абрикос’
- (2) $a\chi b\acute{e}zan$ $na^{\text{h}}\text{ɣ-du-b}$ $e\langle b\rangle di$
 абрикос(III)[SG.ABS] быть.незрелым-ATTR-III.SG <III.SG>быть.PST
 ‘Абрикос был незрелым.’

Суффикс *-t:u-СМ*¹ регулярно присоединяется ко всем лексемам всех частей речи и в этом смысле ведет себя скорее как словоизменятельный, чем как словообразовательный маркер [Haspelmath, 1996], с поправкой на транскатегориальность. В примерах (1) и (2) показано образование атрибутива от стативного глагола, в примере (3) – от динамического глагола, в примере (4) – от существительного.

- (3) $w-e^{\text{h}}\langle r\rangle\acute{s}:u-r-t:u$ $bo\acute{s}or$
 I.SG-<IPFV>бежать-IPFV-ATTR[I.SG] мужчина(I)[SG.ABS]
 ‘бегущий мужчина’
- (4) $o\chi^{\text{h}}i-li-n-nu-t$ diq^{h}
 соль(IV)-SG.OBL-GEN-ATTR-IV.SG суп(IV)[SG.ABS]
 ‘соленый суп’

В разд. 2 приводятся общие сведения о грамматическом строе арчинского языка, необходимые для дальнейшего обсуждения атрибутива. Атрибутив является особой категорией, обладающей собственной согласовательной парадигмой и синтаксическими свойствами. Эти свойства можно назвать «внешними» свойствами атрибутива. Они обсуждаются в разд. 3.

В то же время атрибутив сохраняет определенные морфосинтаксические свойства производящего слова: вид, согласование и управление глагола, падежное маркирование существительного, управление послелога. Эти свойства можно назвать «внутренними» свойствами атрибутива, и они обсуждаются в разд. 4. Выводы представлены в разд. 5.

2. Арчинский язык, общие сведения

На арчинском языке говорит около 1200 человек, проживающих в селении Арчи² Чародинского района Республики Дагестан. Арчи состоит из шести хуторов, находящихся в пределах пешей доступности. По многим параметрам арчинский язык является типичным

¹ СМ – согласовательный маркер.

² В научной традиции село носит название *Арчи*. Сами жители в русской речи используют название *Арчиб* – аваризованный вариант лакского слова [Архипов et al., 2008].

представителем нахско-дагестанской семьи: это эргативный язык с базовым порядком слов SOV, с четко определяемыми частями речи и богатой словоизменительной морфологией.

В арчинском языке выделяется четыре рода существительных³. Принадлежность существительного к тому или иному роду определяется семантически для рода I и II (лица мужского и женского пола соответственно). Принадлежность же к роду III и IV исходя из семантики можно предсказать только приблизительно: в целом, одушевленные существительные относятся к роду III, а неодушевленные – к роду IV, но это верно далеко не для всех существительных.

Существительное выступает в роли контролера согласования, мишенью же согласования может быть любая другая часть речи: позиция для согласования имеется у большинства простых динамических глаголов, у нескольких наречий, в нескольких формах местоимений, у одного послелога и у всех атрибутивов [Chumakina, Corbett, 2015; Bond et al., 2016]. В табл. 1 представлены морфологические показатели согласования на глаголе.

Таблица 1

Префиксальные и инфиксальные показатели рода на глаголе

РОД		ЧИСЛО	
		SG	PL
I	Люди мужского пола	w-/⟨w⟩	b-/⟨b⟩
II	Люди женского пола	d-/⟨r⟩	
III	Животные, насекомые, некоторые неодушевленные предметы	b-/⟨b⟩	Ø-/⟨Ø⟩
IV	Предметы, некоторые животные, абстрактные существительные	Ø-/⟨Ø⟩	

В единственном числе согласование различает все четыре рода, в то время как во множественном имеется только одно противопоставление: лица vs не лица. Согласовательная парадигма атрибутива имеет другую структуру: во-первых, у рода I нулевой показатель. Во-вторых, у рода IV имеется ненулевой показатель *-t*, и в-третьих, во множественном числе род не различается, но имеется показатель множественного

³ В кавказоведческой традиции род существительных называется «классом». Я буду употреблять термин «род», поскольку типологически эта категория является именно грамматическим родом и ничем не отличается от грамматического рода в других языках (см. [Corbett, 1991]).

числа, отличный от всех других форм (табл. 2), в то время как глагольные согласовательные показатели множественного числа формально совпадают с некоторыми показателями единственного.

Таблица 2

Суффиксальные показатели рода (класса) на атрибутивах

РОД		ЧИСЛО	
		SG	PL
I	Люди мужского пола	-Ø	-ib
II	Люди женского пола	-r	
III	Животные, насекомые, некоторые неодушевленные предметы	-b	
IV	Предметы, некоторые животные, абстрактные существительные	-t	

У существительного имеется богатая падежная парадигма. Все падежи, кроме абсолютива, образуются от косвенной основы; падежи разделяются на грамматические и локативные, локативные падежи имеют двухчастную структуру: к косвенной основе сперва прибавляется суффикс локализации, а к нему – окончание направительного падежа (примеры см. 4.4).

Глаголы в арчинском языке делятся на динамические и стативные (подробнее см. 4.1.1). Ортогонально этому делению имеется деление глаголов на простые и сложные. Простые глаголы представляют собой закрытый класс, состоящий примерно из 170 лексем. Сложные глаголы состоят из неизменяемой лексической части и простого глагола. У глаголов имеется богатая словоизменительная парадигма, морфологически базирующаяся на четырех видовых основах (4.1.1), большой набор видо-временных категорий, несколько наклонений. Нефинитные формы глагола представлены конвербами, отглагольными существительными и атрибутивами.

Арчинский язык является морфологически эргативным, т.е. субъект переходного глагола кодируется эргативным падежом, а объект переходного глагола и субъект непереходного – абсолютивом:

- (5) buwa-mu ja-b aʃbəzan b-el
 мать(II)-SG.ERG этот-III.SG абрикос(III)[SG.ABS] III.SG-1PL.DAT
 bo-klo
 III.SG-давать.PFV
 ‘Мать дала нам этот абрикос.’

(6) <i>zon</i>	<i>nes:en</i>	<i>d-eq'i</i>
1.SG.ABS	сейчас	II.SG-приходить.POT
‘Я сейчас приду.’		

Именная группа в абсолютиве контролирует все согласование в клаузе. Так, в примере (5) абсолютивная группа *jab aḫbāzan* ‘этот абрикос’ контролирует согласование по роду (III) и числу (SG) на глаголе *boklo* ‘дала’ и на местоимении *bel* ‘нам’, выраженное приставками *bo-* и *b-* соответственно. В качестве вершины именной группы *aḫbāzan* ‘абрикос’ контролирует согласование на всех своих зависимых, в данном случае – на указательном местоимении *jab* ‘этот’, где согласование выражается суффиксом *-b*. Вершина именной группы контролирует согласование на всех своих зависимых независимо от падежа, в котором стоит вершина.

Согласование непереходных глаголов также контролируется абсолютивом. В примере (6) абсолютивное местоимение *zon* ‘я’ контролирует согласование по роду (II) и числу (SG) на глаголе *deq'i* ‘приду’. Здесь согласование контролируется родом референта местоимения, которым в данном случае является женщина.

Типичным для дагестанских языков является и маркирование в арчинском языке аргументов глаголов восприятия, эмоций, а также некоторых когнитивных глаголов: экспериенцер кодируется дательным падежом, а стимул – абсолютивом. В примере (7) это местоимение *tuwmis* ‘ему’ и существительное *Ajša* (женское имя) соответственно. Как и в примерах (5) и (6), абсолютивный аргумент контролирует согласование на глаголе:

(7) <i>tu-w-mi-s</i>	<i>Ajša</i>	<i>d-ak:u</i>
TOT-I.SG-SG.OBL-DAT	Айша(II)[SG.ABS]	II.SG-видеть.PFV
‘Он видел Айшу.’		

3. Внешние морфосинтаксические свойства атрибутива

Внешние морфосинтаксические свойства атрибутивов являются общими для всех представителей этого класса, независимо от того, к какой части речи принадлежит производящее слово. Эти свойства включают способность служить определением к существительному (разд. 3.1) и выступать в роли предикативного присвязочного элемента (разд. 3.2). Парадигма согласования атрибутива отличает его от всех остальных частей речи (разд. 3.3), а его способность присоединять падежные окончания при безвершинном употреблении отличает атрибутив от небольшого закрытого класса неизменяемых прилагательных (разд. 3.4).

- (12) *uq^ʰa-t:u-t جامو-t s:aʕal-li-t
 приходиться.PFV-ATTR-IV.SG это-IV.SG время(IV)-SG.OBL-SUP
 au-li dagawur
 <III.SG>делать.PFV-EVID договор(III)[SG.ABS]
 *‘Когда он пришел (в это время его прихода),
 подписали договор.’

Пример (11) иллюстрирует еще одно важное свойство согласования атрибутива в позиции определения: он согласуется с вершиной независимо от ее падежа. Существительное *s:aʕallit* ‘во время’ стоит в локативном падеже (суперэссиве) и контролирует согласование атрибутива *uq^ʰat:ut*.

В конструкциях с числительными порядок числительное – атрибутив является предпочтительным, ср. пример (13), порядок же атрибутив – числительное, представленный в примере (14), принимается не всеми говорящими⁴:

- (13) ʕib<t>u do:ʕzu-t adam
 три(IV.SG) быть.большим.ATTR-IV.SG человек(IV)[SG.ABS]
 aʕu-li
 [IV.SG] убивать.PFV-EVID
 ‘Он убил трех взрослых (лит.: трех больших людей).’
- (14) ? do:ʕzu-t ʕib<t>u adam
 быть.большим.ATTR-IV.SG три(IV.SG) человек(IV)[SG.ABS]
 aʕu-li
 [IV.SG]убивать.PFV-EVID
 ?‘Он убил трех взрослых (лит.: трех больших людей).’

В арчинском языке есть еще один класс слов, которые могут выступать в качестве определения к существительному. Это так называемые неизменяемые прилагательные:

- (15) o^ʁo^ʁs lo
 русский парень(t)[SG.ABS]
 ‘русский парень’

Неизменяемые прилагательные представляют собой закрытый класс, включающий 26 лексем, обозначающих национальности (пример 16), качества (пример 17) и количество чего-либо (пример 18).

⁴ Одна из наших консультантов считала порядок атрибутив – числительное в примере (14) грамматичным, в то время как ее сестра считала такой порядок недопустимым.

- (16) Национальности
aršat:en ‘арчинский’
dargin ‘даргинский’
haman ‘лакский’
jat:an ‘аварский’
niwaj ‘ногайский’
o'ro's ‘русский’
parang ‘французский’
pirs:i ‘персидский’
šarab ‘арабский’
- (17) Качества
a'ra'č' ‘достаточно большой’
bišin ‘чужой’
buraq ‘бронзовый’
but'u ‘другой’
č'ere ‘сухой’
čelennin ‘частный, личный’
dalu ‘сумасшедший’
ħok'o ‘маленький’
hovol ‘спелый’
kulu ‘сиротский’
ɫ:enne ‘женский’
mašarul ‘горный’
mektle ‘мужской’
nak'alaj ‘старинный’
wa'p ‘упитанный’ (о младенцах)
- (18) Количество
čeñ ‘никакой’
no:q'ukan ‘многие’

Неизменяемые прилагательные могут сочетаться друг с другом и с производными атрибутивами в порядке, подлежащем семантическим, но не структурным ограничениям. Так, примеры (19) и (20) показывают, что неизменяемое прилагательное *o'ro's* ‘русский’ может занимать

позицию непосредственно перед определяемым существительным, но допустим и порядок, при котором между неизменяемым прилагательным и существительным-вершиной стоят атрибутивы.

(19) olo-ma-ši	uq'a
[IV.SG]1PL.GEN-CVB.LOC-ALL	I.SG.приходить.PFV
be:χu-t:u	mu-t:u
быть.высоким-ATTR.I.SG	быть.красивым-ATTR.I.SG
o'ro's	lo
русский	парень(1)[SG.ABS]
'К нам приехал высокий красивый русский парень.'	

(20) olo-ma-ši	uq'a
[IV.SG]1PL.GEN-CVB.LOC-ALL	I.SG.приходить.PFV
o'ro's	be:χu-t:u
русский	быть.высоким-ATTR.I.SG
mu-t:u	lo
быть.красивым-ATTR.I.SG	парень(1)[SG.ABS]
'К нам приехал высокий красивый русский парень.'	

Неизменяемые прилагательные могут быть модифицированы словами со значением степени. Так, в примере (21) *pišt'an* 'очень' модифицирует неизменяемое прилагательное, а в примере (22) – атрибутив.

(21) pišt'an	but'u	bošor
очень	странный	мужчина(1)[SG.ABS]
'очень странный мужчина'		

(22) pišt'an	be:χu-t:u	bošor
очень	быть.высоким-ATTR.I.SG	мужчина(1)[SG.ABS]
'очень высокий мужчина'		

В разд. 3.3 и 3.4 приводятся аргументы в пользу того, что неизменяемые прилагательные не являются подклассом атрибутивов (неизменяемыми атрибутивами), а должны быть выделены в отдельный класс.

3.2. Присвязочный элемент

Атрибутивы могут выступать в качестве присвязочного элемента в составе именного сказуемого. Так, в примере (23) атрибутив *χalat:ur* 'старый' предшествует связке. В этом употреблении атрибутив входит в состав глагольной (предикативной) группы и подчиняется правилам согласования предикатов: согласуется с абсолютивом клаузы (абсолютив в роли определения согласуется с вершиной, которой обязательно иметь форму абсолютива). Морфологически согласование

присвязочного атрибутива идентично согласованию атрибутива в функции определения. Так, если контролер согласования – именная группа рода II в форме единственного числа, согласовательным показателем атрибутива будет суффикс *-r* независимо от того, к какой синтаксической категории относится контролер, является ли он абсолютным аргументом клаузы (глагольное согласование) или же вершиной именной группы (именное согласование).

В примере (23) атрибутив и связка согласуются с абсолютивом *zon* ‘я’ по роду референта:

- (23) *zon* *χala-t:u-r* *d-i*
 1SG.ABS быть.старым-ATTR-II.SG II.SG.быть.PRS
 ‘Я старая.’

Неизменяемые прилагательные также могут выступать в позиции присвязочного элемента (24). Данный контекст позволяет разграничить неизменяемые прилагательные и стативные глаголы (которые на основании семантики можно считать классом прилагательных, см. [Гращенков, 2018]): стативный глагол может сам возглавлять клаузу, в то время как неизменяемому прилагательному требуется связка.

- (24) *zon* *dargin* *d-i*
 1SG.ABS даргинский II.SG-быть.PRS
 ‘Я даргинка (лит.: даргинская).’

Неизменяемые прилагательные в роли присвязочного элемента могут модифицироваться атрибутивами (25), что сближает их с существительными. Пример (26) показывает, что неизменяемое прилагательное в роли присвязочного элемента может быть модифицировано наречием степени, как и атрибутив (27).

- (25) *tu-w* *mu-t:u* *o'ro's* *w-i*
 тот-I.SG быть.красивым-ATTR.I.SG русский I.SG-быть.PRS
 ‘Он – красивый русский.’

- (26) *tu-w* *pišt'an* *dalu* *w-i*
 тот-I.SG очень сумасшедший I.SG-быть.PRS
 ‘Он совершенно (досл.: очень) сумасшедший.’

- (27) *jamu-t* *biq^w* *edi-li*
 этот-IV.SG место(IV)[SG.ABS] [IV.SG]быть.PST-EVID
lap *t'i-t:u-t*
 очень быть.маленьким-ATTR-IV.SG
 ‘Это место было очень маленьким.’

Несмотря на сходство синтаксического поведения неизменяемых прилагательных и атрибутивов при связке, это сходство не может считаться достаточным для объединения неизменяемых прилагательных и атрибутивов в один класс: в роли присвязочного элемента могут выступать и существительные, и некоторые глагольные формы, а потому этот контекст не является диагностическим для определения частеречной принадлежности.

3.3. Согласование атрибутивов с определяемой вершиной

Атрибутивы и указательные местоимения имеют согласовательную парадигму, отличающую их от всех остальных частей речи. Как показано в таблице 2, согласовательная парадигма атрибутива имеет немаркированный род I и маркированный род IV, в то время как в согласовательной парадигме глагола род I является маркированным, а род IV – немаркированным. Примеры (28)–(32) показывают все морфологические возможности согласования атрибутива.

(28) mu-t:u
быть.красивым-ATTR.ISG
'красивый мужчина'	boʃor
мужчина(I)[SG.ABS]
(29) mu-t:u-r
быть.красивым-ATTR-II.SG
'красивая женщина'	ʃ:onnol
женщина(II)[SG.ABS]
(30) mu-t:u-b
быть.красивым-ATTR-III.SG
'красивая лошадь'	noʃʃ
лошадь(III)[SG.ABS]
(31) mu-t:u-t
быть.красивым-ATTR-IV.SG
'красивый дом'	nokl'
дом(IV)[SG.ABS]
(32) mu-t:-ib
быть.красивым-ATTR-PL
'красивые дети'	lo-bur
ребенок(IV)-PL.ABS

Важным отличием атрибутива от всех остальных частей речи является возможность иметь более одной позиции согласования и более одного контролера, как показано в примере (33):

(33) k ^w a(ɾ)ʃu-t:u-b
случаться<II.SG>PFV-ATTR-III.SG
b-ate
III.SG-пускать.IMP
'Расскажи нам, что с тобой случилось.' | χabar
история(III)[SG.ABS] |
|--|-------------------------------|

В этом примере атрибутив *kʷaršut:ub* ‘случившееся’ имеет согласовательную инфиксальную позицию, контролируруемую единственным аргументом непереходного глагола ‘случаться (с кем)’. Наличие инфикса <ʀ> указывает на женский род референта нулевого объекта глагола ‘случаться’. Суффиксальный же маркер согласования на атрибутиве суффикс *-b* (III.SG) контролируется определяемым существительным *χabar* ‘история, рассказ’, принадлежащим к роду III.

Неизменяемые прилагательные не имеют возможности согласования:

(34) *dalu* *χabar*
сумасшедший история(III)[SG.ABS]
‘дикая история’

(35) **dalu-b* *χabar*
сумасшедший история(III)[SG.ABS]
*‘дикая история’

3.4. Падежное маркирование в безвершинном употреблении

Атрибутивы отличаются от неизменяемых прилагательных и своим поведением в безвершинной конструкции. В этой позиции атрибутив может присоединять падежные окончания существительных. Так, в примере (36) атрибутив *ʔ:aʔmat:ummun* ‘богатый’ маркирован генитивом:

(36) *ʔ:aʔma-t:u-m-mu-n* *qʔimat*
быть.богатым-ATTR-I.SG-OBL.SG-GEN уважение(III)[SG.ABS]
b-ikir
III.SG-быть.ITER
‘У богатого почета больше бывало.’ [Кибрик и др., 1977, с. 9]

В примере (37) атрибутив, маркированный дативом, вместе с указательным местоимением *jar* обозначают адресата глагола *aχʔ* ‘быть достаточным’:

(37) *ja-r* *do:ʔzu-r-mi-s*
этот-II.SG быть.большим.ATTR-II.SG-OBL.SG-DAT
os *aχʔ*
один[IV.SG] быть достаточным
‘Старшей (дочери) одной (конфеты) хватит (досл.: этой большой одной хватит).’

В отличие от атрибутивов, неизменяемые прилагательные не могут употребляться без вершины, что демонстрируют примеры (38) и (39).

(38) zari arsi dalu
 1SG.ERG деньги(IV)[SG.ABS] сумасшедший
 bošor-mi-s kło
 мужчина(I)-SG.OBL-DAT [IV.SG]давать.PFV
 ‘Я дал деньги сумасшедшему мужчине.’

(39) ? zari arsi dalu kło
 1SG.ERG деньги(IV)[SG.ABS] сумасшедший [IV.SG]давать.PFV
 ? ‘Я дал деньги сумасшедшему.’

Насколько мне известно, неизменяемые прилагательные не принимают падежных окончаний: в текстах не встречается примеров безвершинного употребления неизменяемых прилагательных, а при элицитации говорящие затрудняются дать оценку грамматичности примеров типа (39). В целом, такое поведение неизменяемых прилагательных указывает на то, что они принадлежат к другому классу, нежели атрибутивы.

4. Внутренние морфосинтаксические свойства атрибутивов

Атрибутивы в арчинском языке могут быть образованы от любой части речи. Эта универсальность производящей базы типологически выделяет арчинский атрибутив среди других «смешанных» категорий. Например, причастия стандартно совмещают в себе свойства прилагательных и глаголов, проприетивы в тунгусских языках объединяют в себе свойства существительных и прилагательных [Nikolaeva, 2008], отглагольные номинализации имеют свойства существительных и глаголов [Kortjevskaja-Tamm, 1993], но ситуация, когда стратегия совмещения свойств разных частей речи в одном слове распространяется на все части речи, является типологически редкой. Арчинский же атрибутив может быть образован от глагола (разд. 4.1), наречия (разд. 4.2), послелога (разд. 4.3), существительного (разд. 4.4) и связанной основы (разд. 4.5).

4.1. Атрибутивы, образованные от глаголов

Отглагольный атрибутив образуется от видовой основы глагола, а не от глагольной словоформы. При этом сохраняется возможность выражать аспектуальные характеристики (разд. 4.1.1), позицию согласования (разд. 4.1.2) и падежное маркирование аргументов (разд. 4.1.3).

4.1.1. Видовые основы глагола и атрибутив

Глаголы в арчинском языке делятся на два класса в зависимости от количества видовых основ. У динамического глагола выделяется четыре видовые основы (основа перфектива, основа имперфектива,

глагол имеет позицию согласования. Около 3,7% стативных глаголов и около 88% простых динамических глаголов имеют эту позицию. Когда атрибутив образуется от согласуемого глагола, глагольная основа согласуется с абсолютивом, используя префиксы и инфиксы (см. табл. 1), а атрибутив – со своей вершиной, используя суффиксальные маркеры согласования (см. табл. 2). В результате получается словоформа с двумя согласовательными позициями.

В табл. 4 показаны некоторые атрибутивные формы от непереходного динамического глагола *aχas* ‘спать’, в том числе случай, когда абсолютив атрибутивизированного глагола кореферентен существительному, определяемому атрибутивом.

Таблица 4

**Образование атрибутивов
от динамического глагола *aχas* ‘спать’**

Род контролера	PFV	IPFV	FIN	POT
I.SG	<i>a<w>χu-t:u</i>	<i>w-arχa-r-t:u</i>	<i>w-aχa-s-t:u</i>	<i>a<w>χu-qi-t:u</i>
II.SG	<i>a<r>χu-t:u-r</i>	<i>d-arχa-r-t:u-r</i>	<i>d-aχa-s-t:u-r</i>	<i>a<r>χu-qi-t:u-r</i>
III.SG	<i>aχu-t:u-b</i>	<i>b-arχa-r-t:u-b</i>	<i>b-aχa-s-t:u-b</i>	<i>aχu-qi-t:u-b</i>
IV.SG	<i>aχu-t:u-t</i>	<i>arχa-r-t:u-t</i>	<i>aχa-s-t:u-t</i>	<i>aχu-qi-t:u-t</i>
I/II.PL	<i>aχu-t:-ib</i>	<i>b-arχa-r-t:ib</i>	<i>b-aχa-s-t:-ib</i>	<i>aχu-qi-t:-ib</i>
III/IV.PL	<i>aχu-t:-ib</i>	<i>arχa-r-t:-ib</i>	<i>aχa-s-t:-ib</i>	<i>aχu-qi-t:-ib</i>
Перевод	‘спящий’	‘тот, кто много спит’	‘тот, кто должен спать’	‘тот, кто будет спать’

В ситуации, когда абсолютив производящего глагола некорреферентен определяемой вершине, ‘внешнее’ и ‘внутреннее’ согласование атрибутива будет принимать разные значения рода и числа. Так, атрибутив *q^{swat}:ut* в примере (42) произведен от перфективной основы непереходного глагола ‘приходить’, но определяемое существительное не является подлежащим этого глагола, и в результате атрибутив согласуется по роду I со своим абсолютивным аргументом *tuw* ‘он’ и по роду IV со своей вершиной, существительным в инессиве *saχanna* ‘время’.

- (42) *tu-w* *q^{swa}-t:u-t* *saχanna*
 тот-I.SG[ABS] I.SG.приходить.PFV-ATTR-IV.SG время(IV).IN
 ‘...когда он подойдет (досл.: во время его прихода)’

В примере (43) атрибутив *k'waqit:ut* ‘умирающий (тот, кто скоро умрет)’ произведен от основы потенциалиса глагола *k'as* ‘умирать’ и модифицирует существительное в инэссиве, не входящее в аргументную структуру глагола.

- (43) tu-w bošor xala
 тот-I.SG мужчина(I)[SG.ABS] быть.старым
 i<w>t:i-li k'wa-qi-t:u-t
 <I.SG>становиться.PFV-EVID I.SG.умирать.PFV-POT-ATTR-IV.SG
 č'em-n-a
 время(IV)-SG.OBL-IN
 ‘Тот человек состарился, и когда подошло время ему умирать...’ [Кибрик и др., 1977, с. 48]

Атрибутивы, образованные от переходных глаголов, тоже могут иметь внутренний абсолютив, кореферентный определяемой вершине. Тогда обе согласовательные позиции атрибутива – внутренняя и внешняя – принимают одно и то же значение рода и числа. Так обстоят дела в примере (44), где (нев्यраженный) абсолютив глагола *xo* ‘находить’ кореферентен определяемой вершине *hawani* ‘животное’ и атрибутив имеет два показателя III.SG – префиксальный и инфиксальный:

- (44) ebq'-l:ʷ-iju harak bo-xo-t:u-b
 четыре-пять-<III.SG>EMPH впереди III.SG-находить.PFV-ATTR-III.SG
 hawan-u ak'u-li
 животное(III)[SG.ABS]-и <III.SG>вести.PFV-CV
 qʷa-li
 I.SG.приходить.PFV-EVID
 ‘Он пришел, ведя впереди себя четыре-пять найденных овец (досл.: животных).’ [Там же, с. 15]

Если абсолютивный аргумент переходного глагола некорреферентен определяемой вершине, атрибутив имеет разные согласовательные показатели с разными контролерами. В примере (45) глагольная основа атрибутива *ak:urt:ur* ‘виденная’ согласуется по роду IV со своим абсолютивом – вершиной именной группы *c'abu-t:u-t ł:an* ‘выпитая вода’. В то же время, суффиксальная позиция согласования атрибутива контролируется (нев्यраженной) вершиной *lo* ‘девушка’:

- (45) ...os lo e<ɾ>di kanak lap
 один девушка(II)[SG.ABS] <II.SG>быть.PST наверху очень
 mu-t:u-r
 быть.красивым-ATTR-II.SG
 s'abu-t:u-t t:an hanq:'a-χut
 [IV.SG]пить.PFV-ATTR-IV.SG вода(IV)[SG.ABS] горло(IV)-IN-TRANS
 ak:u-r-t:u-r
 [IV.SG]видеть-IPFV-ATTR-II.SG
 'В то время в Арчи жила одна очень красивая девушка,
 у которой выпитая вода через горло была видна (= очень
 красивая).' [Кибрик и др., 1977, с. 9]

Таким образом, атрибутивы, образованные как от переходных, так и от непереходных глаголов, могут иметь разных контролеров согласования для разных позиций в одной словоформе.

4.1.3. Управление падежом

аргумента атрибутивизированного глагола

Атрибутивы, образованные от глагола, сохраняют способность управлять падежами глагольных аргументов. Так, в примере (46) атрибутивная группа *ez ak:ut:ut* 'виденное мной' модифицирует существительное *q'waridkul* 'горе'. Глагол *ak:as* 'видеть' требует экспериенцера в дативе. Также ведет себя и атрибутив от этого глагола, определяющий форму местоимения *ez* 'я'.

- (46) ez ak:u-t:u-t q'waridkul
 [IV.SG]1SG.DAT [IV.SG]видеть-ATTR-IV.SG горе(IV)[SG.ABS]
 et:i-t'u
 [IV.SG]становиться.PFV-NEG
 '...с тех пор горя у меня не было (досл.: горя, мной виденного,
 не стало).'

4.1.4. Отглагольные атрибутивы и причастия

Если бы глагол был единственной частью речи, от которой образуется атрибутив, последний можно было бы считать причастием. В этом случае арчинский язык не отличался бы от других дагестанских (и не только) языков, где отглагольные формы, служащие определением к существительному, сохраняют глагольные свойства. Арчинский атрибутив демонстрирует все свойства типичного дагестанского причастия, но отличается тем, что может образовываться не только от глагола, но и от других частей речи, о чем речь ниже.

4.2. Атрибутивы, образованные от наречий

Атрибутив *č'ollijxut:ub* 'внешний, передний, тот, что снаружи', представленный в примере (47), образован от наречия *č'ollijxu* 'снаружи, на улице'. В этом примере он служит определением к существительному *doɬum* 'хлев' (употребленному в инэссиве) и согласуется с определяемым существительным по роду и числу:

(47) <i>č'ollijxu-t:u-b</i>	<i>doɬuma</i>	<i>aq:ʔu</i>
снаружи-ATTR-III.SG	хлев(III).IN	[1PL]оставлять.PFV
'...оставила (другую) в наружном (переднем) хлеву'		

4.3. Атрибутивы, образованные от послелогов

Как и в случае с отглагольными атрибутивами, атрибутивы, образованные от послелогов, сохраняют морфосинтаксические свойства производящего слова. Для послелогов это управление определенным падежом. Например, атрибутив *ɣarakdut* 'тот, что позади' в примере (48) образован от послелога *ɣarak* 'позади'. Этот послелог управляет дативом, и существительное *iškollis* 'школа' в этом примере, хотя за ней следует не послелог, а атрибутив, имеет форму датива. Атрибутив же в свою очередь согласуется со своей вершиной, именной группой *nokɫ* 'дом'.

(48) <i>iškol-li-s</i>	<i>ɣarak-du-t</i>	<i>nokɫ</i>
школа(IV)-SG.OBL-DAT	позади-ATTR-IV.SG	дом(IV)[SG.ABS]
<i>ak:u-raʔ</i>		
[IV.SG]видеть.PFV-QUEST		
'Видишь дом (который) позади школы?'		

4.4. Атрибутивы, образованные от существительных

В отличие от отглагольных атрибутивов, атрибутивы от существительных образуются от падежных форм, т.е. не от основ, а от полных словоформ. Все падежи, кроме эргативного, могут образовывать атрибутив.

В табл. 5 содержатся примеры образования атрибутивов от нелокативных падежных форм. В табл. 6 представлены примеры атрибутивов, образованных от локативных форм существительного. Данные формы невозможно точно перевести на русский язык, поэтому они переведены как относительные обороты.

Атрибутивы, образованные от падежных форм существительного, сохраняют исходную падежную семантику, как показано в примере (49), где дативная форма существительного 'сестра' означает, что ее референт является адресатом:

Таблица 6

Локативные формы, от которых может образовываться атрибутив

	IN	INTER	SUPER	SUB
ESSIVE	po'kl'-a-t-u-t дом-IN-ATTR-IV.SG 'то, что в доме'	!enne-q'a-du-t вода.OBL-INTER-ATTR-IV.SG 'то, что в воде'	ustul-i-t-du-t стол.OBL-SUP-ATTR-IV.SG 'то, что под столом'	ustul-i-kl'-a-š-du-t' стол.OBL-SUB-ATTR-IV.SG 'то, что под столом'
LATIVE	šahru-l-a-k-du-t город.OBL-IN-LAT-ATTR-IV.SG '(машина, идущая) в город'	!enne-q'a-k-du-t вода.OBL-INTER-LAT-ATTR-IV.SG 'то, что на пути к воде'	ustul-i-t-i-k-du-t стол.OBL-SUPER-LAT-ATTR-IV.SG 'то, что на пути к столу'	č'e-le-li-kl'-a-k-du-t камень.OBL-SUB-LAT-ATTR-IV.SG 'то, что (помещается) под камнем'
ELATIVE	šahru-l-a-š-du-t город.OBL-IN-ELAT-ATTR-I.SG 'городская (та, что из города)'	!enne-q'a-š-du-t вода.OBL-INTER-ELAT-ATTR-IV.SG 'то, что (вытащено) из воды'	ustul-i-t-i-š-du-t стол.OBL-SUPER-ELAT-ATTR-IV.SG 'то, что (снято) со стола'	č'e-le-li-kl'-a-š-du-t камень.OBL-SUB-ELAT-ATTR-IV.SG 'то, что (вытащено) из-под камня'
ALLATIVE	šahru-l-a-ši-t-u-t город.OBL-IN-ALL-ATTR-IV.SG '(машина идущая) в сторону города'	!enne-q'a-ši-du-t вода.OBL-INTER-ALL-ATTR-IV.SG 'то, что (движется) к воде'	ustul-i-t-i-ši-t-u-t стол.OBL-SUPER-ALL-ATTR-IV.SG 'то, что близко к тому, что на столе'	ustul-i-kl'-a-ši-t-u-t стол.OBL-SUB-ALL-ATTR-IV.SG 'то, что рядом с (пространством) под столом'
TERMINATIVE	šahru-l-a-ka-na-t-u-t город.OBL-IN-TERM-ATTR-IV.SG '(машина идущая) до города'	!enne-q'a-ka-na-du-t вода.OBL-INTER-TERM-ATTR-IV.SG 'то, что движется до воды (и не дальше)'	ustul-i-t-i-ka-na-t-u-t стол.OBL-SUPER-TERM-ATTR-IV.SG 'то, что близко к поверхности стола'	ustul-i-kl'-a-ka-na-t-u-t стол.OBL-SUB-TERM-ATTR-IV.SG '(ковер) лежащий близко к пространству под столом'
TRANSLATIVE	duml-l-a-žut-du-t мир.OBL-IN-TRANS-ATTR-IV.SG 'мировая (вещь)'	!enne-q'a-žut-du-t вода.OBL-INTER-TRANS-ATTR-IV.SG 'то, что в воде'	duml-l-t-i-žut-du-t мир.OBL-SUPER-TRANS-ATTR-IV.SG 'много X' (дословно: (X) через вершину мира)'	

Безвершинный атрибутив может также присоединять падежные окончания. В данном случае можно говорить о «внутреннем» и «внешнем» падежном маркировании. В примере (51) атрибутив *došmisdummiš* ‘сестринский, тот, что предназначен для сестры’ присоединяет окончания дательного падежа дважды: одно окончание – перед атрибутивным суффиксом *-du* и одно – после него. Первое окончание выражает бенефактивную семантику (сундук для сестры), а второе окончание обусловлено послелогом *çarak* ‘позади’:

- (51) *doš-mi-s-du-m-mi-s* *çarak*
 сестра(II)-SG.OBL-DAT-ATTR-IV.SG-SG.OBL-DAT позади
is *i*
 [IV.SG]1SG.GEN [IV.SG]быть.PRS
 ‘Мой (сундук с приданным) позади сестринского
 (того, что для сестры).’

4.5. Атрибутивы, образованные от связанных основ

Некоторые атрибутивы образуются от основ, которые не употребляются без атрибутивного суффикса. В этих словах можно морфологически выделить атрибутивный суффикс, но основу сложно отнести к какой-либо части речи, поскольку эти слова употребляются в современном арчинском языке только с атрибутивным суффиксом. Примеры некоторых связанных основ приведены в (52).

- (52) *diribašdu* ‘шустрый’
pulannu ‘некий, такой-то’
qarcinnu ‘ленивый’
saçawat:u ‘щедрый’
terst:u ‘упрямый’
zurbat:u ‘сильный, крепкий’
çimarat:ut ‘очень красивый’

Атрибутивы от связанных основ синтаксически ведут себя так же, как и обычные атрибутивы:

- (53) *ters-t:u-r* *!:onnol* *oq-li-t*
 упрямый-ATTR-II.SG женщина(II)[SG.ABS] свадьба(IV)-SG.OBL-SUP
d-e:˘-t˘u
 II.SG-идти.POT-NEG
 ‘Упрямая женщина не идет на свадьбу.’

- (54) pulan-n-ib bokl' edi-li
 какой-то-ATTR-ATTR.PL люди(I/II)[PL.ABS] <I/II.PL>быть.PST-EVID
 ja-t duχriq'
 этот-IV.SG деревня(IV).SG.INTER.ESS
 'Такие-то люди жили в этой деревне.'
 (традиционный зачин истории)

Скорее всего, этот тип представляет собой атрибутивы от утраченных стативных глаголов. В пользу этого предположения говорит то, что при элицитации говорящие признают грамматичными конвербные формы этих слов, например, *tersši* 'будучи упрямым', *pulanši* 'будучи таким-то', но в текстах встречаются только атрибутивные формы. Поскольку стативные глаголы редко употребляются в неатрибутивной форме, нетрудно представить себе сценарий диахронического развития, когда от полной парадигмы стативного глагола остается только атрибутив.

5. Заключение

Атрибутив в арчинском языке представляет собой необычную категорию. С одной стороны, у него имеются четкие морфосинтаксические характеристики, позволяющие выделить его в отдельный класс: употребление в качестве определения к существительному и уникальная согласовательная парадигма. С другой стороны, арчинский атрибутив представляет собой редкий случай «смешанной» категории, поскольку он образуется от всех частей речи, сохраняя при этом морфосинтаксические свойства производящего слова. Среди языков нахско-дагестанской семьи, кроме арчинского, только в андийском языке зафиксирован атрибутив, образующийся от всех частей речи, но, в отличие от арчинского, андийский атрибутив не имеет возможности согласования [Майсак, 2018].

Арчинский атрибутив проблематичен и с точки зрения разделения словообразования и словоизменения. Продуктивность и семантическая регулярность атрибута не позволяет отнести его к словообразовательной категории; кроме того, в атрибутивном классе нет производных лексем. Морфологическая структура арчинского атрибута говорит в пользу того, что словоизменительные процессы могут применяться как до, так и после транспозиции.

Библиографический список / References

Архипов и др., 2008 – Арчинский язык / Архипов А.В., Даниэль М.А., Кибрик А.Е., Чумакина М.Э. // Малые языки и традиции: существование на грани / А.Е. Кибрик (ред.). М., 2008. С. 192–231. [Arhipov A.V., Daniel' M.A., Kibrik A.E., Chumakina M.E. Archi. *Malye yazyki i traditsii: sushchestvovanie na grani*. Kibrik A.E. (ed.). Moscow, 2008. Pp. 192–231.]

Гращенков, 2018 – Гращенков П.В. Грамматика прилагательного. Типология адективности и атрибутивности. М., 2018. [Grashchenkov P.V. *Grammatika prilagatel'nogo. Tipologiya ad'ektivnosti i atributivnosti* [The grammar of adjectives. The typology of adjectival categories and attributivization]. Moscow, 2018.]

Кибрик, 1977 – Кибрик А.Е. Опыт структурного описания арчинского языка. Т. II: Таксономическая грамматика. М., 1977. [Kibrik A.E. *Opyt strukturnogo opisaniya archinskogo yazyka* [Structural description of the Archi language]. Vol. II: Taxonomic grammar. Moscow, 1977.]

Кибрик и др., 1977 – Арчинский язык. Тексты и словари / Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловяникова И.П., Самедов Д.С. М., 1977. [Kibrik A.E., Kodzasov S.V., Olovyannikova I.P., Samedov D.S. *Archinskiy yazyk. Teksty i slovary* [Archi. Texts and dictionaries]. Moscow, 1977.]

Майсак, 2018 – Майсак Т.А. Атрибутивные показатели в андийском языке: клитики или аффиксы? // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. 2018 (в печати). [Maysak T.A. *Attributives in Andi: Clitics or affixes?* *Acta Linguistica Petropolitana*. 2018. In print.]

Bond et al., 2016 – Archi: Complexities of agreement in cross-theoretical perspective. Bond O., Corbett G.G., Chumakina M., Brown D. (eds.). Oxford, 2016.

Corbett, 1991 – Corbett G.G. *Gender*. Oxford, 1991.

Chumakina, Corbett, 2015 – Chumakina M., Corbett G.G. Gender number marking in Archi: Small is complex. *Understanding and measuring morphological complexity*. Baerman M., Brown D., Corbett G.G. (eds). Oxford, 2015. Pp. 93–116.

Haspelmath, 1996 – Haspelmath M. Word-class-changing inflection and morphological theory. *Yearbook of Morphology 1995*. Booij G., van Marle J. (eds.). Dordrecht, 1996. Pp. 43–66.

Koptjevskaja-Tamm, 1993 – Koptjevskaja-Tamm M. *Nominalizations*. London, 1993.

Nikolaeva, 2008 – Nikolaeva I. Between nouns and adjectives: A constructional view. *Lingua*. 2008. Vol. 118. Pp. 969–996.

Статья поступила в редакцию 15.09.2018

The article was received on 15.09.2018

Чумакина Марина Эдуардовна – кандидат филологических наук; научный сотрудник Суррейской морфологической группы факультета литературы и лингвистики, Университет графства Суррей, г. Гилфорд, Великобритания

Chumakina Marina E. – PhD in Linguistics; Research Fellow at the Surrey Morphology Group of School of Literature and Languages, University of Surrey, Guildford, United Kingdom

E-mail: M.Chumakina@surrey.ac.uk

DOI: 10.31862/2500-2953-2018-4-190-203

Д.В. Абашева, В.К. Сигов, Р.Х. ШаряфетдиновМосковский педагогический государственный университет,
119991, г. Москва, Российская Федерация

Становление и развитие чувашской фольклористики и литературоведения XIX в.

История национального литературоведения России XIX в. многогранна и имеет важное значение как для дальнейшего развития литературы, так и для процессов взаимообогащения различных литератур и их изучения. Особое место в данном контексте занимают Казанская губерния, издавна характеризующаяся этнической неоднородностью, многонациональным составом, и Казанский университет, являющийся центром изучения быта, фольклора и литературы Приволжского края. Особое значение в процессе становления литературоведения и дальнейшего развития литературы Поволжья в целом, и чувашской – в частности, приобретает деятельность чувашских писателей, артистов, художников, композиторов (И. Юркин, Г. Тимофеев, М. Акимов, К. Иванов, Н. Шубоссинни, М. Трубина, Ф. Павлов, П. Пазухин и др.) и исследователей (А.А. Фукс, В.А. Сбоев, С. М. Михайлов, П. Мальхов, И.Я. Яковлев, Н.М. Ашмарин и др.)

Ключевые слова: литература народов России, Поволжье, чувашская литература, фольклористика, поэтика, народная культура, традиция.

D. Abasheva, V. Sigov, R. Sharyafetdinov

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Formation and development of the Chuvash folklore studies and literary criticism of the 19th century

History of literary criticism of various nations of Russia in the 19th century is many-sided and is important both for further development of literature and for the process of mutual enrichment, addition of literatures and literary studies. A special place in this context belongs to the Kazan province which has always been characterized by ethnic diversity and multinational structure and to the University of Kazan which is the acknowledged center for studying traditional ways of life, folklore and literature of the Volga region. In the formation of literary criticism and the development of literature of the Volga region in general and Chuvash literature in particular, the activities of the Chuvash writers, actors, artists, composers (I. Yurkin, G. Timofeev, M. Akimov, K. Ivanov, N. Shubossinni, M. Trubina, F. Pavlov, P. Pazukhin, etc.) and researchers (A.A. Fuchs, V.A. Sboev, S.M. Mikhailov, P. Malkhov, I.Ya. Yakovlev, N.M. Ashmarin, etc.) are of special importance.

Key words: literature of the peoples of Russia, the Volga region, Chuvash literature, folklore, poetics, folk culture, tradition.

Как справедливо писал Н.Я. Агафонов, «ни одному из ... инородческих племен не посчастливилось приобрести среди русских ученых стольких солидных исследователей, как чувашам» [Агафонов, 1906, с. 42]. Началом активного собирания и изучения отдельных образцов чувашского народного литературного творчества следует считать вторую треть XIX в.

Впервые чувашские народные песни были напечатаны в книге «Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии», изданной в 1840 г. в типографии Казанского университета. Стоит отметить, что книга включает также и научные разъяснения и дополнения ее мужа – профессора К.Ф. Фукса (1776–1846). Первая часть этой книги «Записки о чувашах» была написана А.А. Фукс (Апехтиной)

под впечатлением поездки в 1830–1832 гг. по чувашским селениям Чебоксарского уезда в эпистолярной форме – в виде писем ее мужу, профессору Казанского университета. Сама Александра Андреевна более двадцати лет являлась хозяйкой литературного салона в Казани, приятельствовала с Е.А. Боратынским, была знакома с А.С. Пушкиным [Бобров, 1904]. На материале личных наблюдений над бытом и обычаями крестьян нескольких деревень А. Фукс описывает чувашские традиционные обряды (поминки, свадьбы, моление, жертвоприношение и др.), а также публикует несколько лирических песен. Кроме того, А. Фукс приводит в своей книге пять стихотворений неизвестного «Феди из чуваш», присланных ей известным литератором и краеведом Д.П. Ознобишиным. Это, скорее всего, были не песни в полном виде, а только отрывки из них, т.к., судя по их смыслу, мы можем заключить, что певец для интересующихся чувашской народной поэзией исполнял фрагменты разных песен. И весьма возможно, что при этом Д.П. Ознобишин записал не весь текст. Надо отметить, что А.А. Фукс и Д.П. Ознобишин не отбирали из устной народной поэзии чуваш лучшие образцы, а руководствовались принципом записи всего, что бытует в народе, тем не менее и эти произведения получили высокую оценку их собирателей.

После издания книги Александры Фукс (начиная с 1840-х гг.) в периодической печати и отдельными изданиями регулярно появляются труды по этнографии и фольклору чувашского народа. К их числу следует отнести статьи В.И. Лебедева, Д.С. Савельева, крупное исследование профессора В.А. Сбоева. В этих трудах приводятся не только произведения народного поэтического творчества, но и оригинальные образцы чувашской художественной литературы.

Особый интерес вызывает исследование Ф.П. Павлова «Чуваши и их песенное и музыкальное творчество» (1926), в котором, наряду с ценным музыкально-этнографическими очерками приводится обзор изданий, в которых печатались тексты и ноты чувашских песен, а также исследования, посвященные песенному и музыкальному творчеству чуваш (Ф.Г. Миллер, А.А. Фукс, М.С. Михалов, Н.И. Заболоцкий, А. Охотников и др.) [Павлов, 1926, с. 59–65].

Эпистолярно-монографический труд профессора Казанского университета В.А. Сбоева «Исследования об инородцах Казанской губернии. Заметки о чувашах» представляет значительный научный интерес. Будучи сам уроженцем местного края, В.А. Сбоев хорошо знал язык и быт чувашей. Записи чувашских народных песен В.А. Сбоевым, по его свидетельству, производились непосредственно «от самих народных песнопевцев» и отличаются научной достоверностью. В своей книге он приводит восемь народных песен, подразделяя их на следующие

жанровые разновидности: эротические, элегические, обрядовые и сатирические. Таким образом, В.А. Сбоев дал первую продуманную классификацию чувашских народных песен, подкрепил ее своими примерами. Он подчеркнул, что «чуваши весьма часто импровизируют свои песни. Но не менее справедливо и то, что у них есть песни, переходящие из одного поколения к другому» [Сбоев, 1856, с. 148]. В заключении своего труда В.А. Сбоев пояснил некоторые особенности поэтической формы чувашских песен, определил чувашское народное стихосложение как тоническое, раскрыл значение чувашского стиха. Исследователь более обстоятельно и с учетом ошибок своих предшественников описывал быт и обычаи чувашского народа, не скрывая своего благосклонного отношения к нему и восхищаясь его трудолюбием, хотя он не был свободен от увлечения экзотическими сторонами быта «инородцев».

В середине XIX в. чувашская литература и этнография интенсивно изучаются как русскими, так и национальными специалистами, а результаты наблюдений обобщаются и публикуются, прежде всего, в периодической печати, т.к. она являлась наиболее оперативной и доступной. В 1850-х гг. начал свою деятельность первый чувашский этнограф и фольклорист С.М. Михайлов (1821–1861). Выходец из бедной трудовой семьи, он рано узнал тяготы жизни: был мальчиком на побегушках, учеником писаря, а затем до конца жизни переводчиком при Козьмодемьянском земском суде. Отличное знание русского языка помогло ему не только тесно приобщиться к русской культуре, но и написать глубокие исследования о жизни и устно-поэтическом творчестве родного народа. Из-за отсутствия в ту пору чувашской письменности Спиридон Михайлов создавал свои труды на русском языке. Он хорошо знал творчество классиков русской литературы: А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, И.А. Крылова и других, высоко оценивал их художественное наследие, проникнутое духом народности. Начиная с 1852 г. С. М. Михайлов систематически публиковал свои материалы в газетах «Русский дневник», «Казанские губернские ведомости», «Русский инвалид», «Северная пчела» и журнале «Москвитянин». В 1852 г. он издает отдельными книгами работы «О музыке чуваш», «Предания чуваш», «Чувашские свадьбы», через год – сборник «Чувашские разговоры и сказки», а в 1855 г. – этнографический очерк «Капустики».

Авторство Спиридона Михайлова в составлении книги «Чувашские разговоры и сказки», до сих пор приписываемое ему, ныне требует уточнения по следующим мотивам. Наше внимание привлекло неоднократное утверждение В.К. Магницкого в разных статьях и письмах о том, что «Чувашские разговоры и сказки» сочинение В.П. Громова, а не С.М. Михайлова. Ученый поясняет это высказывание так:

«Напечатаны без подписи автора (имеются в виду «Чувашские разговоры и сказки» – Д.А.) в 1853 году в “Казанских губернских ведомостях”. Вслед за статьей В.П. Громова в тех же “Ведомостях” напечатано “Краткое этнографическое описание чуваш” С. Михайлова (этнограф-чувашин) с обычной его подписью. В отдельном же оттиске обе эти статьи редакцией, неизвестно по каким побуждениям, соединены в одну брошюру, причем заглавие брошюре дано по статье В.П. Громова, а имя автора выставлено на ней “С. Михайлов”, что теперь многих вводит в заблуждение. Пишущий все это утверждает на основании непосредственного указания В.П. Громова. Найденная впоследствии в бумагах С. Михайлова подлинная рукопись В.П. Громова с указанным заглавием, написанная им собственноручно, передана мною Н.Я. Агафонову» [Магницкий, 1901, с. 4]. Изучая архив Н.Я. Агафонова, мы обнаружили указанную рукопись в Российском государственном архиве литературы и искусства. Здесь же имеются и письма С. Михайлова [Михайлов, л. 567–575]. Почерки различны. На рукописи рукою В.К. Магницкого написано «Собственноручная рукопись священника Василия Петровича Громова, неправильно приписываемая С. Михайлову. 1894 г. 26 сентября. Казань. В. Магницкий» [Громов, л. 574]. На основании этого можно сделать вывод о том, что составителем книги «Чувашские разговоры и сказки» действительно является В.П. Громов. По оплошности редакции две работы на одну тему – о чувашах, принадлежащие разным авторам, оказались объединенными в одном оттиске (С.М. Михайлов «Краткое этнографическое описание чуваш» и В.П. Громов «Чувашские разговоры и сказки»). Теперь В.П. Громова и С.М. Михайлова возможно считать соавторами одной брошюры «Чувашские разговоры и сказки».

За плодотворную работу в области истории, этнографии и фольклора чувашского народа С.М. Михайлов был избран действительным членом Русского географического общества (1854 г.), а позднее (в 1856 г.) он стал членом-корреспондентом Казанского Губернского Статистического Комитета – научного центра по изучению Среднего Поволжья, в 1859 г. был награжден серебряной медалью Русского географического общества. С.М. Михайлов пользовался авторитетом эрудита по Чувашскому краю и был весьма уважаем А.И. Артемьевым и другими видными учеными того времени. Научная деятельность и литературное творчество С. Михайлова имело три направления: историко-этнографические исследования; сбор и обработка образцов устно-поэтического народного творчества; создание собственных, оригинальных художественных произведений. В своих произведениях С. Михайлов твердо разделял симпатии и антипатии родного народа. Так, в очерке «Воспоминание о Пугачеве» он создает образ «чувашина», любовно оберегающего

большую ореховую чашу, в которой «дед его подносил Пугачеву серебряные монеты». С. Михайлов подчеркивал образную полноценность и языковое богатство чувашского фольклора. В очерке «Чувашские свадьбы» он писал, что чувашским народным песням присущи глубокие чувства и художественная красота, и в доказательство этому напечатал свой поэтический перевод «Плача невесты», исполненного народной мудрости и лиризма. В исследовании фольклора Михайлов внес элемент теоретического анализа и системности. В чувашских народных сказках, легендах, песнях, пословицах и загадках, собранных С. Михайловым, разносторонне показана жизнь землепашца, отражена его житейская мудрость, практическая сноровка и оптимизм. Труды С. Михайлова по истории, этнографии и фольклору явились значительным шагом вперед по пути научного изучения духовной культуры чувашского народа.

Книга П. Мальхова «Симбирские чуваша и поэзия их» (Казань, 1877) представляет интерес тем, что в ней наряду с подробным описанием чувашского свадебного ритуала напечатаны новые образцы свадебных песен: песни подружек невесты, песни гостей, песни жениха, его досов (друзей) и родственников. Тексты песен приводятся в оригинале и сопровождаются подстрочным переводом на русский язык.

Чувашские ученые 1870–80-х гг., рассматривая историю чувашского литературоведения в рамках принятого в то время противопоставления двух культур – демократической и буржуазной, в целом справедливо оценивали положительное воздействие русской культуры на развитие чувашской письменности и литературы, но допускали и некоторую идеализацию взаимоотношений русского и иных народов Поволжья. Следует учитывать, что почти четыре пятых населения России было неграмотно. Грамотность чуваш даже в начале XX в. составляла лишь 13%, а среди женщин грамотных было всего около 3%. В этих условиях исключительно важным событием было основание Симбирской чувашской школы (1868), преобразованной затем в учительскую школу, и открытие в Казани учительской семинарии (1872). Они стали вскоре настоящими очагами чувашской культуры.

При Казанском учебном округе с 1862 г. была введена должность инспектора чувашских школ, которую первым занял Н.И. Золотницкий (1829–1880). Для подготовки учителей чувашских школ нужны были учебные пособия, книги на родном языке. В своей официальной «Записке о народном образовании чуваш», составленной 9 сентября 1866 г., Н.И. Золотницкий так сообщает о «первых нуждах в деле народного просвещения чуваш»: «Для возможно скорейшего обрусения чуваш, для распространения в массе их основных понятий о христианских истинах и для успешного хода у них народного образования необходимо:

1. Первоначальное обучение чувашских детей на их народном языке. Для этого требуются книги, печатанные русскими гражданскими буквами... а) Чувашский букварь: эта книга составляется мною на народном языке под заглавием «Чуваш кнеге»... б) Краткое изложение священной истории... в) Краткое изложение Катехизиса и обязанностей христианских... г) Перевод Евангелия... 2. Заведение образцовой чувашской школы в г. Цивильске...» [Золотницкий, 1866, л. 321–322].

Н.И. Золотницкий первым приступил к переводу и составлению книг с учетом особенностей строя чувашской речи. Он создал первый букварь для чувашских детей («Чуваш кнеге», Казань, 1867), составил «Корневой чувашско-русский словарь» (1875), издал первый чувашский календарь («Солдалык кнеге», Казань, 1867, 1874), в которых помещал и произведения народного устно-поэтического творчества. Несмотря на цели инспектора, значение этих книг для развития грамотности чуваш трудно переоценить. Однако книги Н.И. Золотницкого были написаны только на верховом диалекте чуваш и не учитывали низового наречия. Только на базе обоих диалектов можно было создать общепонятный, единый чувашский литературный язык и письменность.

Эту огромную историческую задачу выполнил просветитель чувашского народа И.Я. Яковлев (1848–1930), чуваш по происхождению, основатель Симбирской чувашской школы. Всю свою жизнь И.Я. Яковлев посвятил делу распространения грамотности и культуры среди чувашского народа, сначала (в 1875–1903 гг.) как инспектор чувашских школ Казанского учебного округа, затем в качестве инспектора Симбирской чувашской учительской школы (1903–1918). По единодушному признанию исследователей жизни и деятельности И.Я. Яковлева, крупнейшую заслугу его составили: создание им в начале 1870-х гг. алфавита и новой письменности на чувашском языке, способствовавшей развитию оригинальной чувашской художественной литературы, одним из зачинателей которой он стал сам; организация массового вовлечения чувашских детей и молодежи в школы; подготовка национальных кадров деятелей народного просвещения, культуры, литературы и искусства; распространение в народных массах научных знаний и идей сознательного приобщения к передовой русской культуре. О масштабах просветительской деятельности можно судить хотя бы по тому, что «при его участии было открыто до тысячи чувашских школ, в которых получали образование 29 тысяч сынов и дочерей чувашского народа» [Сироткин, 1956, с. 25]. Основанная И.Я. Яковлевым Симбирская чувашская школа в конце XIX в. стала также центром собирания и изучения устно-поэтического творчества чувашского народа. Ее воспитанники считали за честь записывать чувашские народные сказки, легенды, пословицы,

поговорки и песни, сохраняя их для будущих поколений. Ученики получали специальные задания во время каникул – собирать в самых глухих уголках Чувашского края народные устно-поэтические произведения.

Из среды учащихся Симбирской школы, впервые приобщившихся к художественному творчеству через фольклор, затем вышли многие видные чувашские писатели, артисты, художники, композиторы: И. Юркин, Г. Тимофеев, М. Акимов, Т. Семенов (Гаэр), К. Иванов, Н. Шубоссинни, М. Трубина, Ф. Павлов, П. Пазухин и другие. В результате коллективных усилий в Симбирской чувашской школе были изданы в 1908 г. сборники «Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним», «Сказки и предания чуваш», где были впервые напечатаны оригинальная баллада М. Федорова «Леший» («Арсюри»), классическая поэма К. Иванова «Нарспи» и др. После создания чувашской письменности начинается наиболее интенсивный период фольклорных изысканий. Учащиеся Симбирской чувашской школы собрали так много произведений фольклора, что только в руках профессоров Н.И. Ашмарина и Н.В. Никольского их сохранилось до 250 томов. Лучшие образцы устного народного творчества И.Я. Яковлев в переработанном виде включал в буквари и книги для чтения. Из народных анекдотов, пословиц и поговорок составлялись короткие рассказы нравоучительного характера, высмеивающие невежество и предрассудки, воспытывающие трудолюбие и высокие душевные качества. Так, И.Я. Яковлевым были переработаны народные юмористические рассказы «Старик и комары», «Как мужик искал лошадь», «Сколько стоит хомут», «На сенокосе», сказка «Сармандей», песни «Черная смородина», «Меня любят и уважают» и другие произведения. Близость педагогических идей И.Я. Яковлева к народной поэзии убедительно показана в трудах профессора Г.Н. Волкова «Этнопедагогика чувашского народа» (1966), «Этнопедагогика» (1999) и в других работах. Использованные И.Я. Яковлевым и его учениками народно-поэтические произведения в доступной форме доносили до чувашских читателей поэтическую прелесть родного языка, развивали в них образное мышление, прививали любовь к письменной литературе. Таким образом, Симбирская чувашская школа под руководством И.Я. Яковлева явилась не только колыбелью чувашской письменности и национальной культуры, но и серьезным этапом в становлении чувашской фольклористики.

Во второй половине XIX в. значительно усиливается изучение чувашской литературы и этнографии со стороны русских ученых, имевших повседневную связь с чувашским населением. Одним из таких крупных фольклористов и этнографов является В.К. Магницкий, традиции которого активно продолжили многие представители чувашской национальной интеллигенции, в том числе И.Н. Юркин и Г.Т. Тимофеев.

И.Н. Юркин (1863–1943), выходец из крестьянской семьи чуваш Симбирской губернии, помощник писаря волостного правления, служащий акцизного и статистического управлений губернии, не имея специального высшего образования, до конца жизни оставался неутомимым собирателем, сумел выделиться как ученый-фольклорист и этнограф, стал чувашским писателем. Всего им собрано около 60 тысяч строк народных песен, до 100 сказок, множество пословиц и поговорок. Первой его работой явился сборник «Народные чувашские песни», составленный из произведений, собранных и переработанных в 1886–1888 гг. Чувашские обрядовые и лирические песни, отражающие жизнь народа в ярких образах и бичующие социальное неравенство, импонировали И.Н. Юркину, и он прежде всего собирал и обрабатывал именно народные песни, которые ныне хранятся в фондах Чувашского государственного института гуманитарных наук. Многие из них вошли в сборники фольклора, подготовленные к изданию этим институтом. И.Н. Юркину принадлежит обработка многих сказок, в том числе и волшебной сказки «Илья-батыр». Замечательным примером научного сотрудничества является оживленная переписка В.К. Магницкого и И.Н. Юркина, которому Магницкий всячески помогал советами, подбором литературы и программ по собиранию фольклора. Позднее И.Н. Юркин своей работой в области собирания фольклора оказал значительную помощь Н.И. Ашмарину. Последний на материале чувашских народных песен, присланных ему И.Н. Юркиным, создал свою первую научную статью «Очерк народной поэзии у чуваш» [Ашмарин, 1892].

Г.Т. Тимофеев (1878–1937), сын крестьянина-чуваши из села Тюрлема Чебоксарского уезда, обучаясь в Симбирской чувашской учительской школе, подготовился не только к учительской работе, но и научился собирать и обрабатывать фольклорные произведения. Г.Т. Тимофеев продолжительное время проработал в отдаленных чувашских деревнях, собрал большое количество народных песен, плачей, сказок и загадок в девяти деревнях Буинского уезда Симбирской губернии: Таккавар, Раккасси, Киштек, Элшел, Пимерсел, Пуркел, Хирти Кушка, Мергле, Чаваш Парантаке. Подготовленный Г.Т. Тимофеевым сборник фольклорных материалов и этнографического обзора так и называется – «Девять деревень» (1896–1901). Благодаря усилиям сотрудников Чувашского государственного института гуманитарных наук и других фольклористов республики этот ценный сборник издан отдельной книгой с научными комментариями А.В. Васильева. В сборнике «Девять деревень» много песен различной тематики – застольных, игровых, свадебных, солдатских и др.

Солдатские песни чувашского народа довольно полно представлены в книге И.Д. Никитина-Юрки «Песни чуваш Ядринского и соседних уездов», изданной в Казани (1908). В ней были помещены оригинальные тексты и переводы двадцати солдатских песен с наименованиями селений, где они исполнялись. И.Д. Никитин между прочим отмечает, что «по времени исполнения песни у чуваш бывают свадебные, солдатские, гостевые, детские, игровые и масленичные. Из них три первых вида наиболее распространены и многочисленны» [Никитин, 1908, с. 17].

Более сорока лет своей неутомимой деятельностью посвятил исследованию чувашского языка и собиранию чувашского устно-поэтического творчества русский ученый, профессор Н.И. Ашмарин (1870–1933). Знаком чувашского языка, Н.И. Ашмарин тесно связывал изучение народной поэзии с разработкой научных трудов по лингвистике (тюркологии). Еще в бытность студентом Московского института восточных языков, он написал в 1892 г. уже упомянутый нами «Очерк народной поэзии у чуваш». Позднее Н.И. Ашмарин издал ряд сборников по чувашскому языку, истории и этнографии. С именем Н.И. Ашмарина связано начало массового собирания чувашской народной поэзии. Приступая к составлению монументального «Словаря чувашского языка», он разработал научно продуманную программу собирания языковых, историко-этнографических и фольклорных материалов (1896). В ней ученый просил молодую чувашскую интеллигенцию помочь ему в сборе «сведений, касающихся чуваш, их быта, языка и народной словесности» [Ашмарин, 1899, с. 3], давал свои рекомендации о том, как это лучше осуществить. Призыв Н.И. Ашмарина был услышан сотнями любителей народного устно-поэтического творчества. В его распоряжение вскоре поступил ряд рукописных сборников, составленных И.Я. Яковлевым, И.Н. Юркиным, Н.И. Полоруссовым-Шелеби, И.Е. Ефимовым, Г.Т. Тимофеевым и др. Таким образом, Н.И. Ашмарин ввел в практику чувашской фольклористики методы как экспедиционного, так и стационарного изучения фольклора, принципы которых начал применять в своей деятельности еще В.К. Магницкий, а Н.И. Ашмарин изложил их в незаконченном труде «К курсу чувашской народной словесности» [Ашмарин].

Н.И. Ашмарин указывал на необходимость исследования народного поэтического творчества с учетом конкретных исторических условий его возникновения и бытования, с тем, чтобы лучше понять его общественное назначение и художественные особенности. Он придерживался сравнительно-исторического метода изучения фольклора. Ученый считал, что при изучении произведений чувашского фольклора необходимо сравнивать их с образцами фольклора других тюркоязычных

народов, и предлагал научный курс чувашского фольклора. В области изучения народно-поэтического творчества Н.И. Ашмарин связывал развитие фольклора с объективными жизненными факторами крестьянства, в «безыскусственной поэзии» которого отразились «все феномены его духовной жизни» [Ашмарин, 1892, с. 42]. Произведения народного устно-поэтического творчества Н.И. Ашмарин исследовал в неразрывном единстве их идейного смысла и художественных особенностей, метко указывая на специфическую поэтическую форму, самобытный национальный характер как на критерий зрелости поэтического мастерства народных песнопевцев. Н.И. Ашмарина следует по праву считать не только основателем чувашской лингвистической науки, но и одним из создателей чувашской фольклористики.

Многие ученые видели богатство фольклорного материала народностей России и очень часто пользовались им в своих исследованиях для подтверждения тех или иных теоретических выводов. Так, например, известный исследователь Е.В. Аничков писал: «Рядом с русским обычаем обычай инородческий всегда будет интересен с точки зрения проверки или дополнения. Инородец более полно сохраняет обряд, уже не твердо держащийся в нашем простонародии. Его представления менее осложнены и как бы более прозрачны. Через них можно таким образом увидеть многое, что только чуть вырисовывается в нашей обрядности» [Аничков, 1912, с. 43].

Д.К. Зеленин в своих произведениях приводил много примеров из чувашской литературы и устно-поэтических произведений других народностей. В частности, в «Очерках русской мифологии» он говорит о поминальных обрядах чуваш, о так называемой сухой беде – своеобразном способе мести у чуваш, о семике – поминальном празднике у чуваш и приводит другие примеры. Эти факты уже свидетельствуют о том, что на «инородческий», как тогда называли неславянский, принадлежавший национальным меньшинствам, фольклор, в частности, на устно-поэтическое творчество чуваш, обращали внимание и представители столичной университетской науки.

Из зарубежных ученых, занимавшихся проблемами языка и литературы тюркских и угро-финских народов и в связи с этим так или иначе интересовавшихся вопросами чувашского народно-поэтического творчества, следует упомянуть здесь венгерских исследователей Б. Фабо, написавшего книгу «Ритмика и мелодия тюркских народных песен» (Будапешт, 1906), в которой анализируются и некоторые чувашские песни, и Д. Месароша, составителя сборника народных песен, пословиц, загадок, сказок (Будапешт, 1912), а также профессора Хельсингфорского

университета Х. Паасонена, труд которого «Обряды и устно-поэтическое творчество чувашей» увидел свет лишь тридцать лет спустя после кончины автора (Хельсинки, 1949).

Подводя итоги сказанному выше, следует сказать, что в дореволюционный период чувашским литературоведением был проделан значительный путь становления и развития. Собирателями и исследователями чувашского фольклора накоплен громадный фактический материал, проведен научный анализ отдельных произведений и жанров. Устно-поэтическое творчество чуваш привлекало внимание не только местных исследователей, но и столичных и зарубежных ученых.

Библиографический список / References

Агафонов, 1906 – Агафонов Н. Казань и казанцы. Ч. 1. Казань, 1906. [Agafonov N. Kazan' i kazantsy [Kazan and its inhabitants]. Vol. 1. Kazan, 1906.]

Аничков, 1912 – Аничков Е.В. Новые образы и старые мнения // Русская критика современной литературы. Характеристики, образы, портреты. СПб., 1912. [Anichkov E.V. New images and old opinions. *Russkaya kritika sovremennoy literatury. Harakteristiki, obrazy, portrety*. St. Petersburg, 1912.]

Ашмарин – Ашмарин Н.И. К курсу чувашской народной словесности // Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отд. IV. Ед. хр. 67. Инв. № 124. Л. 1–104. [Ashmarin N.I. K kursu chuvashskoy narodnoy slovesnosti [To the course of the Chuvash folk literature]. Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Division IV. Case 67. № 124. Ms. Sheet 1–104.]

Ашмарин, 1892 – Ашмарин Н.И. Очерк народной поэзии у чуваш // Этнографическое обозрение. 1892. Кн. XIII–XIV. № 2–3. [Ashmarin N.I. Essay on folk poetry in the Chuvash. *Etнографическое обозрение*. 1892. Vol. XIII–XIV. № 2–3.]

Ашмарин, 1899 – Ашмарин Н.И. Программа для составления чувашского словаря. Казань, 1899. [Ashmarin N.I. Programma dlya sostavleniya chuvashskogo slovarya [Program for compiling the Chuvash dictionary]. Kazan, 1899.]

Бобров, 1904 – Бобров Е.А. А.А. Фукс и казанские литераторы 30–40-х годов // Русская старина. 1904. № 6. С. 481–509. [Bobrov E.A. A.A. Fuks and Kazan writers of the 30s – 40s i kazanskie literatory. *Russkaya starina*. 1904. № 6. Pp. 481–509.]

Громов – Громов В.П. Чувашские разговоры и сказки. Рукопись // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1215 (Агафонов Николай Яковлевич (1842–1908) – журналист, библиограф). Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 574–577. [Gromov V.P. Chuvashskie razgovory i skazki [Chuvash conversations and fairy tales]. The Russian State Archive of Literature and Art. Fund 1215 (Agafonov Nikolai Yakovlevich (1842–1908) – journalist, bibliographer). Inventory 1. Case 15. Ms. Sheet 574–577.]

Золотницкий, 1866 – Золотницкий Н.И. Записка о народном образовании чуваш. 9 сентября 1866 г. // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1215 (Агафонов Николай Яковлевич (1842–1908) –

журналист, библиограф). Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 321–322. [Zolotnitskiy N.I. Zapiska o narodnom obrazovanii chuvash. 9 sentyabrya 1866 g. [Note on public education for Chuvash people. September 9, 1866]. The Russian State Archive of Literature and Art. Fund 1215 (Agafonov Nikolai Yakovlevich (1842–1908) – journalist, bibliographer). Inventory 1. Case 15. Ms. Sheet 321–322.]

Кедров, 1901 – Кедров Н. В.К. Магницкий. Казань, 1901. [Kedrov N. V.K. Magnitskiy. Kazan, 1901.]

Магницкий, 1901 – Магницкий В.К. К биографии Василия Афанасьевича Сбоева. Казань, 1901. [Magnitskiy V.K. K biografii Vasiliya Afanas'evicha Sboeva [To the biography of Vasily Afanasyevich Sboev]. Kazan, 1901.]

Михайлов – [Письма С.М. Михайлова] // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1215 (Агафонов Николай Яковлевич (1842–1908) – журналист, библиограф). Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 567–575. [Pis'ma S.M. Mihaylova [Letters S.M. Mikhailov]. The Russian State Archive of Literature and Art. Fund 1215 (Agafonov Nikolai Yakovlevich (1842–1908) – journalist, bibliographer). Inventory 1. Case 15. Ms. Sheet 567–575.]

Никитин, 1908 – Никитин И.Д. Песни Чуваш Ядринского и соседних уездов. Казань, 1908. [Nikitin I.D. Pesni Chuvash Yadrinskogo i sosednih uezdov [Songs of Chuvash people from Yadrinsky and neighboring counties]. Kazan, 1908.]

Павлов, 1926 – Павлов Ф.П. Чуваши и их песенное и музыкальное творчество: Музыкально-этнографические очерки. Чебоксары, 1926. [Pavlov F.P. Chuvashi i ih pesennoe i muzykal'noe tvorchestvo: Muzykal'no-etnograficheskie ocherki [Chuvash people and their songs and music: Musical and ethnographic essays]. Cheboksary, 1926.]

Сбоев, 1856 – Сбоев В.А. Исследования об инородцах Казанской губернии. Заметки о чувашах. Казань, 1856. [Sboev V.A. Issledovaniya ob inorodtsah Kazanskoey gubernii. Zametki o chuvashah [Studies about other nationalities of the Kazan province. Notes about the Chuvash]. Kazan, 1856.]

Сироткин, 1956 – Сироткин М.Я. Очерк истории чувашской советской литературы. Чебоксары, 1956. [Sirotkin M.Ya. Ocherk istorii chuvashskoy sovetskoy literatury [Essay on the history of the Chuvash Soviet literature]. Cheboksary, 1956.]

Статья поступила в редакцию 28.08.2018

The article was received on 28.08.2018

Абашева Диана Владимировна – доктор филологических наук; профессор кафедры русской литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет

Abasheva Diana V. – Dr. Phil. Hab.; Professor at the Department of Russian Literature of Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

E-mail: abasheva.diana@yandex.ru

Сигов Владимир Константинович – доктор филологических наук; профессор кафедры русской литературы XX–XXI вв. Института филологии, Московский педагогический государственный университет

Sigov Vladimir K. – Dr. Phil. Hab.; Professor at the Department of Russian Literature of Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

E-mail: vladimirsigov@mail.ru

Шаряфетдинов Рамиль Хайдарович – кандидат филологических наук; доцент кафедры русской литературы XX–XXI вв. Института филологии, Московский педагогический государственный университет

Sharyafetdinov Ramil Kh. – PhD in Philology; associate professor at the Department of Russian Literature of Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

E-mail: rkh.sharyafetdinov@m.mpgu.edu

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

Rhema. Рема

2018.4

Электронная версия журнала:
<http://rhema-journal.com>

Подписано в печать 29.12.2018 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 12,75 п. л. Тираж 1000 экз.